Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Арзамасский филиал ННГУ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник статей
участников Всероссийской научно-практической конференции

(16–17 апреля 2021 г.)

Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2021

УДК 340(063)
ББК 67.0я431
С 56

Печатается по решению учёного совета Арзамасского филиала ННГУ
(протокол № 7 от 29.04.2021)

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор кафедры судебной экспертизы А.Ю. Арефьев
генерал-майор юстиции в отставке, старший преподаватель кафедры
предварительного расследования Нижегородской академии МВД Л.В. Денисов

Редакционная коллегия:
д.мед.н., профессор В.Ю. Толстолуцкий,
к.юр.н., завкафедрой судебной экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
доцент В.А. Юматов,
к.пед.н., доцент В.А. Колосова (ответственный редактор)

С56 Современные проблемы права глазами молодых ученых: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (16–17 апреля 2021 г.) / ред. кол.: В.Ю. Толстолуцкий, В.А. Юматов, В.А. Колосова; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – 190 с.
ISBN 978-5-6046140-7-5

В сборник включены материалы научных докладов, представленных на Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы права глазами молодых ученых». Адресуется ученым и практическим работникам, осуществляющим нормотворческую, правоприменительную, правоохранительную и экспертно-консультативную деятельность, а также студентам вузов.

УДК 340(063)
ББК 67.0я431

ISBN 978-5-6046140-7-5 © Арзамасский филиал ННГУ, 2021

Содержание

Д.И. Адилова
Целесообразность введения в Уголовный кодекс РФ статьи 144^1…… 6

Н.С. Базанова, В.В. Маличенко
Медико-правовые проблемы борьбы с ятрогенной преступностью …… 9

Е.И. Баймуратова
Правовое регулирование биомедицинской этики……... 14

Е.И. Баймуратова
Взятка в здравоохранении: уголовно-правовые аспекты…… 18

Д.Д. Бакиев, П.И. Перепечаева
Побуждение к самоубийству в сети Интернет …… 22

К.В. Борисова
Уголовно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение родительских прав…… 27

Н.А. Гордеев
Нравственные требования к профессиональной деятельности следователя … 32

М.Д. Гранев
К проблеме интеграции и дифференциации научного знания в судебной экспертизе…… 36

Д.И. Гусева
Судебная лингвистическая экспертиза при выявлении завуалированной информации в интернет-текстах…….. 42

П.И. Далёкин
Особенности нормативно-правового обеспечения выездных и камеральных налоговых проверок…… 47

А.А. Дубова
Электронная переписка как разновидность электронных доказательств в арбитражном процессе…… 56

А.А. Дубова
Нотариальное обеспечение доказательств……... 62

Е.А. Ежова
Определение момента начала жизни в современном законодательстве России …… 67

Д.В. Калошкина, В.А. Колосова, У.А. Кудряшова
Правовые проблемы наследования по завещанию в российском законодательстве…… 72

О.К. Клопова
Правовые аспекты применения искусственного интеллекта в медицине…… .76

П.О. Кобылин
Разграничение мошенничества и вымогательства (на примере новых посягательств, совершаемых в сети Интернет), а также некоторые сопутствующие вопросы квалификации преступлений …… 81

М.А. Козлова
Нравственные аспекты в отношениях прокурора с участниками судебного процесса…….. 86

В.А. Колосова, Москаленко О.А.
Проблемы реализации избирательного права инвалидов……. 90

В.А. Колосова, Н.Б. Смирнова
Уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка…….. 94

А.Р. Комиссарова
Уголовно-правовые и социально-психологические вопросы борьбы с изнасилованиями……. 99

Д.О. Комлев
Использование в уголовном кодексе Российской Федерации терминологического сочетания «рабский труд»…… 103

А.В. Кострова
Вопрос о снижении возраста наступления уголовной ответственности: «за» и «против»…….. 107

А.А. Кузнецова
Контроль за доходами и расходами государственных служащих и иных лиц как средство противодействия коррупции…….. 111

А.А. Кусакин
Отграничение убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего причинение смерти по неосторожности …… 116

Л.Г. Мураталиева
Проблемы практики применения статьи 122 УК РФ «Заражение ВИЧ-инфекцией»…… 120

А.А. Никитина
Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи: целесообразность введения…… 123

С.А. Попова, Я.Ю. Александров
Организационно-экономический инструментарий противодействия теневой экономике и коррупции…….. 127

А.О. Разумкова
Особенности привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника ……. 134

А.А. Санаткина
Криминалистическая характеристика фальсификации доказательств…….. 138

А.А. Санаткина
Криминалистическое понятие фальсификации, виды и типичные способы ее осуществления…….. 142

Н.Б. Смирнова, В.А. Колосова
Защита авторских прав аудиовизуальных произведений в сети Интернет… 147

С.С. Соловьева
Правовые вопросы экономической деятельности…… 151

В.Ю. Толстолуцкий
Обучение криминалистике в эпоху искусственного интеллекта…….. 154

Ю.А. Трошанина, А.А. Королев
Особенности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц организации: обзор судебной практики……. 161

Ю.А. Трошанина, Д.К. Хохлов
Особенности привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве…….. 165

В.В. Фролова
Полномочия государственных органов по противодействию коррупции в Российской Федерации (на примере Нижегородской области)……. 171

Г.А. Харитонов
Административная ответственность за нарушение таможенных правил в странах ЕАЭС (Казахстан**)**…….. 176

Н.А. Чередов
Право физического лица на неприкосновенность внешнего облика…… 180

С.Я. Чувагина
Методика экспертного исследования цифровых изображений……. 186

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РФ СТАТЬИ 144^1

Д.И. Адилова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
e-mail: adilovadasha@gmail.com
Научный руководитель: П.О. Кобылин, ассистент

В статье рассматривается проблема введения в Уголовный кодекс РФ уголовной ответственности за необоснованный отказ в приёме на работу и необоснованное увольнение лиц предпенсионного возраста. Автор пришёл к выводу, что нахождение этого состава преступления в Уголовном кодексе РФ нецелесообразно.

Ключевые слова: отказ в приеме на работу; необоснованное увольнение; предпенсионный возраст.

В 2019 году началась пенсионная реформа, по которой повысился возраст выхода на пенсию [1]. Одновременно с этим в Уголовный кодекс Федеральным законом №352 был введён новый состав преступления – ст.144^1, который устанавливает уголовную ответственность за необоснованный отказ в приёме на работу или необоснованное увольнение лиц предпенсионного возраста [2].

Автор задумался, насколько необходимо было дополнять уголовное законодательство данным составом.

По составу статья 144^1 практически повторяет следующую за ней статью – 145, устанавливающую уголовную ответственность за то же деяние, но в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет.

Объектом состава являются общественные отношения, которые обеспечивают реализацию права на труд, потерпевшими – лица предпенсионного возраста. Примечание к статье определяет временной промежуток предпенсионного возраста – период до пяти лет, предшествующий назначению страховой пенсии по старости.

Объективная сторона состоит в совершении одного из двух деяний: необоснованный отказ в приёме на работу или необоснованное увольнение. Необоснованный отказ в приёме на работу или увольнение совершается по мотивам достижения предпенсионного возраста потерпевшим, а не по основаниям, предусмотренным трудовым законодательством, которые являются законными. Работодатель, фактически, осуществляет дискриминацию лица по возрастному признаку. Состав формальный, поэтому преступное деяние окончено в момент совершения необоснованного отказа или расторжения трудового договора. Особенностью объективной стороны является наличие такого признака, как время совершения преступления – упоминаемый промежуток предпенсионного возраста, который определил законодатель в примечании к статье.

Субъективная сторона выражена в прямом умысле, направленном на увольнение либо отказ в приёме на работу именно лица предпенсионного возраста по мотивам достижения этого возраста.

Субъект в этом составе специальный. Им может стать лицо, на которое возложена обязанность осуществлять приём на работу или увольнение. Например, это может быть сам работодатель либо сотрудники отдела кадров.

Законодатель, вводя данный состав в Уголовный кодекс, осуществлял превентивные меры, то есть попытался предупредить поток увольнений и отказов в приёме на работу со стороны работодателя из-за проведения реформы, повышающей пенсионный возраст. Помимо этой цели, возможно, государство стремилось поддержать авторитет власти. Эту причину выделяют и другие авторы [3]. Законодатель гарантирует, что с повышением пенсионного возраста трудовые права граждан будут надёжно охраняться, в том числе посредством введения статьи 144^1.

Автор статьи полагает, что новый состав преступления вводить в Уголовный кодекс РФ не следовало. В подтверждение этому приведем следующие аргументы.

Во-первых, происходит загромождение Уголовного кодекса специальными, узкими нормами. Новые составы преступления вводятся не из-за необходимости защитить возникшие общественные отношения, которые бы реально нуждались в уголовно-правовой охране, а по ряду других причин, в том числе и политических. Поэтому, если законодатель вводит данный состав преступления, возникает вопрос, почему по аналогии уголовное законодательство не защищает право на труд молодых специалистов, в ситуации с которыми также возможен необоснованный отказ в приёме на работу по тем же мотивам – по мотиву молодого возраста, возможной неопытности. Эту проблему можно решить, введя в универсальную статью о дискриминации – ст.136 УК РФ – возрастной признак.

Во-вторых, неэффективность данного состава определяет возможность работодателя уволить работника, например, за 5 месяцев до наступления предпенсионного возраста, что не повлечёт уголовной ответственности. Поэтому введение уголовной ответственности за это деяние может, наоборот, повысить процент увольнений. Не стоит исключать возможности работодателя уволить работника по вполне законным основаниям, предусмотренным Трудовым кодексом РФ – несоответствие занимаемой должности или неудовлетворительные результаты аттестации, нарушения трудовой дисциплины, которые станут лишь «прикрытием» дискриминационного фактора.

В-третьих, отметим, что происходит слишком активное и чрезмерное вмешательство уголовно-правового в частную сферу. Закрепление права на труд и свободу труда в Конституции не означает, что на работодателя накладывается обязанность принимать на работу всех желающих лиц и обеспечивать полную занятость. Наоборот, в соответствии с трудовым законодательством работодатель вправе устанавливать критерии при приёме на работу (конечно, не дискриминационного характера), например, владение навыками пользования

ПК, и отказ в приёме на работу или увольнение лица предпенсионного возраста из-за несоответствия этим критериям законен.

Рассматривая судебную практику по аналогичной статье – 145 УК РФ, возникает вопрос о применимости на практике рассматриваемой статьи. По нашему моему мнению, сложности возникают с доказыванием факта дискриминации по возрастному признаку. Также существуют иные способы защиты нарушенного права – административное законодательство (ст. 5.27 КоАП, устанавливающая ответственность за нарушение трудового законодательства [4]), трудовое законодательство, которое предусматривает возможность устранить дискриминацию в отношении потерпевшего и получить возмещение причинённого ущерба или компенсацию. Поэтому этих мер достаточно, чтобы осуществлять охрану права на труд, а дополнение их уголовно-правовой мерой видится не совсем нужной.

В результате анализа уголовного законодательства, мнений учёных, судебной практики можно сделать следующие выводы:

1. Введение данного состава преступления со стороны государства является превентивной мерой, а также неким ответом на повышение пенсионного возраста.

2. Из вышеперечисленных аргументов складывается мнение о ненужности нахождения этого состава преступления в Уголовном кодексе РФ. В первую очередь, это объясняется сложностью привлечения к уголовной ответственности за данное деяние работодателя, а также наличием административных мер, с помощью которых могут быть эффективно защищены нарушенные права.

3. Обеспечение защиты трудовых прав только лишь введением уголовно-правовых запретов видится неэффективной мерой. Государству необходимо использовать в совокупности с уголовными, административными способами защиты социально-экономические, выражающиеся в развитой системе государственных мер экономической поддержки как работников, так и работодателей. Это позволит исключить риски необоснованного увольнения или отказа в приёме на работу.

Литература

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 №350-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – №41. – Ст. 6190.

2. Федеральный закон «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 03.10.2018 №352-ФЗ. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810030027?index=1&rangeSize=1 (дата обращения: 3.04.2021).

3. Шпак А.А. Критический анализ статьи 144^1 УК РФ // Современный юрист. – 2019. – №3 (28). – С.175–178. – URL: https://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=6988 (дата обращения: 3.04.2021).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1 (часть 1). – Ст. 1.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25 – Ст. 2954.

МЕДИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ЯТРОГЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Н.С. Базанова[1], В.В. Маличенко[2]
Волжский государственный университет водного транспорта
Россия, г. Нижний Новгород
[1]магистр; e-mail: lyapina.nat@yandex.ru
[2]аспирант; r.e.d@ya.ru
Научный руководитель: [1]В.Ю. Тостолуцкий, д.м.н., профессор
[2] Т.Л. Мигунова, д.юр.н., профессор

В статье рассмотрены проблемы борьбы с ятрогенной преступностью, правовой регламентации оказания в России медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий, изменения Уголовного кодекса РФ с целью устранения сложности квалификации ятрогенных преступлений. Представлено обоснование необходимости проведения научной разработки юридического критерия ятрогений с учетом особенностей объекта регулирования, выражающегося в характеристиках медицинской деятельности, а также представлены возможные варианты внесения изменений в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: ятрогении; врачебные ошибки; судебно-медицинская экспертиза; телемедицинские технологии; обоснованный риск; криминалистическая методика.

Ятрогенная преступность является одной из злободневных проблем современности, нуждающихся в детальном изучении. Связанно это с тем, что ятрогения и ее природа малоизучены, как и природа возникновения преступлений, сопряженных с неблагоприятными последствиями деятельности врача.

Прочно вошло в современную юридическую практику понятие ятрогении и ятрогенных преступлений. Как отмечает член-корреспондент АМН РФ Хмельницкий О.К.; «ятрогенная патология превратилась сегодня в серьезную медико-социальную проблему, так как несомненные успехи медицины оказались тесно сопряженными с опасными последствиями для больных» [1]. Волна ятрогений буквально захлестнула весь мир. Ятрогении влекут летальный исход, делают людей инвалидами, снижают качество их жизни. Тем самым нарушаются конституционные права граждан на охрану здоровья и получение медицинской помощи, необходимой для сохранения жизни и улучшения здоровья (ст. 41 Конституции). В этом заключается огромный социальный вред, наносимый ятрогениями.

Ятроге́ния (др.-греч. ἰατρός «врач» + γενεά «рождение») – ухудшение физического или эмоционального состояния человека, ненамеренно спровоцированное медицинским работником. Термин «ятрогения» был введён немецким психиатром Освальдом Бумке в работе «Врач как причина душевных расстройств» [2] в 1925 году (на русский язык эта статья никогда не переводилась), а в русскоязычной медицинской литературе был впервые использован в работах таких психиатров и терапевтов, как Ю.В. Каннабих, Р.А. Лурия [3–6].

Отметим, что, по данным СК России, за 9 месяцев 2019 года в суды направлено 260 уголовных дел в отношении 292 обвиняемых медицинских

работников, а оконченных производством уголовных дел в суд направляется лишь их шестая часть, остальные обоснованно прекращаются из-за установления некриминального характера врачебной ошибки.

В литературе как юридического характера, так и медицинского достаточно активно обсуждаются вопросы, связанные с врачебными ошибками [7].

Так, Н.А. Огнерубов указывает, что «сложность процесса доказывания по делам о криминальных ятрогениях (неблагоприятных последствиях в результате непрофессиональных действий врачей) связана с причиной субъективного характера, которой выступает высокая степень профессиональной солидарности медицинских работников, в том числе и экспертов, что затрудняет выявление и расследование соответствующих преступлений» [8].

И.В. Ивашин сделал вывод о нецелесообразности производства судебных экспертиз по уголовным делам о профессиональных преступлениях медицинских работников в учреждениях судебно-медицинской экспертизы, находящихся в ведении органов управления здравоохранением, в подчинении которых одновременно находятся лечебно-профилактические учреждения, где произошли расследуемые в рамках уголовных дел события [9].

Указанная проблема, таким образом, не случайно стала предметом обсуждения среди участников международной конференции, прежде всего представляющих судебно-медицинские учреждения. Важным в этой дискуссии явилось и то, что сами судебные медики выступали за постановку вопроса о передаче судебно-медицинских экспертных учреждений из ведения Минздрава России в состав Министерства юстиции Российской Федерации.

В данном случае следственная практика имеет дело с совершенно уникальной ситуацией, когда, по сути, судьба медицинского работника и его судебная перспектива находятся в руках другого медицинского специалиста.

Несмотря на очевидные проблемы в работе судебно-медицинских комиссий по криминальным ятрогениям, они продолжают оставаться важнейшим процессуальным средством получения доказательственной информации по анализируемой категории дел.

Другой наиболее важной актуальной проблемой является правовая регламентация оказания в России медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий.

Законодательный отсчет началу использования телемедицинских технологий при оказании медицинской помощи (услуг) в России был дан принятием 29 июля 2017 года Федерального закона № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» [10].

Как отмечается некоторыми авторами, «в части оценки деятельности подобных сервисов очень внимательно стоит анализировать, не подпадают ли в итоге те услуги, которые такой интернет-сервис позиционирует в качестве информационных, под понятие медицинских услуг» [11].

Не совсем ясно, кто должен нести юридическую ответственность за причинение вреда жизни (здоровью) пациента при лечении с применением возможностей телемедицины.

Некоторые авторы выделяют при этом следующие виды организаций, действующих на рынке телемедицинских услуг:

- офлайн-клиники;
- виртуальные клиники;
- интернет-сервисы, предоставляющие информационные услуги в медицинской сфере;
- интернет-сервисы, обеспечивающие оказание телемедицинских услуг.

Не вызывают возражений тезисы о том, что «сама телеконсультация не предполагает непосредственных воздействий на организм пациента, и в этом плане не может нанести вред его здоровью» [12].

Вместе с тем причиной ятрогении вполне может стать практическое применение в лечении пациента информации (методик или способов лечения), рекомендации о которых были даны консультирующей медицинской организацией (ее специалистами).

Однако в соответствии с частью 3 статьи 36.2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», при проведении консультаций с применением телемедицинских технологий именно лечащим врачом может осуществляться коррекция ранее назначенного лечения при условии установления им диагноза и назначения лечения на очном приеме (осмотре, консультации).

Еще одной немаловажной проблемой является изменение Уголовного кодекса: устранение сложности квалификации ятрогенных преступлений. Такая прямолинейная постановка задачи имеет существенные недочеты. Фактически суть сформулированной в таком виде задачи заключается в следующей мысли: для облегчения и упрощения, а лучше полного исключения сложностей при квалификации, хотелось бы иметь в УК РФ всего одну норму, предусматривающую состав ятрогенного преступления. Опасность такого упрощенного подхода в том, что фактически ставится задача выделения специального субъекта преступления по признаку профессиональных обязанностей, аналогично статье 124 УК РФ: врач, другие медицинские и фармацевтические работники [13].

Вряд ли решит проблему конструкция нормы по ятрогении, аналогичной 124 УК РФ, которая является отсылочной и бланкетной. Отсылочный характер выражается в том, что юридический критерий вреда, причиненного здоровью человека, указан в статьях 112, 111 УК РФ, а бланкетный в том, что требуется установить иные правовые акты и документы, которые доказывают медицинский критерий причинения вреда здоровью человека.

Судебно-медицинские эксперты предлагают ввести в уголовное законодательство ст. 118.1 «Причинение средней тяжести и легкого вреда здоровью по неосторожности вследствие некачественного оказания медицинской помощи».

Предложения конкретизируют часть 2 ст. 118: «То же деяние, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» [14].

Однако в комментарии к этой части статьи указывается, что «в этой связи возникает вопрос о соотношении ч. 2 коммент. статьи и ст. 124, когда речь идет о неисполнении профессиональных обязанностей медицинским работником. Различие между ними усматривается в объективной стороне: в одном случае помощь вообще не оказывается (преступное бездействие), в другом она оказывается, но ненадлежаще, не в полном объеме, не на должном профессиональном уровне» [15].

Таким образом, юридически критерий, сформулированный в предложении введения 118.1, ничего не меняет в сложившейся ситуации.

С нашей точки зрения решение проблемы следует искать в разработке нового юридического критерия, который бы отражал специфику ятрогенных преступлений, в которую включается не только специальный субъект, но и особенности принятия решений в условиях риска, предусмотренного в УК РФ статьей 41. Обоснованный риск. «1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. 2. Риск признается обоснованным, если …» [16].

Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния, имеет много общего с крайней необходимостью. Однако при крайней необходимости вред причиняется для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, ее правам и другим правоохраняемым интересам.

При обоснованном риске такой непосредственной опасности может не быть (например, при испытаниях новой техники) либо она лишь вероятна. Однако, стремясь к общественно полезной цели, не достижимой не связанными с риском действиями (бездействием), лицо создает опасную ситуацию.

Таким образом, статья 41 УК РФ «Обоснованный риск» может применяться по аналогии ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость».

В заключение отметим, что необходимо провести научную разработку юридического критерия ятрогений с учетом особенностей объекта регулирования, выражающихся в таких характеристиках медицинской деятельности, как «а) совершения преступления в ходе выполнения медицинскими работниками профессиональных обязанностей; б) отсутствия преемственности в этапах оказания медицинской помощи и существования стихийно сложившейся “технологии” оказания в отдельном медицинском учреждении; в) наличия профессиональных рисков, при отсутствии сознательных и научно обоснованных, технологически включенных в профессиональную деятельность, методов обнаружения опасности жизни и здоровью пациента, а также расчета вероятностей наступления возможных опасностей».

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно дать следующее определение ятрогенных преступлений: противоправные, общественно опасные, наказуемые деяния (действия, бездействия), совершаемые медицинскими работниками в области профилактики, диагностики или лечения человека, повлекшие по их неосторожности дисфункции организма, ограничение привычной деятельности, инвалидизацию или смерть.

Литература

1. Ятрогения как неизбежное явление в веке. – https://zen.yandex.ru/media/id/5d91a942e6cb9b00ad469b81/vrachipalachi-iatrogennye-prestupleniia-5dac21ed0ce57b00adb7fb03

2. Bumke O. // Dtsch. Med. Wschr. – 1925. – S.3

3. Каннабих Ю.В. К профилактике одной из форм реактивной (ятрогенной) депрессии // Профилактика нервных и психических заболеваний / ред. Давыденков С.Н., Розенштейн Л.М. – М.: Издательство Мосздравотдела, 1929. – С. 75–88.

4. Каннабих Ю.В. Врач как причина болезни // БМЭ. Т. 5, 1928. – С. 677–678.

5. Лурия Р.А. Врач и психогенез некоторых заболеваний внутренних органов // Казанский медицинский журнал. – 1928. – №1.

6. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезней. Ятрогенные заболевания. – М.; Л.: Биомедгиз, 1935.

7. Кузнецов С.В. Методология экспертного сопровождения расследования преступлений по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи: монография. – СПб: СПбГАУ, 2019. – С. 166.

8. Огнерубов Н.А. Ятрогенная преступность: причины и меры предупреждения // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 4 (020). – С. 121–126.

9. Ивашин И.В. Судебно-медицинские аспекты профессиональных преступлений медицинских работников против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 22.

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья: Федеральный закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

11. Смирнова Е.А., Шишанова А.А. Телемедицина в новых правовых реалиях // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2018. – № 3. – URL: http://jtelemed.ru/article/telemedicina-v-novyh-pravovyh-realijah

12. Леванов В.М. Информированное добровольное согласие пациента как элемент правового обеспечения телемедицинской консультации // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2017. – № 1 (3). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informirovannoe-dobrovolnoe-soglasie-patsienta-kak-element-pravovogo-obespecheniya-telemeditsinskoy-konsultatsii

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant

14. http://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-7/gl-16/st-118-uk-rf

15. http://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-7/gl-16/st-118-uk-rf

16. Уголовный кодекс Российской Федерации. 13.06.1996. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: URL: http://www.consultant

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИОМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ

Е.И. Баймуратова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ
студентка
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: baymuratova.lena@mail.ru
Научный руководитель: О.А. Верещагин, к.ф.н., доцент

В статье представлена концептуализация основополагающих идей биомедицинской этики. Автор подчеркивает сопряженность понятийного и категориального аппарата биоэтики и медицинской этики, а также соответствующую релевантность и комплементарность их идейных принципов в практике профессиональной медицинской деятельности. В работе последовательно отстаивается тезис о необходимости комплексного нормативного регулирования биомедицинской этики в рамках правового межотраслевого взаимодействия.

Ключевые слова: биоэтика; этика жизни; биомедицинская этика.

Институт прав и свобод человека и гражданина является системообразующим институтом правовой системы любого государства, которое провозглашает и устанавливает демократические ценности и принципы.

В Российской Федерации, также как и в большинстве стран на постсоветском пространстве, за последние годы были сформированы конкретные условия, позволяющие осуществлять защиту правового статуса каждой личности. Идет процесс формирования правозащитных механизмов и институтов, который не завершен и в настоящее время. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что отечественное государство на современном этапе развития проводит политику, направленную на создание наиболее цивилизованных и транспарентных форм взаимоотношений гражданских и политических институтов.

Однако стоит отметить, что провозглашение прав и свобод граждан в качестве высшей ценности в нормах действующей Конституции, осуществление их последующего регулирования на уровне федерального законодательства и более детальная конкретизация в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации само по себе не является гарантией того, что механизм реализации прав и свобод окажется действительно эффективным.

Этика жизни или, другими словами, биомедицинская этика, в качестве своего базового принципа или основополагающей идеи называет уважение прав, свобод и человеческого достоинства отдельно взятой личности. Появление биоэтической проблематики, как нам представляется, актуализирует значение и роль категоризации понятия жизнь [1] в рамках более широкой социально-правовой проблематики.

Впервые данное понятие было концептуализировано в 1969 году Поттером Ван Ренселлером [5], хотя первые попытки артикуляции профессиональной медицинской этики можно встретить уже в штудиях Гиппократа.

Базовые идеи биоэтики, которые переняли концепции и положения медицинской этики, находят свое воплощение в решении вопроса об участии больного человека в принятии врачебного решения.

При этом, как подчёркивает Савощикова Е.В, «в современной медицине при использовании биомедицинской этики обсуждается вопрос не только помощи больному пациенту, но также и вопросы, касающиеся возможности управления процессами зачатия, умирания, возможности управления процессами патологии с весьма проблематичными физическими и нравственными последствиями для всего человечества» [6, с. 256].

При определении биоэтики ученые придерживаются различных позиций и точек зрения, квалифицируя ее либо в качестве научной дисциплины, либо в качестве науки или междисциплинарной области знания. К примеру, как полагает Седова Н.Н., «биоэтика представляет собой сферу практической деятельности и научную дисциплину, которая изучает неформальную регуляцию отношений в сфере медицинского обслуживания» [7, с.12] и в сфере медицинских услуг.

В свою очередь Мальбахова И.Х. в своем диссертационном исследовании, посвященном изучению биоэтики, предлагает рассматривать ее в качестве «междисциплинарного и интегрального знания, представляющего собой новейшее направление в философском осмыслении жизни» [4, с.63].

Лопатин П.В. и Карташева О.В. предлагают рассматривать биоэтику в качестве «учебной дисциплины и науки с точки зрения подготовки специалистов в фармацевтической сфере и проблем биоэтики в медицине» [3, с.87]. По мнению Золотаревой Е.А., «биомедицинская этика представляет собой сферу нормативной регуляции, которая имеет свой особый предмет – отношения по поводу здоровья человека, жизни и смерти, свободе совести, достоинстве личности» [2, с.19].

В энциклопедии биоэтики ее основными принципами провозглашаются следующие:

- во-первых, принцип «делай благо», который предопределяет врачебную обязанность предпринимать позитивные шаги для того, чтобы качественно улучшить состояние своего пациента;
- во-вторых, принцип уважения автономии пациента, которым обосновывается, помимо прочего, концепция информированного согласия;
- в-третьих, принцип «не навреди», который появился еще во времена Гиппократа и требует минимизации ущерба, который неизбежно наносится пациенту при любом медицинском вмешательстве;
- в-четвертых, принцип справедливости, которым подчёркивается необходимость равного и справедливого отношения к пациентам. Кроме того, принцип справедливости предусматривает справедливое распределение ресурсов

в системе здравоохранения, которые, как правило, являются всегда ограниченными [8].

Несмотря на предлагаемые определения медицинской этики и выделяемые принципы биоэтики, вопросы ее правового регулирования остаются не до конца разрешенными.

Неясным остается решение вопроса о том, к какой сфере и отрасли знания относится биоэтика:

- к уголовному праву (в вопросах применения современных биомедицинских технологий в различных сферах: трансплантологии, генетики);
- к конституционному праву (сквозь призму личных конституционных прав граждан);
- к международному;
- к гражданскому праву;
- к трудовому праву или к какой-то иной отрасли.

Представляется, что в настоящее время имеется настоятельная потребность осуществления комплексного правого регулирования биомедицинской этики, в котором можно было бы выделить положения конституционного права (как наиболее важной отрасли российского права в сфере биоэтики), регулирующего право человека на жизнь, право на медицинскую помощь, право на достоинство и другие конституционные права; международного права, регулирующего вопросы признания результатов клинических испытаний лекарственных средств в строгом соответствии со стандартами клинической практики; уголовного права, по вопросам уголовной ответственности за преступления, в которых объектом преступного посягательства являются жизнь человека, его здоровье, достоинство и другие объекты уголовной охраны; трудового права, по вопросам приобретения статуса медицинского работника и его утраты.

Подводя предварительные итоги нашего исследования, отметим, что при определении биоэтики ученые придерживаются разных взглядов, определяя ее в качестве научной дисциплины, сферы практической деятельности, сферы нормативной регуляции, отдельной науки или области научного знания. Несмотря на предлагаемые определения медицинской этики и выделяемые принципы биоэтики, вопросы ее правового регулирования остаются не до конца разрешенными. Представляется, что в настоящее время имеется настоятельная потребность выделения комплексного правового регулирования биомедицинской этики, в котором можно было бы выделить положения конституционного права (как наиболее важной отрасли российского права в сфере биоэтики), международного права, уголовного права и трудового права.

Литература

1. Горькова Е.В., Верещагин О.А. Жизнь как юридическая категория // Современные проблемы права глазами молодых ученых: сборник материалов научно-практического семи-

нара с международным участием / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал. – 2016. – С. 47–50.

2. Золотарева Е.А. Право и биомедицинская этика: соотношение, принципы и формы взаимодействия: дисс. ... канд. юр. наук. – Ростов-н/Д, 2009. – 152 с.

3. Лопатин П. В., Карташова О. В. Биоэтика: учебник / под ред. П.В. Лопатина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. – 272 с.

4. Мальбахова И.Х. Биоэтика как междисциплинарная область знания: социально-философский аспект: дисс. ... канд. фил. наук. – Нальчик, 2008. – 173 с.

5. Поттер В. Ренселлер. Биоэтика: мост в будущее – К.: Вадим Карпенко, 2002. – 215 с.

6. Савощикова Е.В. Многогранность биоэтики как понятия, правовые аспекты регулирования // Известия ОГАУ. – 2015. – №2 (52). – С.256–258.

7. Седова Н.Н. Правовой статус биоэтики в современной России // Медицинское право. – 2005. – № 1. – С. 12–15.

8. Encyclopedia of Bioethics / Ed. by W.Th. Reich. N.Y.–L., 1995. Vol. I:Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems. P. 102.

ВЗЯТКА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Е.И. Баймуратова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студентка
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: baymuratova.lena@mail.ru
Научный руководитель: С.А. Попова, к.юр.н.

В статье предпринята попытка рассмотреть основные уголовно-правовые аспекты взятки в сфере здравоохранения. Помимо этого автором рассматриваются причины совершения взяток в сфере здравоохранения и основные разновидности взяток.

Ключевые слова: мелкая взятка; сфера здравоохранения; причины взяточничества; коррупция; дача взятки.

Эффектность государственных задач, которые стоят перед Российской Федерацией в различных сферах жизни общества (социальной, экономической, политической, а также в сфере здравоохранения), во многом зависит от качества работы аппарата государства. Но на современном этапе уровень коррупционных проявлений, одним из которых является взяточничество, настолько высок, что эффективность государственного управления значительно снижается, что наносит огромный экономический ущерб Российской Федерации, а кроме того, представляет реальную угрозу национальной безопасности нашей страны. По существу, взяточничество блокирует решения многих важнейших задач, которые стоят перед государством и обществом, касающиеся создания правового государства, развития демократии, повышения качества жизни населения и уровня благосостояния российских граждан.

В современный период формирования российского общества взяточничество является одним из самых распространенных проявлений коррупций, а также одним из самых латентных видов преступлений в России. Данное преступное деяние пробирает глобальные масштабы. Несмотря на то, что в различных правовых институтах и отраслях права содержатся нормы и положения, осуществление которых включается в правовой механизм предупреждения этого преступления, все же уровень таких преступлений остается на высоком уровне. Учитывая высокую степень угрозы безопасности общества и государства, становится очевидным, что противостояние коррупционным преступлениям должно стать одним из первоочередных направлений деятельности правоохранительных органов.

Проявления взяточничества в нашем государстве обусловлены различными причинами, среди которых следующие:

- во-первых, следует отметить, что мерой всего в современном мире являются материальные ценности, деньги, которые определяют различные стороны общественной жизни. При этом духовная составляющая человека обесценивается, а ценность каждого отдельного индивида определяется размером его состояния, невзирая на те способы, которыми оно было достигнуто.

- во-вторых, допустимыми в современном мире признаются любые средства обогащения человека. Кроме того, следует отметить, что происходит коренной слом действия, таких важнейших социальных регуляторов, как нормы права, нормы морали, общественное мнение, религия и многие другие;
- в-третьих, экономический и социальный кризис, который затянулся на десятилетия в Российской Федерации, становится причиной низкого уровня жизни большей части российского населения на современном этапе.

Рассматривая основные причины распространения взяточничества в сфере здравоохранения, О.Ю. Можина приходит к заключению, что к ним следует отнести неопределенность, которая господствует на рынке государственных медицинских услуг (в плане характера и реальности имеющихся у пациентов заболеваний). Медицинские сотрудники зачастую злоупотребляют данной неопределенностью с целью своего обогащения за счет тех граждан, которые пользуются медицинскими услугами и готовы потратить на лечение выявленных (реальных или мнимых) заболеваний немалые денежные суммы. Еще одним условием или причиной распространения взяточничества в сфере здравоохранения можно считать недостаточное финансирование сферы здравоохранения в современной России. В данном случае следует заметить, что, несмотря на выделение государством немалых денежных сумм на развитие данной социальной сферы, они далеко не всегда доходят до конечных адресатов и поступают на реальные нужды медицинских учреждений. Еще одной причиной можно назвать сложность существующей системы здравоохранения с многообразием полномочий на различных уровнях власти (включая федеральный и региональный уровни), а также отсутствие необходимой системы контроля и надзора за деятельностью работников сферы здравоохранения, что, в конечном счете, формирует у данных сотрудников чувство безнаказанности и вседозволенности [4].

Следует подчеркнуть, что взяточничество является одной из самых опасных форм проявления коррупции. Оба эти явления – коррупция и взяточничество взаимообусловлены и взаимосвязаны, они следуют друг за другом и сопутствуют друг другу. Во многих нормативных и других правовых документах указанные термины часто используются законодателем одновременно.

Наиболее популярными видами взяток в сфере здравоохранения являются: получение (дача) вознаграждения за выписку определенного рецепта; получение (дача) вознаграждения за особый подход при проведении операции, ее качественное сопровождение, наилучший уход как во время операции, так и после, применение наиболее безопасной анестезии, использование обезболивающих и других медицинских препаратов; получение (дача) вознаграждения за получение листка временной нетрудоспособности и различного рода справок (например, получение справки об освобождении от физической культуры, получение справки о негодности к несению военной службы и т.д.); получение (дача) вознаграждения за искажение истинной причины смерти (стоит заметить, что в данном случае размеры взяток считаются наиболее крупными в сфере здравоохранения); получение (дача) вознаграждения за подтверждение либо сокрытие различных медицинских фактов; получение (дача) вознагражде-

ния за выдачу справок о психическом состоянии пациента и другие разновидности взяток.

Итак, взяточничество представляет собой получение взятки должностным лицом лично либо через посредника за законные и незаконные действия в пользу взяткодателя либо тех лиц, которые он представляет, а также дача взятки должностному лицу лично либо через посредника за совершения указанных действий, либо бездействия. Таким образом, можно сделать вывод, что понятием взяточничества в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) объединены три преступления:

- дача взятки;
- получение взятки;
- посредничество во взяточничестве [1].

В 2016 году в УК РФ была добавлена статья 291.2 – «Мелкое взяточничество».

Объективная сторона «получения взятки» (ст. 290 УК РФ) заключается в получении взятки лично либо через посредника в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица, иностранного должностного лица либо должностного лица публичной международной организации или оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе. По конструкции объективной стороны данный состав преступления формальный и считается оконченным с момента получения взятки. Субъективная сторона получения взятки характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Субъект преступления специальный, т.е. должностное лицо.

Объективная сторона «дачи взятки» (ст. 291 УК РФ) состоит в незаконном вручении, передаче материальных ценностей или предоставлении выгод имущественного характера должностному лицу лично или через посредника за совершение действий (бездействия), входящих в служебные полномочия должностного лица, в пользу взяткодателя или представляемых им лиц или за способствование должностным лицом в силу занимаемого им положения совершению действий (бездействия) другим должностным лицом либо за общее покровительство или попустительство по службе взяткодателю или представляемым им лицам. Состав дачи взятки является формальным, и для признания его оконченным не требуется наступления каких-либо последствий. Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется только прямым умыслом. Субъект преступления общий, т.е. физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

По приговору районного суда Омской области Ч. осужден по ч. 2 ст. 290 УК за то, что, являясь должностным лицом, врачом-терапевтом Муромцевской ЦРБ, 04.05.2006 получил от гр. Л. за заведомо незаконные действия, выразившиеся в постановке им Л. несуществующего диагноза, на основании которого последний должен был получить листок нетрудоспособности на 10 дней, взятку

в виде двух бутылок коньяка стоимостью 663 руб. каждая и коробки конфет на сумму 407 руб., а всего на сумму 1733 руб. Кассационная инстанция приговор отменила, производство по делу прекратила, указав, что хотя факт совершения Ч. деяния судом обоснованно признан доказанным и в его действиях формально содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК, вместе с тем, принимая во внимание обстоятельства получения Ч. вознаграждения, его вид и незначительный размер, отсутствие наступления каких-либо негативных последствий происшедшего, содеянное Ч. не причинило вред общественным отношениям, а следовательно, не представляет общественной опасности. В результате областной суд пришел к выводу о малозначительности содеянного Ч., являющегося, по его мнению, дисциплинарным проступком, нарушением врачебной этики, но не преступлением, и приговор отменил, прекратив уголовное дело в отношении Ч. за отсутствием в его действиях состава преступления [2].

Примерно та же аргументация содержится в решении областного суда по уголовному делу о получении врачом нескольких взяток по 500 руб. каждая за служебный подлог в виде выдачи и продления листков нетрудоспособности взяткодателям, не имеющим для этого медицинских показаний и без их личного осмотра. Областной суд, исключив из обвинения ч. 1 ст. 292 УК, указал, что суд в приговоре, признавая К.В.А. виновным в совершении за взятку незаконных действий по оформлению и выдаче фиктивных листков нетрудоспособности, не установил, как эти действия отразились или могли отразиться на нормальной деятельности учреждения здравоохранения либо иных государственных органов, учреждений, организаций или предприятий. Из этого следует, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ, осталась неустановленной [3].

Подводя итог, необходимо отметить, что вопрос рассмотрения понятия «взяточничество» и его уточнение в теории уголовного права нуждается в постоянной доработке не только со стороны теоретиков и ученых, но и со стороны законодателя в целях выявления и искоренения этого негативного проявления коррупции. Несмотря на то, что законодательная база борьбы со взяточничеством в настоящее время в России ничуть не хуже, чем в зарубежных странах, однако имеющаяся практика показывает, что имеются ошибки, связанные с неточным толкованием как объективных признаков получения и дачи взятки, так и субъективных признаков этих преступлений.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 12 октября 2006 г. № 22–3036 // Бюллетень судебной практики Омского областного суда. – 2007. – №1 (31).

3. Постановление Президиума Ивановского областного суда от 28.10.2011 №44у-366/11 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Можина О.Ю. Основные факторы, детерминирующие получение и дачу мелкой взятки в сферах здравоохранения и образования // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т.10. – №1. – С. 55–61.

ПОБУЖДЕНИЕ К САМОУБИЙСТВУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Д.Д. Бакиев[1], П.И. Перепечаева[2]
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
[1]студент; e-mail: d.d.bakiev@gmail.com
[2] студент; e-mail: polina-perepechaeva@mail.ru
Научный руководитель: П.О. Кобылин, ассистент

В статье приводится анализ вопросов уголовно-правовой оценки склонения, содействия, а также организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Приводятся сравнение и отграничения рассматриваемых деяний, рассматриваются особенности. Также выявляются проблемные вопросы конструирования субъективной стороны вышеперечисленных составов.

Ключевые слова: доведение до самоубийства; информационно-телекоммуникационная сеть Интернет; деструктивные сетевые сообщества.

С 2012 года одной из ключевых информационных угроз для общества в сфере медиабезопасности является возрастание популярности деструктивных сетевых сообществ среди детей и подростков. Деструктивные сетевые сообщества – это объединения людей посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет в сообщества, чья деятельность направлена на распространение суицидальных идей, виртуальных игр, пропагандирующих идеи суицидального поведения и культуры насилия.

В связи с необходимостью противодействовать распространению информации о способах совершения самоубийства и склонению к самоубийству в сети «Интернет» были введены нормы, запрещающие распространение данной информации в открытых источниках и способах борьбы с ними. Была введена статья 15^1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6], где указано, что страницы сайтов, которые содержат информацию о способах совершения самоубийства, а также призывы к совершению самоубийства были включены в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», и, согласно п.8 данной статьи, владелец сайта незамедлительно, с момента получения уведомления, обязан удалить интернет-страницу.

В связи с тем что содержание диспозиции ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [5], предполагающее строго определенные способы совершения преступления (угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего), не позволяло квалифицировать все возможные способы склонения к самоубийству

посредством социальных сетей как доведение до самоубийства, законодатель принял решение дополнить УК РФ новыми статьями.

В 2017 году система Особенной части УК РФ была дополнена несколькими статьями, в которых закреплена ответственность за склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110^1 УК РФ), содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110^1 УК РФ), более того криминализовано деяние и установлена ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110^2 УК РФ).

Диспозиция части первой ст. 110^1 УК РФ предусматривает склонение к самоубийству путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства, то есть без применения физического или психоэмоционального насилия.

Часть вторая указанной статьи предусматривает ответственность за содействие в совершении самоубийства путем советов, указаний, предоставления информации или средств (орудий) совершения самоубийства.

Главной особенностью ст. 110^1 УК РФ является то, что составы преступлений, указанные в части первой, второй и третьей, не предполагают совершения самоубийства потерпевшим. Преступление считается оконченным с момента совершения действий по склонению к совершению самоубийства.

В том случае если действия принесли те последствия и результаты, на которые были направлены, а именно: совершение самоубийства лицом, подвергавшемся склонению к самоубийству, или попытка его произведения, то действия квалифицируются по более тяжким составам, предусмотренным частями четвертой, пятой и шестой ст. 110^1 УК РФ.

Необходимо отметить, что ст. 110^1 предполагает исключительно адресный характер воздействия. Субъектом такого воздействия выступает либо индивидуально определенное лицо, либо конкретная группа, члены которой подвергаются склонению к самоубийству.

Состав ст. 110^2 УК РФ предполагает организацию деятельности, направленной на совершение самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к его совершению.

Отличительной особенностью ст. 110^2 является то, что призыв совершить самоубийство выражается в любой форме по отношению к другим лицам с целью побуждения их совершить самоубийство. Для призыва, в отличие от склонения, характерен признак публичности и безадресности. Данные признаки означают, что действия направлены на передачу информации о вариантах и необходимых средствах совершения самоубийства неопределенному кругу лиц и, соответственно, на получение этой информации неопределенным кругом лиц. Необходимо отметить, что способ распространения информации неважен.

Он может быть совершен в виде аудиоинформации, в виде текста, с использованием фотографий, видеоизображений и т.п.

Соответствующая норма не предполагает наступление последствий в виде состоявшихся в результате организационной деятельности фактов склонения

или содействия, а также не требует наличия конкретных потерпевших. Это свидетельствует о том, что в действительности данная норма направлена на недопущение гибели людей, попавших под воздействие деструктивной группы [3].

Законодатель в примечании к данной статье закрепляет положения о деятельном раскаянии. Если лицо, совершившее преступление или ряд преступлений, добровольно прекращает свою деятельность, при этом активно способствуя раскрытию и пресечению преступлений, то оно освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Несмотря на отсутствие конкуренции норм, на практике нередко возникают сложности при рассмотрении такого рода преступлений. Довольно часто возникают случаи, когда склонение к самоубийству перерастает в доведение до самоубийства. Это происходит в том случае, если лицо сначала склоняет потерпевшего к самоубийству путем уговоров и предложений, но потерпевший все же отказывается, и тогда данное лицо переходит к угрозам в отношении потерпевшего и его близких.

Рассмотренное преступление можно квалифицировать либо только по ст. 110 УК РФ, обусловливая действия единым умыслом и не разделяя их, либо же по совокупности двух статей – 110 и 110^1 УК РФ.

Уместность совокупности обуславливается тем, что согласно диспозиции ст. 110^1 преступление считается оконченным, если лицо, склоняя потерпевшего к самоубийству, совершило все действия по уговорам потерпевшего, при этом результат склонения неважен. При этом угрозы, направленные на доведение до самоубийства, образуют самостоятельный состав преступления по ст.110. Следовательно, состав ст. 110^1 уже окончен, а переход к угрозам в отношении потерпевшего и его близких является самостоятельным составом, и в данном случае имеет место рассмотрение этого деяния по совокупности преступлений.

В рамках установления субъективной стороны преступления также возникают определенные сложности.

В научной литературе до сих пор ведутся споры касаемо определения формы вины за доведение, склонение, содействие в совершении самоубийства. Принято выделять три основные точки зрения: первая предусматривает возможность совершения данных деяний с любой формы вины: умысел, как прямой, так и косвенный, и неосторожность в виде легкомыслия и небрежности; вторая предусматривает только возможность косвенного умысла и неосторожности; третья – рассматривает возможность совершениях данных преступлений лишь умышленно – в виде прямого или косвенного умысла.

Э.В. Рыжов отмечает, что для склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению характерна умышленная форма вины, тогда как доведение до самоубийства может быть совершено с любой формой вины [7, с. 123].

Данная точка зрения обычно аргументируется тем, что в диспозиции данных норм форма вины не указана, следовательно, исключать ни умышленную форму вины, ни по неосторожности нельзя.

Также стоит обратить внимание на мнения В.Б. Малинина, С.В. Бородина и некоторых других ученых, которые утверждают, что доведение до самоубийства может характеризоваться только неосторожностью либо косвенным умыслом, а при наличии прямого умысла деяние должно рассматриваться как своеобразный вид убийства «руками потерпевшего» [1, с. 161].

То есть в случае если действия виновного лица будут содержать форму прямого умысла, то наступление смерти потерпевшего свидетельствует о совершении убийства путем опосредованного причинения смерти. Данное мнение критикуется исследователями, так как считается, что доведение до самоубийства квалифицируется по ст. 110 УК РФ при любой форме вины и независимо от вида умысла оно не может быть признано убийством в связи с отсутствием объективной стороны последнего [4].

Лебедев В.М. утверждает: в связи с тем что в диспозиции ст. 110 УК РФ указание на форму вины отсутствует, то в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ вина в рассматриваемом составе преступления может быть как умышленной, так и неосторожной. Умысел при этом может быть как прямым, так и косвенным, неосторожность выражаться как легкомыслием, так и небрежностью [2, с. 213].

Стоит отметить, что вид умысла в отношении части 1 статьи 110^1 УК РФ предопределяется формальной конструкцией объективной стороны. Как отмечает А.И. Рарог, «в преступлениях с формальным составом признаком объективной стороны, во всех случаях является запрещенное законом действие или бездействие. Поэтому в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям или бездействию» [4, с. 98–99]. Отсюда можно сделать вывод, что форма вины в преступлениях с формальным составом может выражаться только в виде прямого умысла, а вследствие этого и склонение к совершению самоубийства может быть лишь в форме прямого умысла, в то время как доведение до самоубийства совершается с любой формой вины.

Подводя итоги, следует отметить, что дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации статьями 110^1, 110^2 являлось действительно необходимым. Данные статьи в полной мере криминализировали всевозможные виновные деяния, связанные с самоубийством, что несомненно свидетельствует о положительных перспективах уголовно-правовой борьбы с этим крайне опасным явлением.

На данный момент, в научной литературе остается спорным вопросом определение формы вины доведения, склонения, содействия совершения самоубийства, поэтому считаем разумным дать рекомендацию истолковать данный вопрос в рамках постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Литература

1. Бородин С.В., Малинин В.Б. Убийство – общая характеристика: монография. – СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. – 196 с.

2. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. В 4 т. Том 1. Общая часть. – М.: Юрайт, 2018. – 316 с.

3. Новикова Т.А. Доведение до самоубийства посредством использования глобальной сети Интернет // НоваИнфо: Электронное периодическое издание. – 2018. – №94–1.

4. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. – М.: Проспект, 2015. – 239 с.

5. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2021 года. – М.: Эксмо-пресс, 2021. – 400 с.

6. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: ФЗ №149–ФЗ. – М.: Эксмо, 2021. – 96 с.

7. Рыжов Э.В. Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 168 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

К.В. Борисова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: ksen.borisowa2014@yandex.ru
Научный руководитель: С.А. Попова, к.юр.н., доцент

В статье предпринята попытка проанализировать особенности уголовно-правовой ответственности родителей за ненадлежащее исполнение родительских прав на современном этапе развития.

Ключевые слова: интересы детей; родительские права; ответственность родителей; ненадлежащее исполнение родительских прав.

В первую очередь следует заметить, что современный этап развития российского общества характеризуется значительным ростом экономических и социальных проблем, увеличением числа разводов и количества неполных семей, ослаблением института семьи в целом, насилием в некоторых семьях, проникновением в подростковую среду через средства массовой информации стандартов повседневного поведения, не совместимых с традиционными ценностными ориентирами нашего общества, ростом индивидуализма, развитием алкоголизации и наркомании в обществе, что оказывает существенное влияние на воспитание детей. Ломка сложившихся стереотипов негативно отразилась на всех сферах жизнедеятельности общества, а ее последствия непосредственно затронули подрастающее поколение страны, породив среди них беспризорность и безнадзорность. С учетом данных особенностей проблемные вопросы криминализации подростковой среды в настоящее время приобрели особую актуальность и значимость.

В случае если родители, которые осуществляют возложенные на них родительские права, причиняют вред психическому и физическому здоровью своих детей, их нравственному развитию или каким-либо иным образом оказывают ущерб правам и интересам ребенка, они несут соответствующий вид юридической ответственности. Так, к примеру, за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления действующим законодательством предусмотрена уголовно-правовая ответственность в рамках статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[3]. В свою очередь, уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий предусмотрена статьей 151 УК РФ, одним из квалифицирующих признаков которой является совершение данного преступления родителями несовершеннолетнего. Немаловажным значением обладает и статья 156 УК РФ, которая устанавливает ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Представленные на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ статистические данные о состоянии преступности свидетельствуют, что за 2019 год по статьям 150 и 151 УК РФ было осуждено 509 человек, за шесть месяцев 2020 года по статьям 150 и 151 УК РФ было осуждено 182 человека. За шесть месяцев 2020 года по статьям 150 и 151 УК РФ было осуждено 182 человека [5]. Несмотря на то, что статистика по данным преступлениям невысока, они обладают важным значением, поскольку речь идет о вовлечении в совершение противоправных действий несовершеннолетних, которые, как известно, в настоящее время являются наименее социально защищенной категорией граждан и, вместе с тем, в большей степени криминально пораженной категорией граждан.

Базовые принципы взаимоотношения государства и семьи определяются, в первую очередь, положениями Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ), в статье 38 которой закреплено следующее: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» [1]. Тот факт, что защита семьи закреплена законодателем в Конституции России, свидетельствует о высокой роли и значимости этого института в российском обществе, а также о том, что государство заинтересовано в ее поддержке, сохранении и качественном развитии. Помимо этого необходимо отметить, что согласно статье 7 Конституции России, Российская Федерация представляет собой социальное государство, политика которого направлена на создание условий, которые обеспечивают свободное развитие человека и его достойную жизнь. Также следует упомянуть и статью 23 Конституции России, в которой провозглашается право каждого человека на личную и семейную тайну, а также на неприкосновенность частной жизни. Отсюда можно сделать вывод, что право человека на семью, семейную жизнь отрицать невозможно и данное право является одним из основных прав человека, гарантированных ему Конституцией. Комплекс прав и обязанностей, связанных с материнством и детством, закреплен в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) [2]. Государство также защищает эти права, развивая охрану здоровья ребенка и его матери, социальное обеспечение, законодательство о браке и семье, охрану труда работающих матерей.

Конкретный перечень прав и обязанностей родителей в отношении своих детей законодателем приводится в главе 12 Семейного кодекса Российской Федерации. В соответствии с положениями статьи 61 СК РФ, родители в отношении своих детей наделены равными правами и обязанностями, совокупность которых законодатель именует родительскими правами. Такие права прекращаются по достижению детьми совершеннолетия (18 лет). В некоторых случаях родительские права прекращаются до достижения этого возраста, например, при вступлении несовершеннолетнего в брак и в некоторых иных случаях, когда ребенок приобретает полную дееспособность ранее установленного законом возраста. Полный перечень прав и обязанностей родителей по воспитанию

и образованию своих детей законодатель приводит в статье 63 СК РФ. К таковым правам и обязанностям, в первую очередь, относится право и одновременно обязанность родителей воспитывать своих детей, заботиться о развитии своих детей (нравственном, психическом, физическом, духовном) и их здоровье. Перед всеми остальными лицами именно родители наделяются приоритетным правом определять образование своего ребенка. На них, в частности, возлагается обязанность по получению ребенком общего образования.

Группа прав родителей по защите интересов своих несовершеннолетних детей обозначена в статье 64 СК РФ. Так, на родителей возлагается обязанность защищать своих детей, их права и интересы. Родительские права, как подчёркивает законодатель, не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. В статье 75 СК РФ подчёркивается, что предметом основной заботы родителей должно быть обеспечение интересов несовершеннолетних детей. Родители не имеют права причинят психическому и физическому здоровью своих детей вред, а также вред нравственному развитию детей. Способы воспитания, который каждый родителей выбирает в отношении своих детей, должны исключать жесткое, грубое, пренебрежительное обращение. Также законом запрещаются любые формы эксплуатации или оскорбления детей.

Итак, в том случае, если родители, которые осуществляют возложенные на них родительские права, причиняют вред психическому и физическому здоровью своих детей, их нравственному развитию или каким-либо иным образом оказывают ущерб правам и интересам ребенка, они несут соответствующий вид юридической ответственности. Квалифицирующим признаком по части 2 статьи 150 УК РФ является совершение анализируемого преступления родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Как видим, в данном случае законодатель устанавливает специальных субъектов, в отношении которых действует повышенная ответственность в совершении анализируемого преступления. Такими специальными субъектами являются не только родители несовершеннолетнего или педагоги, но также и иные лица, в частности: руководители кружков и секций дополнительного образования; воспитатели в детских домах и приютах, воспитатели домов-интернатов; тренеры в спортивных секциях и иные лица. В свою очередь, квалифицирующим признаком по части 2 статьи 151 УК РФ является совершение анализируемого преступления родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. В качестве примера можно привести Приговор Ачхой-Мартановского районного суда (Чеченской Республики) № 1-77/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 1-77/2020 [4]. В данном судебном деле М.Э. Ниёзалиева, являясь родителем несовершеннолетнего ребенка, вовлекла его в занятие попрошайничеством. Виновная, действуя из своих корыстных побуждений, направила ребенка во двор одного из домовладений и склонила его к назойливому выспрашиванию у постороннего лица денежных средств, создавая при этом видимость безвыходного материального положения.

Преступления, предусмотренные статьей 150 и 151 УК РФ, необходимо разграничивать от ненадлежащего исполнения родительских обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних детей (ст. 156 УК РФ), что, исходя из анализа судебной практики, может выражаться в злоупотреблении спиртными напитками, ведении аморального образа жизни, нахождении дома в антисанитарном состоянии, когда дети не имеют соответствующих спальных мест. Согласно ст. 156 УК РФ максимальное наказание за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в виде лишения свободы составляет три года.

Подводя итог настоящего исследования отметим следующее.

1. С точки зрения современного правопонимания, родительские права относятся к естественным правам граждан. Как и остальные естественные права, родительские права появляются с момента возникновения субъекта права. В данном случае таким субъектом является новорожденный ребенок. Такие права являются неотъемлемыми для человека, а возможность их реализации обусловлена достижением физиологического состояния, которое обеспечивает способность лица к воспроизводству. В связи с этим можно сделать вывод, что родительские права, во-первых, не зависят от дееспособности граждан, а во-вторых, осуществление родительских прав не может ограничиваться формальными или неформальными условиями. Сущность родительских прав обусловлена такими их свойствами, как неотчуждаемость, срочность (до достижения ребенком 18 лет), принадлежность к обоим родителям в одинаковой степени, наличие частного и публичного начал, а также сочетание интересов родителей и детей.

2. Действующее уголовное законодательство, закрепляющее ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий не является совершенным и требует внесения различных изменений и дополнений. Так, проблема квалификации использования несовершеннолетних в преступных целях и иных форм соприкосновения детей с криминалом. Отдельную группу общественно опасных деяний составляют случаи использования несовершеннолетних для совершения преступлений без посвящения в преступную, противоправную суть совершаемого. Если несовершеннолетний не сознает, что выполняемое им по предложению взрослого действие является недозволенным или аморальным, то отсутствует состав преступления – вовлечение в преступную деятельность. Полагаем, что действия взрослых в таких случаях должны квалифицироваться по статье об ответственности за совершенное преступление (со ссылкой на ч. 2 ст. 33 УК РФ), а наказание должно быть назначено с учетом отягчающего обстоятельства, предусмотренного в п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Однако это возможно лишь тогда, когда используется лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, что ограничивает область применения данного пункта.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета – 2020. – 4 июля.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Приговор Ачхой-Мартановского районного суда (Чеченской Республики) № 1-77/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 1-77/2020. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/LAesnSKOimJ9/ (дата обращения: 30.03.2021).

5. Официальный сайт Судебного Департамента при ВС РФ: Статистика преступлений за 2020 год. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 30.03.2021).

6. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. Л.М. Прозументова. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2019. – 844 с.

НРАВСТВЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Н.А. Гордеев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: nik1ta202020@yandex.ru
Научный руководитель: Н.Е. Белова, к.пол.н., доцент

В статье рассмотрены нравственные требования к производству основных следственных действий. Актуализирована недопустимость применения ряда сомнительных с точки зрения морали тактических приемов расследования преступлений. Показаны основные причины нарушения следователем норм профессиональной этики и необходимость профилактики нравственно-профессиональной деформации.

Ключевые слова: профессиональная этика следователя; тактические приемы расследования преступлений; уголовно-процессуальный закон.

Профессиональная деятельность следователя регулируется тремя видами норм – процессуальными, криминалистическими и нравственными. Процессуальные нормы определяют, какие действия, в каких формах, в какой последовательности должен осуществлять следователь, производя следствие. Рекомендации криминалистики помогают найти наиболее подходящие приемы и методы расследования преступления. Нравственные же нормы позволяют оценить допустимость использования тех или иных приемов расследования с точки зрения профессиональной этики и морали.

К числу важнейших нравственных качеств следователя профессиональная юридическая этика относит справедливость, объективность, беспристрастность, гражданское мужество, ответственность, высокий уровень правосознания, добросовестность и честность. Эти нравственные качества следователя в совокупности с профессионально-необходимыми когнитивными, коммуникативными и личностными особенностями (аналитический ум, умение слушать, хорошая память, внимание, наблюдательность, работоспособность) являются предпосылкой успешного выполнения основных следственных действий – осмотра места происшествия, обыска, допроса, очной ставки, следственного эксперимента и других.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 УПК РФ при производстве всех следственных действий запрещено осуществление действий и принятие решений, унижающих честь и достоинство участников судопроизводства [5]. Статья 164 устанавливает недопустимость применения насилия, угроз и других незаконных мер, а также создания опасности для жизни и здоровья участников следственных действий. Отдельные статьи УПК РФ содержат требования соблюдения основных принципов уголовного судопроизводства: уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ); охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ); презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ); обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ); права на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) [5].

В процессе осуществления любого следственного действия следователь должен создать здоровую нравственную атмосферу уважения достоинства всех участвующих в деле лиц. Следователь обязан соблюдать профессиональный такт, быть вежливым, корректным с любым из участников судопроизводства. В отношениях следователя с обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим, свидетелем и другими участниками процесса категорически недопустимы ложь, психологическое давление, грубость, предвзятость, оскорбительный тон. Несоблюдение требований объективности и беспристрастности в расследовании преступления ведет к обвинительному уклону – разработке лишь одной (обвинительной) версии и отказу от рассмотрения тех обстоятельств дела, которые этой версии противоречат. Обвинительный уклон в расследовании преступления может привести к привлечению к уголовной ответственности невиновного, тогда как преступник останется на свободе.

Требования закона обязывают следователя самым тщательным образом изучить все имеющие отношение к делу обстоятельства – как те, которые уличают обвиняемого и способствуют отягчению его вины, так и те, которые оправдывают обвиняемого или смягчают его ответственность. Многие нравственные требования к производству отдельных следственных действий закреплены в уголовно-процессуальном законе. К числу таковых относятся, например, время и продолжительность допроса, запрет на проведение следственных действий в ночное время, требование проведения опознания человека среди других по возможности схожих по внешним данным лиц и др.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает свободу тактики допроса. В связи с этим в юридической литературе на протяжении длительного времени дискутируется вопрос о допустимости использования в следственной практике разного рода «хитростей», обмана подозреваемого или других лиц в целях их побуждения к даче правдивых показаний [4, с. 117]. По описанию А.Р. Ратинова, сложились две крайние противоположные позиции: 1) «мнимогуманистическая», объявляющая недопустимыми любые приемы и средства, направленные на преодоление возможного противодействия заинтересованных лиц, низводящая следователя до положения пассивного регистратора событий, и уподобляющая собирание доказательств сбору урожая в саду; 2) «вульгарно-прагматичная», считающая приемлемыми любые прямо не запрещенные законом методы установления истины [3, с. 6].

Многие авторитетные отечественные правоведы (М.С. Строгович, Д.П. Котов, С.Г. Любичев и др.) писали о незаконности прямого обмана подозреваемого или других участвующих в деле лиц, а также недопустимости некоторых сомнительных с точки зрения морали тактических приемов расследования преступлений – «психологических ловушек», разжигания конфликта между соучастниками преступления, «создания напряжения» в ходе допроса и т.п. Обоснованной критике была подвергнута «концепция конфликтного следствия», представляющая предварительное следствие в качестве борьбы двух противников – следователя и обвиняемого, не признающего себя виновным. Эта концепция, как указывают М.С. Строгович и С.Г. Любичев, искажает саму

сущность следственной деятельности и подменяет понимание следствия как процесса объективного и беспристрастного расследования обстоятельств дела в интересах установления истины представлением о следствии как поединке следователя с обвиняемым, в котором следователь должен завоевать победу «во что бы то ни стало» [1, с. 43].

В работе С.Г. Любичева «Этические основы следственной тактики» представлена развернутая критика ряда тактических приемов предварительного следствия, в том числе так называемого «эмоционального эксперимента». Суть данного приема заключается в неожиданном представлении обвиняемому связанных с преступлением вещественных доказательств и наблюдением за эмоциональной реакцией обвиняемого, которая фиксируется с помощью звуко- или видеозаписывающих устройств и трактуется как подтверждение его причастности к преступлению. Характеризуя этот и другие, подобные ему, приемы как основанные на предвзятом отношении к обвиняемому, С.Г. Любичев интерпретирует их не иначе как психическое насилие, применение которого противоречит нравственным основам уголовного процесса [2, с. 41].

Этические критерии лежат в основе законодательного регулирования следственных действий, осуществляемых только на основании решения суда. Речь идет об осмотре жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыске или выемке в жилище, наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи, контроле и записи телефонных и иных переговоров, получении информации о соединениях между абонентами, помещении подозреваемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства экспертизы и др. [5].

Грубыми нарушениями норм профессиональной этики следователя являются: нарушение законных прав подозреваемого (обвиняемого), необъективность в расследовании, обвинительный уклон, немотивированное отклонение ходатайств стороны защиты, намеренная неполнота и «однобокость» протокола допроса, игнорирование заявленного алиби [6, с.74–75]. К действиям следователя, не отвечающим нравственно-этическим критериям отдельных следственных действий, относятся: подмена осмотра места происшествия обыском, нарушение требований к процедуре проведения допроса, несоблюдение требований к процедурам опознания (когда, например, для опознания предъявляется лишь одно лицо, или «статисты» знакомы опознающему), освидетельствования (когда освидетельствуемый и лицо, проводящее освидетельствование, – разного пола), постановка наводящих вопросов.

Нарушение следователем норм профессиональной этики может иметь в своей основе непрофессионализм, неразвитое чувство профессионального долга и ответственности, может быть связано со стрессами и перегрузками в работе, а в более широком контексте – с различными проявлениями нравственно-профессиональной деформации личности. В силу этого постоянная профилактика нравственно-профессиональной деформации является важной составляющей профессиональной и внеслужебной деятельности следователя.

Литература

1. Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник. – М., Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – 168 с.

2. Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики. – М.: Юрид. лит., 1980. – 95 с.

3. Ратинов А.Р. Тактический прием, допустимость и оптимальность // Тактические приемы допроса и пределы их использования. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 14 марта 1980 г. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1980. – С. 5–8.

4. Россинский С.Б. Об этических проблемах допроса на предварительном следствии // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 113–119.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 25.02.2021).

6. Хмелева А.В. Морально-нравственные аспекты работы следователя // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 4. – С. 72–78.

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

М.Д. Гранев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, аспирант
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: max.granev@yandex.ru
Научный руководитель: В.А. Юматов, к.юр.н., доцент

В работе обсуждаются проблемы внедрения взаимосвязанных современных тенденций к интеграции и дифференциации научного знания в теорию и практику производства судебной экспертизы, которые находят свое выражение в комплексном подходе. Подобный подход органичен для теории судебной экспертизы, которая, как и криминалистика, является междисциплинарным научно-практическим направлением изначально. Делается вывод о необходимости учитывать достижения науки в области интеграции и дифференциации научных знаний в классификации экспертиз, в установлении значимых для правоприменительной практики признаков исследуемых объектов, в выборе метода и методики экспертного исследования.

Ключевые слова: интеграция и дифференциация научного знания; комплексный подход; теория судебной экспертизы.

Основным диалектически противоречивым началом развития современной науки в своей совокупности выступают процессы интеграции и дифференциации научного знания. Наиболее ярко данные процессы просматриваются в сфере теории и практики судебной экспертизы. Теория судебной экспертизы является достаточно молодой наукой, поэтому процессы интеграции и дифференциации научного знания протекают в ней достаточно активно. В области судебной экспертизы путем непосредственного взаимодействия теоретических положений и практических аспектов деятельности происходит постоянное расширение научного знания. Судебная экспертиза имеет тесную взаимосвязь с рядом областей гуманитарных и технических наук, данная взаимосвязь обеспечивает появление новых направлений исследований, методов и методик, способствующих эффективному решению экспертных задач.

Процесс интеграции научного знания следует рассматривать в неразрывном единстве с процессом дифференциации, так как два этих процесса протекают параллельно друг другу с момента зарождения любого научного направления. Теория судебной экспертизы сформировалась на постнеклассическом этапе в истории зарождения научных направлений, согласно концепции В.С. Степина [1], поэтому ей свойственно стремление к междисциплинарности, как и всем наукам, появившимся в аналогичный период времени. Подтверждение данной позиции можно увидеть в последних работах Р.С. Белкина [2; 3; 4]. Согласно предложенной Р.С. Белкиным классификации, учение о судебной экспертизе следует относить к классу гибридных наук и типу синтетических по аналогии с криминалистикой, потому что в некоторой степени это учение является составляющей криминалистики, и корни зарождения самостоятельности

теории судебной экспертизы находятся именно в разделе криминалистической техники [5, с. 35].

Общая теория судебной экспертизы является теоретическим постулатом, который выступает отправной точкой для формирования всей судебно-экспертной деятельности и дает возможность для разработки общих методологических подходов в целях определения роли и места судебного эксперта как субъекта судебной экспертизы, поиска и определения методов и средств практической деятельности судебной экспертизы и для решения иных важных задач, которые призваны способствовать улучшению теоретических и практических аспектов судебно-экспертной деятельности в будущем.

Нередко часть экспертного сообщества ставит под вопрос практическую значимость теоретических исследований в области интеграции и дифференциации научного знания для экспертов-практиков, оправдывая такое пренебрежительное отношение к теоретической разработанности проблемы тем, что в настоящее время наука является достаточно устоявшейся и единственная задача теории судебной экспертизы заключается только в формировании конкретного «алгоритма действий» для эксперта как субъекта доказывания, чтобы обезопасить его от совершения экспертных ошибок и негативных последствий мер правового регулирования за их совершение. Необходимо отметить, что данная точка зрения является в корне неверной по множеству причин. Во-первых, данный путь развития теории невозможен, потому что действие по определенному «алгоритму» неизбежно приведет к лишению самостоятельности процессуального статуса судебного эксперта. Во-вторых, наложенные ограничения в действиях приведут к деградации творческого и критического мышления у практических работников, что неизбежно скажется на качестве проводимых ими исследований. В-третьих, таким способом полностью обезопасить себя от ошибок процессуального и экспертного характера не получится, потому что эксперт, как и все люди, подвержен воздействию человеческого фактора. По этой причине можно с уверенностью сказать, что применение определения «алгоритма действий» к эксперту, то есть человеку по своей природе, в принципе неуместно. Следует обратить внимание, что этот перечень причин, подтверждающих несостоятельность опровергнутой позиции, не является исчерпывающим.

Данная позиция, характерная в основном для работников государственных экспертных подразделений, обусловлена тем, что сотрудникам правоохранительных органов присуща установка на негативное восприятие инноваций. Немалая доля практикующих судебных экспертов осуществляет свою работу именно в правоохранительных органах. В своей практической деятельности большинство экспертов являются специалистами лишь в одной области рода, вида экспертизы, что значительно ограничивает круг экспертных задач, которые они могут решить. Поэтому данные специалисты часто ограничиваются базовыми методиками, способами и средствами, изученными ими еще в процессе получения экспертного образования. С профессиональной точки зрения, это путь к регрессу системы экспертного сообщества, потому что не происходит поиск новых средств и методов именно эмпирическим путем, который истори-

чески и практически является единственно верным в процессе апробаций новых методик и способов решения экспертных задач. Области науки, с которыми у судебно-экспертной деятельности наблюдается тесная взаимосвязь, то есть физика, химия, биология и другие, тоже не являются статичными в своем развитии. Поэтому факт отрицания новшеств со стороны экспертов-практиков сказывается крайне негативно на качестве их работы, так как со временем их профессиональные знания постепенно теряют свою актуальность, что отражается на их профессионализме и компетенции в дальнейшем.

Трудности часто появляются в случаях, когда перед экспертом ставятся необычные экспертные задачи. От решения таких задач часто зависит процесс доказывания по делу, что непосредственно влияет на судьбы людей. Например, определение абсолютной давности изготовления документа нередко вызывает затруднения, потому что выбор методики и надлежащее техническое обеспечение в своей совокупности прямо влияет на точность результатов исследований. Здесь могут применятся ни только физические методы (изучение особенностей внешних отображений реквизитов, путем применения микроскопического метода), но химические (определение состава материалов письма, путем применения газовой хроматографии), что может вызвать затруднения не готовых к расширению объема своих знаний экспертов. Именно в точности результатов такого исследования часто нуждаются стороны судебного разбирательства, чтобы в процессе доказывания подтвердить или опровергнуть виновность подозреваемого в совершении преступления лица. На этом примере ярко прослеживается необходимость применения комплексного подхода в использовании достижений инновационных теоретических положений естественных, гуманитарных, технических наук и практики.

Отталкиваясь от методов физики, химии, биологии и других наук, специалисты в области судебной экспертизы создают кардинально новые способы, средства и методики, приспособленные к судебно-экспертной деятельности в целях исследования вещественных доказательств, для получения необходимой доказательственной информации. Отправной точкой данного процесса являются регулярно возникающие новые экспертные задачи, которые нуждаются в решении. Для всестороннего раскрытия сущности комплексного подхода и выявления положительного эффекта от его применения в рамках судебно-экспертной деятельности необходимо подробней рассмотреть процесс интеграции научного знания как основополагающую составляющую данного подхода.

Процесс интеграции знаний в рамках судебной экспертизы – это процесс синтеза знаний из различных областей науки, способствующий решению наиболее сложных экспертных задач. От решения этих задач напрямую зависит минимизация ошибок в процессе доказывания. Противоположностью данного процесса является процесс дифференциации научного знания, который также нашел отражение в теории судебной экспертизы.

Процесс дифференциации знаний в рамках судебной экспертизы – это процесс, который является отправной точкой для появления новых видов и родов судебных экспертиз. Историческим результатом такого процесса является,

например, выделение дактилоскопической экспертизы из положений учения о трасологии. Положительный эффект от этого процесса неоспорим. Основным позитивным результатом данного явления видится процесс появления новых родов и видов судебных экспертиз, который нашел свое отражение в практической и теоретической стороне судебно-экспертной деятельности. В практической деятельности правильно выстроенная градация родов и видов судебных экспертиз, сокращает возможность совершения ошибок в выборе и назначении необходимой судебной экспертизы органами следствия и суда. Теоретическая разработанность данного вопроса влияет на формирование компетенций в процессе обучения будущих судебных экспертов. Он в большей степени направлен на систематизацию научного знания в целом.

Итак, в основе диалектического взаимодействия тенденций к интеграции и дифференциации научных знаний в судебной экспертизе находится комплексный подход. Комплексный подход – это способ реализации исследовательской и практической деятельности путем создания функциональной целостности, приемов, методов и методик для решения поставленных задач. Комплексный подход к научной деятельности в первую очередь означает использование знаний и методов из различных областей наук в своей совокупности для удовлетворения возникших потребностей современной науки. Этот подход органично отражает взаимосвязь между явлениями разного типа в самом объекте изучения – материальном мире, ведь большинство химических, биологических и физических процессов в природе происходят неразрывно друг от друга.

Диалектика интеграции и дифференциации научного знания наиболее органична именно для судебно-экспертных исследований, поскольку объект данных исследований – это вещественное доказательство, которое, с одной стороны, в целях решения экспертных задач по своей сути является результатом применения средств и методов из различных областей науки, а с другой стороны, в нем прослеживается и противоположный по своей сущности процесс дифференциации, которой происходит из-за раздельного изучения определенных характеристик объекта, через его признаки, то есть выраженные свойства с использованием методов и средств из различных наук.

Процесс синтеза научных знаний как основа диалектики его интеграции или дифференциации в наши дни все активнее проявляется в теории и практике судебной экспертизы. В глобальном масштабе это обусловлено последствиями 4-й научно-технический революции, которая происходит в настоящее время и провоцирует ускорение всех процессов современной науки, способствующих появлению новых прогрессивных методов и технических средств. В плане задач собственно производства судебных экспертиз процесс синтеза научных знаний вызван необходимостью в удовлетворении постоянно растущих потребностей судебной и следственной практики. Это, в свою очередь, предъявляет новые требования и к теории, и к практике судебной экспертизы, цели которых состоят в том, чтобы с помощью результатов изучения объекта исследования посредством познания его свойств и закономерностей

получить информацию об интересующем факте, которая в дальнейшем будет способствовать осуществлению правосудия. Следовательно, необходимо обеспечить единство научно-исследовательской деятельности, ее результатов и судебной практики.

Таким образом, интеграционные процессы оказали колоссальное воздействие на становление и формирование доктринальных положений науки о судебно-экспертной деятельности. Именно эти процессы способствовали объединению и систематизации множества абсолютно разнообразных направлений экспертных исследований и распределению их по критериям, характерным для различных классов, родов и видов экспертиз. Важнейшее фундаментальное изменение, которое привнес процесс интеграции знаний, – это качественный пересмотр отношения к классификации судебных экспертиз. Теперь нет жесткого ограничения по классам судебных экспертиз, то есть с течением времени они могут изменяться при появлении новых родов и видов экспертиз. Все это произошло благодаря методологическому обоснованию синтетической природы общей теории судебной экспертизы. Примером классификационного подхода, воплощающего требования учитывать диалектику интеграции и дифференциации научных знаний в квалификации классов, родов и видов судебных экспертиз, является классификация судебных экспертиз, предложенная В.А. Юматовым. В концепции В.А. Юматова представлен современный взгляд на классификацию судебных экспертиз, которые в зависимости от предмета, объектов, методов исследования и характера специальных знаний делятся на 15 классов: криминалистические, медицинские и психофизиологические, инженерно-технические, инженерно-транспортные, инженерно-технологические, экономические, биологические, почвоведческие, экологические, сельскохозяйственные, пищевых продуктов, речеведческие, экспертиза веществ, материалов и изделий, судебно-гомологическая экспертиза, искусствоведческие [6, с.14].

В заключение отметим, что в настоящее время возможности судебной экспертизы стали намного шире, чем раньше. У эксперта появилась возможность изучения новых объектов, которые раньше были ему недоступны, появилась возможность отвечать на новые, ранее неразрешимые вопросы. Этот качественный скачок в сторону улучшения судебно-экспертной деятельности повлек за собой увеличение объема значимой для следствия ориентирующей и доказательственной информации, которую можно извлечь из объектов экспертного исследования в ходе применения судебным экспертом специальных знаний. Рассмотренные результаты протекания интеграционных процессов в рамках судебно-экспертной деятельности говорят о том, что сегодня происходит существенное увеличение значимости фигуры судебного эксперта в процессе осуществления правосудия. Это, в свою очередь, повышает требования к научной и методической оснащенности судебного эксперта, который должен учитывать в своей экспертной практике последние достижения научной мысли в контексте рассмотренной нами проблемы диалектики интеграции и дифференциации научных знаний.

Литература

1. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – 408 с.

3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – М.: Юристъ, 1997. – 464 с.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – 480 с.

5. Белкин Р.С. Криминалистика: Проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Норма-Инфра, 2001. – 240 с.

6. Юматов В.А. Судебно-почерковедческая экспертиза: теория и практика: учебное пособие. – Н. Новгород: Издательство ННГУ, 2017. – 336 с.

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ЗАВУАЛИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ

Д.И. Гусева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, студент
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: whoisgretel@yandex.ru
Научный руководитель: А.Н. Новосёлова, к.ф.н., доцент

Статья посвящена судебной лингвистической экспертизе при выявлении завуалированной информации в интернет-тексте. Рассмотрена история возникновения завуалированной информации и особенности её реализации в настоящее время.

Ключевые слова: завуалированная информация; лингвистическая экспертиза; тайный язык; криптолалия; интернет-текст; маскировка.

В зависимости от речевой ситуации и, в частности, целей коммуникантов, язык может выполнять различные функции. Имеет место быть деление функций языка на основные – реализуемые практически в любом коммуникативном акте и факультативные – те, что потенциально могут быть присущи речевому акту, но далеко не всегда являются обязательными. Именно ко второй группе можно отнести так называемую криптолалическую (от греческого kryptos – «тайный, скрытый» и lalia – «речь») функцию языка, реализация которой заключается в вуалировании существа понятия, подразумеваемого говорящим или пишущим.

Потребность в рассматриваемой функции языка возникала во все времена у разных групп, в зависимости от исторического периода и уровня развития общества. Корни интересующего нас явления уходят к так называемым «тайным языкам», появившимся ещё до письменности и получившим распространение в разные периоды времени на территории современных Европы, Азии, Америки и России [4, с.10]. Так, во времена Древней Руси существовала система тайноречия, получившая название «тарабарская грамота» – особый языковой код, используемый в рукописях для отображения информации государственной важности. Получив свое развитие ещё в IX в., «тарабарский» язык сохранялся на протяжении столетий, вплоть до XIX в., когда его носителями оставались старообрядцы. Позже особое распространение феномен тайноречия получил среди групп ремесленников и торговцев, которые старались сделать свою речь непонятной для других и в большинстве своём, используя свой языковой код, имели целью обмануть покупателей.

Научный интерес к тайным языкам также насчитывает не одно столетие: от первого опыта систематизации офенского языка, как наиболее распространённого языка торговцев на Руси, до более подробных лингвистических исследований XX в. Среди отечественных учёных-лингвистов, посвятивших свои труды феномену тайноречия, И.И. Срезневский, А.О. Подвысоцкий, П.В. Шейн, В.И. Чернышев, И.Т. Смирнов, Е.Р. Романов, В.И. Даль, В.Д. Бондалетов и др.

В настоящее время тайные языки практически не используются (за исключением детских тайных языков), и их изучение носит ретроспективный

характер. Но криптолалическая функция языка по-прежнему находит свою реализацию во всех видах речи.

Сегодня, в эпоху повсеместной цифровизации, наряду с устными и письменными продуктами речевой деятельности человек каждый день взаимодействует с интернет-текстами различных жанров: посты в социальных сетях, электронные переписки, чаты, форумы, новостные рассылки, интернет-порталы и т.д. Совершенно естественно, что и объектом лингвистической экспертизы всё чаще является текст из интернет-среды. Несмотря на то, что интернет-текст объединил в себе черты устной и письменной речи, он также обладает характеристиками, свойственными ему как специфическому, новому объекту экспертного исследования. Соответственно, необходим подход, учитывающий специфику данного объекта. Вот почему последнее время учёные-лингвисты проявляют особое внимание к проблематике изучения текстов в сети Интернет.

В некоторых интернет-текстах реализуется и вышеупомянутая криптолалическая функция языка. То, что раньше представители определённых социальных групп маскировали в своей устной или письменной речи, сегодня вуалируется и в интернет-среде. В частности, цель завуалировать содержание своих высказываний имеют пользователи интернета, ведущие противозаконную деятельность. Так, пишет Е.И. Галяшина, «различные способы кодирования информации при общении в интернете используются для популяризации и подстрекательства <…>, для конспирации при планировании, организации, сокрытии преступлений» [1, с.44]. Действительно, нельзя не отметить, что всё больше преступлений совершается посредством внедряющихся в нашу жизнь технологий. Лица, осуществляющие противоправную деятельность, адаптируются к интернет-среде и активно пользуются возможностями, которые предоставляет новое пространство.

Завуалированная информация в тексте (в том числе, размещённом в сети Интернет) понятна лишь ограниченному кругу лиц, в число которых входит адресат (автор текста) и адресант (тот, для кого текст предназначен). Указанные лица обладают так называемым «кодом» или «ключом» к декодированию скрываемой от третьих лиц – в частности, от правоохранительных органов – информации.

Таким образом, в текстах с завуалированной информацией используется общая для адресанта и адресата модель мира, один языковой код, с помощью которого происходит кодирование и дешифровка тех или иных передаваемых сведений. Причём коммуниканты могут использовать своего рода переключатели кодов, которые дают понять, что они перешли на другую языковую систему: таким образом участники коммуникации, «используя намек в качестве ключа, помещают эту информацию в имплицитные слои семантики» [1, с. 45].

Но в случае с имплицитностью смысл, извлекаемый из текста, доступен к пониманию неограниченного круга лиц, тогда как завуалированная информация остаётся недоступной большинству воспринимающих, так как они не владеют необходимым кодом для дешифровки. Имплицитная информация, в отличие от намеренно скрытой, может быть установлена с достаточной степенью

полноты и недвусмысленности [5], что нельзя сказать о рассматриваемом нами явлении завуалированности. И, соответственно, выявление завуалированной информации в тексте – более сложный и трудоёмкий процесс.

Использование завуалированной информации в теории судебной лингвистической экспертизы принято называть маскировкой содержательных элементов текста [6]. Обратимся к словарному определению лексемы «маскировка»: слово образовано от глагола «маскировать» – «делать что-либо незаметным, невидимым или скрывать что-либо посредством чего-либо показного, притворного» [3]. Безусловно, в словарях данная дефиниция раскрывается не полностью и для контекста лингвистической экспертизы необходимо более развёрнутое толкование. В отечественной теории судебной лингвистической экспертизы закрепилось следующее определение: «Маскировка – изменение каких-либо элементов текста в процессе его порождения посредством различных приёмов (пропуск, замена, искажение), не всегда имеющее криминологическое основание» [6, с.281]. Но данное определение, очевидно, также не раскрывает в полной мере сущность рассматриваемого явления, в том числе остается не до конца ясным, что подразумевается под «криминологическим основанием».

Чтобы определить объем понятия «завуалированная информация», необходимо исходить из признаков маскировки (завуалированности). К ним следует отнести: сокрытие смыслового содержания от третьих лиц; намеренное использование приёмов сокрытия информации, в частности, использование слов, обладающих собственным смыслом; невозможность понимания подлинного смысла третьими лицами без привлечения специальных знаний. Таким образом, под завуалированной (замаскированной) информацией в контексте судебно-лингвистической экспертизы текста можно понимать лингвистическое явление, заключающееся в использовании приёмов маскировки, в частности использовании в тексте слов, обладающих собственным смыслом взамен реальных понятий, с целью сокрытия определённых сведений от третьих лиц.

Когда доказательством по делу является такого рода текст, назначается лингвистическая экспертиза. Основная задача эксперта-лингвиста в этом случае заключается в дешифровке (декодировании) завуалированной информации, что можно сделать, выявив особые слова-сигналы, указывающие на маскировку содержательных элементов. Такие слова еще называют маркерами маскировки (вуалирования). С целью их поиска эксперт исследует предоставленный текст на всех языковых уровнях: лексическом, синтаксическом, морфологическом, фонетическом (в случае исследования текстов устной коммуникации), графическом.

Маркерами на лексическом уровне являются слова, обладающие собственным, взамен реальных понятий, смыслом. Особенно стоит выделить в этой группе эвфемизмы (от греческого ευφήμη – «благоречие»), использующиеся для более нейтрального обозначения того или иного предмета, явления и т.д. В какой-то степени употребление в речи эвфемизмов – это всегда присутствие завуалированности, но в самом широком смысле этого слова. Явление завуалированной информации в рассматриваемом контексте лингвистической экспер-

тизы более специфично, и, как мы уже определили ранее, ему присущи особые признаки, только при наличии совокупности которых можно говорить о присутствии в тексте маскировки тех или иных смыслов. Эвфемизм может являться одним из средств маскировки, но само явление эвфемизации не всегда связано с целью маскировки какой-либо информации. Здесь важно отметить, что при эвфемизации исходное наименование и слово, его заменяющее, имеют всё же в какой-то степени общее семантическое ядро, а при употреблении номинации для конспиративных целей факт реальной действительности и заменяющее его слово или выражение в семантическом отношении могут не иметь ничего общего [2, с.3]. К лексическим маркерам завуалированной информации в отдельных случаях можно отнести воровской жаргон (арго), но если ранее слова данной группы были действительно непонятны большинству людей, не имеющих отношения к преступной сфере, то теперь большинство арготизмов не только имеют толкования в специализированных словарях, но и по причине проникновения в другие социальные слои перестали быть недоступными к пониманию.

Довольно часто с целью сокрытия подлинного смысла высказываний коммуниканты заменяют первоначальное название предмета речи другим словом или фразой. Такой приём обычно называют «разовым кодом». Для такого рода текста характерны такие приёмы, как умолчание, эллиптические конструкции с пропуском глаголов передачи объекта, местоименные замены, употребление числительных с нулевой валентностью (т.е. употребление числительного без вербального указания на относящийся к нему предмет) [1]. Так, для обозначения денежных средств при вуалировании факта их передачи могут использоваться следующие слова: «бумаги», «папки», «документы», использоваться числительные (например, «пять», «двести» и т.п.), местоимения («их», «это», «то» и др.). В случае интернет-коммуникации разовым кодом может выступать даже значок эмодзи (смайлик).

Но стоит отметить, что привести полный, исчерпывающий перечень маркеров завуалированной информации не представляется возможным в силу нескольких причин. Во-первых, невозможно предусмотреть все варианты приёмов маскировки, которыми может воспользоваться автор текста. Во-вторых, прогнозирование методов сокрытия информации становится ещё более сложным, если речь идёт об исследовании интернет-текста. Многообразие его жанров, их развитие и появление новых средств выражения в интернет-пространстве позволяет говорить о том, что невозможно предугадать все возможные варианты маркеров маскировки. Таким образом, эксперту при исследовании необходимо внимательно подходить к анализу конкретного текста и уже исходя из определённой ситуации, оценивать объект и делать соответствующие выводы.

Также большую роль при выявлении завуалированной информации играет контекст. Именно его анализ помогает установить истинное смысловое содержание текста. Так, при исследовании креолизованного текста, который распространён в интернет-дискурсе, необходимо в полной мере учитывать все его элементы: наряду с вербальным компонентом важно оценить и видеоряд или,

к примеру, графические обозначения. Например, интернет-переписка помимо текста в самом привычном понимании этого слова может содержать элементы эмотикона (смайлики, эмодзи) или сопровождаться какими-либо изображениями, аудиозаписями. Конечно, проблематика экспертного исследования креолизованных текстов на сегодняшний день достаточно обширна и требует отдельного рассмотрения. Но поскольку интернет-тексты очень часто являются сложными и многокомпонентными, нельзя обойти этот аспект, в том числе и когда речь идёт о выявлении в них завуалированной информации.

Говоря о роли контекста, стоит отметить, что при исследовании важен не только контекст лингвистический (языковое окружение), но и экстралингвистический, к которому относятся внеязыковые факторы, также влияющие на смысловое содержание текста. В частности, влияют на восприятие текста характер взаимодействия коммуникантов, канал связи, условия коммуникации – время и место, функционально-ролевая характеристика коммуникантов статусно-маркированной ситуации [6, с.246]. Также к экстралингвистическим факторам могут относиться фоновые знания, позволяющие наиболее точно толковать тот или иной текст и разрешать трудности его интерпретации, возникающие при анализе языковой составляющей. Указанные факторы в том или ином объёме могут быть выделены в любом тексте, в том числе и интернет-дискурса.

В целом, выявление завуалированной информации в тексте является одной из возможных задач судебно-лингвистической экспертизы и в настоящее время вопрос о её наличии и дешифровке может ставиться не только в отношении текстов устных разговоров или традиционных письменных текстов, но и когда объектом исследования становится текст интернет-коммуникации.

Литература

1. Галяшина Е.И. Криминалистические проблемы дешифровки криптолалической речи в интернет-коммуникации // Istina.msu.ru. – 2019. – С. 44–48.

2. Дайлоф Екатерина. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2019. – № 11.

3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

4. Приемышева М.Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект: дис. ... д. фил. наук. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004838612 (дата обращения: 03.04.2021).

5. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2.

6. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч.1 / под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдин; общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – 568 с.

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫЕЗДНЫХ И КАМЕРАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК

П.И. Далёкин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ
старший преподаватель
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: DPapifngtu@mail.ru

В статье рассмотрены основные аспекты нормативно-правового обеспечения проведения выездных и камеральных налоговых проверок в Российской Федерации. Определены основные отличия между камеральными и выездными налоговыми проверками, представлен анализ правового порядка их проведения.

Ключевые слова: нормативно-правовое обеспечение; налоговая проверка; налоговый контроль; выездная налоговая проверка; камеральная налоговая проверка.

На современном этапе развития налоговой системы и налогового права России основной и более эффективной формой налогового контроля выступают налоговые проверки. Налоговые проверки позволяют выявлять и предупреждать налоговые правонарушения. Тем не менее с развитием общества и инфраструктуры в стране формируются новые способы налогового контроля, создавая условия для более полного и всестороннего осуществления налогового контроля.

В рамках действующего нормативно-правового обеспечения налоговые проверки являются сформировавшимся правовым институтом, а изучение их правового механизма представляет значительный научный интерес. Выездные налоговые проверки проводятся по месту нахождения налогоплательщика на основании решения руководителя (или его заместителя) налогового органа. Однако в случае если у налогоплательщика отсутствует возможность предоставить помещение для проведения выездной налоговой проверки, она может проводиться по месту нахождения налогового органа (камеральные налоговые проверки) [1].

Автором проведен анализ основных задач при проведении выездной и камеральной налоговых проверок для налоговых органов, которые включают в себя:

- выявление искажений налоговой отчетности и расчетов;
- анализ и оценка финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйственной деятельности по установленным параметрам и соотношениям;
- оценка влияния нарушений на величину налогооблагаемой базы по налогам, сборам и взносам;
- проверка обоснованности исчисления налогооблагаемой базы на основе соотнесения с первичными документами налогового и бухгалтерского учета;
- доначисление (при необходимости) сумм налогов, сборов и страховых взносов;
- привлечение налогоплательщиков к ответственности при нарушении налогового законодательства в соответствии с установленными санкциями и т.д.

Ключевые нормативно-правовые источники, которые используются налоговыми органами при проведении выездных и камеральных налоговых проверок, включают в себя:

- Налоговый кодекс Российской Федерации;
- Приказ ФНС России от 8 мая 2015 года № ММВ-7-2/189@ (в нем приведены формы документов о приостановлении выездной налоговой проверки и порядок продления сроков проведения выездной налоговой проверки);
- Приказ ФНС России от 07.11.2018 № ММВ-7-2/628@ (в нём закреплены формы документов, необходимые при осуществлении налогового контроля);
- Приказ ФНС России от 07 мая 2007 года № ММ-3-06/281@;
- Письмо ФНС России от 25 июля 2013 года № АС-4-2/13622;
- Письмо ФНС России от 27 июня 2017 г. № ЕД-4-2/12216@ «Об истребовании документов (информации) вне рамок налоговых проверок»;
- Письмо ФНС России от 17.07.2013 N АС-4-2/12837 «О рекомендациях по проведению мероприятий налогового контроля, связанных с налоговыми проверками»;
- Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 №57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой НК РФ»;
- Концепция системы планирования выездных налоговых проверок (Письмо Минфина от 15.02.2017 № 03-02-07/1/8547) и т.д.

Правовой порядок проведения камеральных налоговых проверок регламентируется статьей 88 Налогового кодекса Российской Федерации.

Для проведения камеральной налоговой проверки не требуется специального решения руководителя налогового органа, так как она проводится в связи с исполнением своих служебных обязанностей уполномоченными должностными лицами на основе налоговых деклараций и документации, предоставленной налогоплательщиком.

Камеральная налоговая проверка проводится в течение трех месяцев со дня предоставления налогоплательщиком документации и в течение шести месяцев, если налогоплательщиком выступает иностранная организация. В случае если налогоплательщиком не предоставлены документы, налоговый орган правомочен провести налоговую проверку на основании имеющейся документации, а также на опыте об иных аналогичных налогоплательщиках. Срок проведения проверки в этом случае – также три месяца со дня истечения срока представления декларации. Такая налоговая проверка может быть прекращена, если до её окончания налогоплательщик представит налоговую декларацию уполномоченному должностному лицу. При таких условиях на основе представленной документации начинается новая камеральная проверка, прекращаются все действия налогового органа произведенные во время проверки, произведенной в отношении имеющихся у налогового органа документов.

Срок налоговой проверки в соответствии с законодательством строго ограничен тремя месяцами, то есть проверка не может быть приостановлена, как и не может быть продлена. На основании этого дополнительные мероприя-

тия налогового контроля (истребование пояснений и документов, допрос свидетелей и т.д.) проводятся в пределах срока и процедуры камеральной проверки. Исключением в данном случае будет являться проверка декларации по налогу на добавленную стоимость, здесь в соответствии с нормой закона проверка проводится в течение двух месяцев, однако если будут обнаружены признаки нарушения законодательства, то руководитель налогового органа имеет право принять решение о продлении сроков такой проверки до трех месяцев.

Налоговый орган, проводящий проверку, при обнаружении ошибок в документации между уточненной декларацией и ранее имеющимися у проверяющего органа документами, вправе истребовать у налогоплательщика пояснения, которые тот обязан предоставить в течение пяти дней или же внести соответствующие изменения в этот же срок. Данный срок также применим к индивидуальным предпринимателям и организациям, в случае использования льгот при осуществлении операций (имущества). Здесь налогоплательщику необходимо представить документы, подтверждающие право использования той или иной льготы.

Право налогового органа истребовать сведения, несмотря на всё, ограничено. Проверяющий орган имеет право истребовать для пояснения документы и сведения только исключительно в рамках налоговой проверки. Истребование сведений, не относящихся к декларации, на основе которой проводится проверка, не имеет юридической силы. Статья 88 НК РФ уточняет, какие сведения могут быть истребованы налоговым органом при проведении документальной проверки налогоплательщика.

Так, при проведении камеральной налоговой проверки налоговой декларации (расчета) по налогу на прибыль организаций, налогу на доходы физических лиц участника договора инвестиционного товарищества налоговый орган вправе истребовать у него сведения о периоде его участия в таком договоре, о приходящейся на него доле прибыли (расходов, убытков) инвестиционного товарищества. В случае проверки налоговой декларации по акцизам, в которой заявлены налоговые вычеты в связи с возвратом по той или иной причине подакцизных товаров налоговый орган вправе истребовать документацию, которая подтверждает факт возврата такой продукции и правомерность применения вычетов по данным обстоятельствам.

При проведении документальной налоговой проверки на основе уточненной налоговой декларации (расчета), представленной по истечении двух лет со дня, установленного для подачи налоговой декларации (расчета) по соответствующему налогу за соответствующий отчетный (налоговый) период, в которой уменьшена сумма налога, подлежащая уплате в бюджетную систему Российской Федерации, или увеличена сумма полученного убытка по сравнению с ранее представленной налоговой декларацией (расчетом), налоговый орган вправе истребовать у налогоплательщика первичные и иные документы, подтверждающие изменение сведений в соответствующих показателях налоговой декларации (расчета), и аналитические регистры налогового учета, на основании которых сформированы указанные показатели до и после их изменений.

Если после получения от налогоплательщика и рассмотрения пояснений и документов всё ещё присутствует факт нарушения налогового законодательства, то в таком случае органом, проводившим документальную проверку, должен быть составлен акт проверки в соответствии со ст. 100 НК РФ, форма акта результатов налоговой проверки закреплена в Приказе ФНС России от 07.11.2018 № ММВ-7-2/628@.

По результатам документальной проверки проверяющим органом в случае обнаружения факта нарушения законодательства должностным лицом, проводившим проверку, составляется акт налоговой проверки в течение десяти дней после окончания такой проверки. Акт подписывается обеими сторонам проводимой проверки (то есть должностным лицом, проводившим её и проверяемым налогоплательщиком). Если проверяемое лицо (его представитель) отказывается подписать акт налоговой проверки, то данный аспект также документально фиксируется в акте.

К акту прилагаются документы, которые устанавливают факт нарушения налогового законодательства, который был выявлен в ходе проверки. Однако к акту не могут быть приложены документы, полученные от проверяемого лица, также документация, содержащая любую охраняемую законом тайну, прилагается в виде заверенных налоговым органом выписок. Акт по результатам проверки должен быть вручён проверяемому налогоплательщику в течение пяти дней с даты этого акта. Акт вручается под расписку налогоплательщику или его представителю, а в случае уклонения от получения данный момент фиксируется и документ направляется по почте заказным письмом по адресу нахождения организации (места жительства физического лица). Датой получения акта будет считаться шестой день с даты отправки такого письма.

Акт налоговой проверки может быть оспорен в течение одного месяца со дня получения акта. Налогоплательщик в случае несогласия с результатами налоговой проверки может представить возражение в соответствующий налоговый орган, также к возражению могут быть приложены документы, которые будут являться залогом обоснованности данных возражений [6].

В случае предоставления возражений налоговый орган принимает меры по устранению спорных моментов, даёт правовое заключение относительно обоснованности предъявленных возражений и рассматривает материалы налоговой проверки (включая возражение налогоплательщика), после чего в десятидневный срок руководитель налогового органа принимает решение о привлечении к ответственности, об отказе к привлечению или о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля. Срок рассмотрения материалов и принятия решения может быть продлен не более чем на один месяц.

Правовой порядок проведения выездных налоговых проверок регламентируется статьей 89 Налогового кодекса Российской Федерации.

Особенностям и проблемам правового механизма проведения, а также определению прав и обязанностей сторон при проведении выездных налоговых проверок посвящены работы Козлова Ю.А., Курбатова О.В., Морозова А.С., Новоселов К.В., Пронина А.Ю., Черевиченко Т.С. [2–5] и др.

Так, основанием для проведения выездной налоговой проверки является решение налогового органа, в котором состоит на учете проверяемый налогоплательщик. Если же проверяемая организация имеет статус крупнейшего налогоплательщика, то решение о ее проверке выносит налоговый орган, осуществивший ее постановку на учет в качестве крупнейшего налогоплательщика. Самостоятельная выездная проверка филиала или представительства организации проводится на основании решения налогового органа по месту нахождения обособленного подразделения в соответствии с действующим законодательством.

Назначить и провести выездную проверку налоговый орган может в отношении любого субъекта налоговых правоотношений, а также законодательство не дает ограничений по времени. Однако охватить проверками всех субъектов налоговых правоотношений достаточно сложно, поэтому кандидатов на выездную налоговую проверку налоговые органы тщательно отбирают на основе информации об их финансово-хозяйственной деятельности и Концепции системы планирования выездных налоговых проверок (Письмо Минфина от 15.02.2017 № 03-02-07/1/8547).

Вероятность назначения выездной проверки высока, если организация, например (разд. 4 Концепции, Письма Минфина от 14.02.2017 № 03-02-08/7955, от 23.06.2016 № 03-02-08/36472):

- сотрудничает с недобросовестными контрагентами (фирмами-однодневками);
- имеет низкую налоговую нагрузку;
- отражает в налоговой отчетности убытки на протяжении двух и более лет (п. 2 Критериев оценки рисков выездных проверок);
- имеет низкую рентабельность;
- выплачивает зарплату ниже среднеотраслевого уровня в регионе.

Автор отмечает, что полный перечень оснований, установив которые, налоговый орган может включить организацию в план выездных проверок, приведен в Приложении № 2 к Приказу ФНС от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@.

Таким образом, автор делает вывод, что проведение выездных налоговых проверок основано на риск-ориентированном подходе, который основан на достаточно простом принципиальном начале: чем выше уровень риска, тем выше вероятность проведения проверки. Каждый налогоплательщик должен стремиться к минимизации рисков, которые обуславливают налоговые проверки. На основе риск-ориентированного подхода построено и налоговое законодательство европейских стран, Японии, США. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне гармонизации отечественного законодательства с нормативно-правовыми актами развитых стран.

Наличие одного или нескольких оснований для отбора на выездную налоговую проверку не означает, что в отношении организации обязательно будет назначена проверка. Но даже если, исходя из Концепции, оснований включить организацию в план проверок не было, принятое решение о проведении выездной налоговой проверки все равно считается законным.

По результатам проведения выездной налоговой проверки налогоплательщик получает справку о проведении выездной налоговой проверки и решение налогового органа. Автором выделены сведения, которые необходимы при оформлении решения налогового органа. К ним относятся:

- полное и сокращенное наименования либо персональные данные налогоплательщика;
- предмет проверки (налоги, сборы, взносы и их правильность исчисления и уплаты, которые подлежат проверке);
- периоды, за которые проводится выездная налоговая проверка налоговыми органами;
- должности и персональные данные сотрудников налогового органа, которым поручается проведение выездной налоговой проверки.

Предметом выездной налоговой проверки является правильность исчисления, своевременность уплаты налогов, сборов и взносов.

В последний день проведения выездной налоговой проверки проверяющий орган обязан составить справку о проведенной проверке, в которой фиксируются предмет проверки, сроки ее проведения, и вручить ее налогоплательщику или его представителю.

В случае если налогоплательщик (его представитель) уклоняется от получения справки о проведенной проверке, указанная справка направляется налогоплательщику заказным письмом по почте.

При условии что в ходе проверки выявляется факт нарушения иного законодательства Российской Федерации, не относящегося к цели выездной налоговой проверки, он отражается в акте проверки только в случае, если данным фактом обусловлены деяния, содержащие признаки налоговых правонарушений. Полученные сведения используются в рамках выполнения налоговыми органами функций контроля в пределах своей компетенции в установленной сфере деятельности.

Стоит отметить, что налоговой орган не вправе проводить в отношении одного налогоплательщика более двух проверок в течение календарного года. Однако это не относится к тем случаям, в которых принятие решения зависит от руководителей федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов, сборов и взносов. Налоговый орган, проводящий самостоятельную выездную проверку филиалов и представительств, не вправе проводить в отношении данных органов две и более выездные налоговые проверки по одним и тем же налогам за один и тот же период.

В соответствии с российским законодательством в рамках выездной налоговой проверки сотрудники налогового органа вправе проверять деятельность филиалов и представительств налогоплательщика. Налоговое законодательство также закрепляет, что налоговый орган вправе проводить самостоятельную выездную проверку филиалов и представительств по вопросам правильности исчисления, своевременности уплаты региональных, местных налогов.

Приостановление, возобновление проведения проверки оформляется соответствующим решением руководителя или заместителя руководителя налогового органа, проводящего указанную выездную налоговую проверку.

В решении о приостановлении выездной налоговой проверки указывается следующие сведения: фамилия, имя, отчество руководителя организации (уполномоченного представителя организации), который ознакомлен с решением о приостановлении проводимой выездной налоговой проверки. Решение о возобновлении выездной налоговой проверки обязательно должно доводиться до проверяемой организации в установленные налоговым законодательством сроки.

Общий срок приостановления проведения выездной налоговой проверки не может превышать шести месяцев, в то время как сама проверка по общему правилу не может превышать двух месяцев на основании Налогового кодекса Российской Федерации. На период действия срока налоговой проверки приостанавливаются действия налогового органа по истребованию документов у налогоплательщика, которому в этом случае возвращаются все подлинники документов.

Правовой механизм проведения выездной налоговой проверки в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации предполагает возможное проведение следующих процедур:

- инвентаризация (активов и пассивов);
- допрос;
- осмотр (помещений, объектов и т.д.);
- вызов в качестве свидетеля;
- истребование документов;
- выемка документов;
- экспертиза;
- получение экспертного заключения;
- привлечение переводчика;
- вызов в качестве свидетеля.

Правовой порядок проведения данных процедур предусмотрен статьями 89–97 Налогового кодекса Российской Федерации.

Наиболее «болезненной» процедурой для налогоплательщика достаточно часто является выемка документов. Автором представлены следующие особенности проведения выемки документов:

- выемка не может проводиться в ночное время;
- изъятию подлежат только те документы, которые имеют прямое отношение к предмету проводимой выездной налоговой проверки;
- в случае отказа налогоплательщика предоставить доступ к документам сотрудники, проводящие проверку, имеют право сделать это самостоятельно без причинения вреда;
- при изъятии документов проводится их копирование и заверка сотрудниками налогового органа, проводящими проверку и т.д.

На основании налогового законодательства изъятию у налогоплательщика подлежат следующие виды документов:

- первичные документы налогового и бухгалтерского учета, влияющие на исчисление налогооблагаемой базы;

- денежные документы, имеющие отношение к исчислению налогооблагаемой базы;

- сметные документы и расчеты;

- декларации, расчеты, а также иные документы, имеющие отношение к исчислению налогов, сборов, взносов (за исключением документов, содержащих государственную тайну).

Налогоплательщик обязан обеспечить возможность должностных лиц налоговых органов, проводящих выездную налоговую проверку, ознакомиться с документами, связанными с исчислением и уплатой налогов, сборов и взносов.

Действующее налоговое законодательство предполагает досудебный и судебный порядок обжалования решения налогового органа в рамках выездных налоговых проверок. Налогоплательщики обжалуют решения налогового органа на основании статьи 137 Налогового кодекса Российской Федерации. Решения по проверке, вступившие в силу, могут быть обжалованы в вышестоящем налоговом органе. В свою очередь решения, не вступившие в законную силу, обжалуются также в вышестоящем налоговом органе, но в апелляционном порядке. При несогласии налогоплательщика с результатами обжалования в вышестоящем налоговом органе следующим этапом является обжалование решения по проверке в суде.

Определение правового порядка проведения выездных налоговых проверок направлено на формирование механизма действий со стороны налоговых органов. Проведение выездных налоговых проверок направлено на оценку правильности исчисления, контроль и соблюдение действующего налогового законодательства в рамках соответствия отчетности правилам ее составления и наличия первичных документов налогового учета.

Автор отмечает, что в настоящее время на законодательном уровне остаются не урегулированными процедурные, организационные и процессуальные составляющие выездных налоговых проверок. Это обуславливает постоянное совершенствование нормативно-правового обеспечения в данной области исследования. Развитие действующего налогового законодательства проводится в условиях формирования цифрового права, внедрения программных продуктов в налоговых органах и становления новых налоговых понятий. По мнению автора, совершенствование налогового законодательства в рамках выездных налоговых проверок необходимо проводить с учетом риск-ориентированного подхода и защитой прав налогоплательщика в процессе проведения проверок. Кроме того, необходимо проведение обучающих семинаров и предоставление пояснения со стороны налоговых органов субъектам хозяйственной деятельности относительно разъяснения их прав и обязанностей. Основная цель данной работы – отсутствие страха должностных лиц налогоплательщика перед налоговыми инспекторами при проведении выездных налоговых проверок.

Таким образом, на основе представленных особенностей и проблем правового проведения выездных налоговых проверок можно сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения данной области исследования, а её высокое национальное значение должно стимулировать законодателя к планомерным действиям и совершенствованию нормативно-правового обеспечения. Налоговое законодательство имеет важную роль в фискальном механизме формирования, распределения и использования доходов (расходов) бюджета Российской Федерации, что обуславливает высокую роль в выполнении основных функций государства.

Литература

1. Конева О.С. История развития налогового контроля в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2016. – №21. – С. 602–605. – URL: https://moluch.ru/archive/125/34695/

2. Курбатова О.В. Принципы налогового мониторинга // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2.

3. Козлова Ю.А., Муравлева Т.В. Контроль и надзор за соблюдением законодательства в ходе выездных налоговых проверок // Вестник современных исследований. – 2018. – № 6.4 (21).

4. Морозова А.С., Зырянова В.Д. Камеральные и выездные налоговые проверки // Дневник науки. – 2018. – № 5 (17).

5. Новоселов К.В. Новации в порядке проведения и оформления мероприятий налогового контроля // Налоговая политика и практика. – 2018. – № 11 (191).

6. Пронина А.Ю., Светлова А.В., Черноусова К.С. Выездные проверки в системе налогового контроля РФ // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 4 (16).

ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕРЕПИСКА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

А.А. Дубова
Российский государственный университет правосудия
Приволжский филиал, магистр
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: sashaalex358@gmail.com
Научный руководитель: Ю.С. Сперанская, к.юр.н., доцент

В статье рассматривается такой институт, как электронная переписка, являющаяся разновидностью электронных доказательств в арбитражном процессе, раскрываются причины его активного использования. Приведены примеры электронных каналов связи, таких как электронная почта и мессенджеры. Раскрыты способы подтверждения электронной переписки в суде.

Ключевые слова: электронные доказательства; электронная переписка; арбитражный процесс; электронная почта; мессенджеры; скриншоты; нотариальный протокол осмотра электронной переписки.

Год назад мир столкнулся с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), в большинстве стран был введен локдаун (англ. – lockdown), людям нельзя было выходить из дома и свободно перемещаться. Все эти действия были направлены на снижение темпов распространения вируса.

Ограничительные меры коснулись и судебных органов, был приостановлен личный прием граждан в судах, было рекомендовано направлять документы через электронные интернет-приемные судов или по почте, а при наличии технической возможности осуществлять рассмотрение дел путем использования систем видео-конференц-связи (далее – ВКС) [1]. Кроме привычного рассмотрения дел с использованием ВКС, благодаря внесенным 29.04.2020 года изменениям в Постановление, судам было разрешено проводить судебные заседания также при помощи системы веб-конференции [2].

Данные обстоятельства дали толчок для судов на еще более активный переход на электронное правосудие. Что касается его внедрения, то в арбитражных судах оно всегда шло активнее, чем в судах общей юрисдикции.

Арбитражными судами РФ используется система «КАД Арбитр» (картотека арбитражных дел). Также данная система имеет сервис «Мой Арбитр», благодаря которому любая сторона по делу может в электронной форме направлять в суд позиции по делу и необходимые документы, доказательства, а также знакомиться с материалами дела в электронном виде. Кроме того, в период ограничительных мер в данной системе появилась отдельная функция «онлайн-заседания».

Технический прогресс и вышеизложенные обстоятельства способствовали ускоренному переходу организаций, индивидуальных предпринимателей и физических лиц на электронный документооборот. Стороны чаще стали представлять электронные доказательства, которые потом суды приобщают к материалам дела, включают в базу доказывания истца или ответчика.

В данной статье мы раскроем такие виды электронных доказательств в арбитражном процессе, как переписка по электронной почте и взаимодействие в мессенджерах.

Статья 64 АПК РФ устанавливает открытый перечень средств доказывания, указывая, что в качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы [3].

Проанализировав ст. 75 АПК РФ, можно сделать вывод, что законодатель относит электронные средства доказывания к письменным доказательствам. Однако этот вопрос остается дискуссионным, одни ученые предлагали переименовать «письменные доказательства» в «документальные доказательства», другие – выделить электронные средства доказывания в качестве самостоятельного вида, а третьи – относить к письменным в тех случаях, когда сведения о фактах содержат человеческую мысль, либо к вещественным, когда представляется «фотоснимок либо иное отражение реальной действительности, которое не содержит мысль» [4]. Раскрытие данного вопроса нуждается в отдельной научной работе, мы же рассмотрим электронную переписку между контрагентами как разновидность электронных средств доказывания.

1. Электронная почта (e-mail). Чаще всего обмен документами через электронную почту устанавливается непосредственно в договоре между контрагентами, могут быть прописаны даже конкретные адреса. Поэтому если сторона ссылается на электронную переписку, а договором такой документооборот не предусмотрен, суд может отклонить данный довод [5].

Однако это не всегда так. Между двумя компаниями был заключен договор оказания услуг. Во исполнение условий одна организация оказала другой предусмотренные договором услуги, что подтверждалось актом, однако ответчик ничего не оплатил. Судом было установлено: заявитель знал, что у банка, в котором находится его расчетный счет, будет отозвана лицензия, чтобы избежать перечисления денежных средств за оказанные услуги на закрытый счет, письмом, направленным на адрес электронной почты, ответчику было сообщено об изменении банковских реквизитов и необходимости оплаты на другой расчетный счет. Ответчик проигнорировал письмо и оплатил установленную договором сумму уже на закрытый расчетный счет. Аргумент со стороны ответчика о том, что обмен электронными сообщениями не установлен условиями договора, был отклонен судом, так как направление электронных писем контрагенту соответствует обычаям делового оборота и не противоречит гражданскому законодательству Российской Федерации. Доказательства, из которых бы было видно, что данная электронная почта не является e-mail общества, в материалах дела отсутствуют. Как установил суд, переписка сторон, которая была представлена в деле, свидетельствует о том, что в рамках договора стороны обменивались информацией именно по указанному электронному адресу [6].

2. Мессенджеры. Сейчас нельзя представить коммуникацию людей без использования мессенджеров (WhatsApp,Viber и др.).

WhatsApp. Так, например, на основании переписки в WhatsApp суд признал контролирующим должника лицом и привлек к субсидиарной ответственности. С заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности трех контролирующих должника лиц обратился конкурсный управляющий в рамках судебного процесса о банкротстве. Один из ответчиков не согласился с данным заявлением, утверждая, что являлся номинальным руководителем общества, фактическое руководство осуществляло другое лицо.

Ответчик Моисеенко Л.Ю. (генеральный директор общества) представил доказательства переписки в WhatsApp между Антоновой В.П. и Моисеенко Л.Ю., из которой следовало, что Антонова В.П. принимала основополагающие решения и в действительности контролировала деятельность должника. При этом ни учредителем, ни генеральным директором общества юридически она не являлась [7].

Viber. В другом деле благодаря переписке в Viber бывший директор общества опровергла основания для взыскания с нее убытков, которые, как считал истец, непосредственно из-за ее действий понесла компания. Согласно заявлению истца (общества), по данным бухгалтерского учета за директором числилась возникшая в установленный период задолженность перед обществом по подотчетным суммам, по полученной ответчиком в банке чековой книжке, а также путем перечисления денежных средств на собственную банковскую карту. Общество утверждало, что авансовых отчетов на полученные на подотчет суммы не имелось, необходимость снятия денежных средств бывшим директором не была подтверждена, доказательств расходования данных средств на нужды общества не представлено.

Возражая против предъявляемых требований истца, Соколиной М.А. (ответчиком) была представлена переписка в Viber с Мелкозеровым И.В. Суд пришел к выводу, что из совокупности доказательств (в том числе представленной электронной переписки) усматривается, что снятие Соколкиной М.А. денежных средств в спорные даты в обозначенных истцом размерах было продиктовано указаниями Мелкозерова И.В., дающего руководящие распоряжения Соколкиной М.А. относительно финансово-хозяйственной деятельности общества, а также осуществлявшего контроль и перераспределявшего потоки денежных средств истца на подконтрольные ему общества [8].

Однако на практике часто возникает вопрос: каким же образом можно подтвердить суду, что переписка действительно велась между сторонами?

Самым популярным средством обеспечения электронных доказательств является представление в суд нотариального протокола осмотра переписки [9].

Также судами принимаются в качестве надлежащих доказательств скриншоты переписки [10]. Они должны соответствовать требованиям относимости, допустимости и достоверности.

В своем Постановлении Пленума № 10 от 23 апреля 2019 года Верховный суд отмечает, что распечатки материалов, размещенных в сети Интернет (скриншоты), должны содержать указание на адрес интернет-страницы и точ-

ное время их получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами [11].

Однако имеется и иная судебная практика. Так, в деле № А53-30539/2018 апелляционная инстанция отказала в приобщении скриншотов страниц электронной переписки, так как документы не были заверены надлежащим образом и сделаны ответчиком без привлечения специалистов (например, нотариуса). Поэтому они не могут служить объективным средством доказывания, поскольку не исключают возможности его самостоятельного изготовления [12].

В других случаях суду достаточно самому осуществить осмотр электронной переписки в судебном заседании: решение Арбитражного суда Нижегородской области от 19.08.2020 по делу № А43-36251/2019: «В заседании судом произведен осмотр представленной предпринимателем Герасинкиной И.В. электронной переписки между истцом и ответчиком …» [13]; решение Арбитражного суда Нижегородской области от 12.09.2019 по делу № А43-11344/2019: «В ходе рассмотрения дела в судебном заседании осмотрена электронная почта в почтовом ящике истца» [14].

В своей статье Дудкин Н. и Дубова А. указывают, что доказать, что именно с данным контрагентом велась переписка, также может помочь запрос, направленный сотовому оператору для подтверждения факта принадлежности номера телефона конкретному лицу.

Кроме того, оказать помощь в подтверждении факта ведения переписки может привлеченный специалист, если сторона заявит о фальсификации. Он сможет провести исследование на предмет технического вмешательства в электронное устройство, с которого велась переписка [15, с. 16].

Подтвердить истинность корпоративной электронной почты оппонента также теперь можно, ссылаясь на выписку из ЕГРЮЛ или ЕГРИП, если таковая будет внесена контрагентом в сведения своего юридического лица или ИП. Такая возможность появилась в связи с вынесением ФНС России приказа от 13 ноября 2020 г. [16].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в настоящее время суды активно принимают в качестве доводов сторон электронные доказательства, будь это переписка по электронной почте или в мессенджере (даже при условии, если это не установлено договором), и приобщают их к материалам дела.

Проведя анализ судебной практики, можно выделить несколько рекомендаций для всех участников гражданского оборота:

1. Для нивелирования последующих судебных и внесудебных споров лучше указывать конкретные каналы связи, в том числе адреса электронных почт, номера телефонов (для переписки в мессенджерах);

2. При электронной переписке ставьте отметку об уведомлении и о прочтении противоположной стороной вашего электронного письма.

3. Если переписка производится в мессенджере, лучше дублировать все документы по традиционным каналам связи.

4. При оспаривании переписки через электронную переписку контрагентом предоставляйте в суд нотариальный осмотр переписки или скриншотов.

5. Если оппонент заявляет о фальсификации, то возможно сделать запрос сотовому оператору, который подтвердит (или опровергнет) принадлежность номера телефона тому или иному лицу. Также возможно представить заключение специалиста в качестве доказательства.

Литература

1. О приостановлении личного приема граждан в судах: постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. №808 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

2. О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821: постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Государственной Думой РФ 14 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. [ред. от 08.12.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

4. Котлярова В.В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 6. – С. 37–42. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 января 2021 г. № Ф05-20774/2020 по делу № А40-24276/2020 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15 февраля 2019 г. № Ф01-7087/2018 по делу № А11-3596/2018 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

7. Определение Арбитражного суда города Москвы от 19 марта 2019 г. по делу № А40-228256/17-70-205 «Б» // КонсультантПлюс : справ.–правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

8. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 декабря 2020 г. № 17АП-12998/2020-ГК по делу № А60-30287/2019 // КонсультантПлюс : справ.–правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

9. Постановление АС Московского округа от 14 октября 2020 г. № Ф05-15858/2020 по делу № А40-93872/2019 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 ноября 2020 г. № Ф01-13763/2020 по делу № А82-15742/2019 // КонсультантПлюс : справ.–правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

11. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 // Российская газета. – 2019. – 06 мая (№ 96).

12. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 февраля 2019 г. № 15АП-21094/2018 по делу № А53-30539/2018 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

13. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 19 августа 2020 г. по делу № А43-36251/2019 // КАД Арбитр. – URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 01.04.2021).

14. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 12 сентября 2019 г. по делу № А43-11344/2019 // КАД Арбитр. – URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 01.04.2021).

15. Дудкин Н., Дубова А. Стороны согласовали условия сделки по электронным каналам. Как подтвердить это суде // Арбитражная практика для юристов. – 2018. – № 6. – С. 14–20.

16. Об утверждении требований к составу и структуре файлов, содержащих сведения из Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, предоставляемых ФНС России в соответствии с положениями Федерального закона от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»: приказ ФНС России от 13 ноября 2020 г. [ред. от 18.01.2021] № ЕД-7-14/820@ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

НОТАРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

А.А. Дубова
Российский государственный университет правосудия
Приволжский филиал, магистр
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: sashaalex358@gmail.com
Научный руководитель: Ю.С. Сперанская, к.юр.н., доцент

В статье рассматриваются полномочия нотариуса при обеспечении доказательств, новые тенденции развития данного института. Приведена судебная практика с нотариальным обеспечением доказательств, предпринята попытка ее анализа и обобщения.

Ключевые слова: нотариус; допрос свидетеля; письменные доказательства; вещественные доказательства; назначение нотариусом экспертизы; обеспечение доказательств; протокол; осмотр.

С 29 декабря 2020 вступил в силу Федеральный закон от 27.12.2019 №480-ФЗ [1], который закрепил частью 2 статьи 44.3 Основ законодательства о нотариате возможность нотариуса удаленно совершить обеспечение доказательств в виде осмотра информации, находящейся в сети Интернет. Таким образом, для совершения данного нотариального действия личная явка лица стала не обязательной [2].

Такое дополнение идет в ногу со временем в силу нескольких обстоятельств:

- введение ограничений в связи с появлением новой коронавирусной инфекции. В период самоизоляции весной 2020 года нотариальные конторы продолжали осуществлять свою деятельность, однако с соблюдением всех установленных санитарно-эпидемиологических требований, одним из которых было осуществление приема по предварительной записи в установленную дату и время;
- активный переход юридических и физических лиц на электронный документооборот, электронную переписку, имеющих ряд преимуществ перед традиционными каналами связи (оперативность, экономичность и др.);
- наличие обширной информации, размещающейся в интернете, которая может подвергаться несанкционированному копированию, плагиату, затрагивать честь, достоинство и деловую репутацию.

Для более детального рассмотрения такого института, как «нотариальное обеспечение доказательств», необходимо раскрыть теоретический аспект данного вопроса. Поэтому для начала необходимо выяснить, что же понимается под обеспечением доказательств.

В своем Постановлении Пленума № 10 от 23 апреля 2019 года Верховный Суд РФ отмечает: «Необходимые для дела доказательства могут быть обеспечены нотариусом, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным, в том числе посредством удостоверения содержания сайта в сети Интернет по состоянию на определенный момент» [3].

В.В. Ярков пишет: «Обеспечить доказательство – значит зафиксировать его, сохранить для дальнейшего судебного процесса» [4, с. 249]. В другом учебнике под его же редакцией приводится следующее определение: «Обеспечение обязательств – это процессуальное действие, необходимость в котором возникает тогда, когда есть основания опасаться, что впоследствии представление необходимых доказательств станет невозможным или затруднительным» [5, с. 247].

М.А. Фокина утверждает, что «обеспечение доказательств – это самостоятельный институт гражданского процессуального, арбитражного процессуального, нотариального права и комплекса правил третейского судопроизводства, предусматривающий условия и порядок деятельности компетентного юрисдикционного органа и заинтересованных в этом лиц по реализации охранительных мер, направленных на сохранение информации о фактах предмета доказывания» [6, с. 256].

Можно приводить много определений ученых-теоретиков данного понятия, сводятся они к единой мысли, что обеспечение направлено на сохранение доказательств для их дальнейшего использования (в том числе в судебных процессах). Частой причиной является наличие рисков исчезновения того или иного доказательства (особенно это касается информации, расположенной в сети Интернет) [7].

Что касается осуществления обеспечения доказательств нотариусом, то законодательство, а именно статья 103 Основ о нотариате, наделила его правом допроса свидетелей, осмотра письменных и вещественных доказательств, а также назначения экспертизы. Данный перечень является закрытым.

Эта же норма обязывает нотариуса оповестить стороны и заинтересованные лица о времени и месте обеспечения доказательств. В случаях же когда обеспечение является безотлагательным либо не предоставляется возможным определить, кто потом в споре будет оппонентом (например, в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации), то оно может производиться без извещения заинтересованных лиц.

1. Допрос свидетеля. Выше мы уже писали о том, что при осуществлении нотариусом обеспечения обязательным условием является уведомления сторон. Что касается допроса свидетеля, то в данном случае это является обязательным условием, в ином случае суды не принимают нотариальный протокол допроса в качестве надлежащего доказательства.

Хочется отметить, что такой способ защиты, как допрос свидетеля нотариусом, является очень распространенным [8].

В деле А11-6031/2016 исполнитель (истец) оплатил ответчику (заказчику) денежные средства в размере 1 400 000 рублей в качестве предварительной оплаты по договорам поставки, а также 800 000 рублей в качестве аванса в счет заключения договоров на оказание услуг по заготовке и поставке древесины. Впоследствии в связи с ненадлежащим исполнением ответчиком договорных обязательств суд расторг договоры.

В процессе рассмотрения дела ответчик заявлял о том, что не получал денежных средств в размере 1 400 000 рублей, однако совокупность представленных в дело документов доказывала обратное. В том числе был представлен нотариальный протокол допроса свидетеля, где тот подтвердил принятие денежных средств в размере 1 400 000 рублей, а также передачу данных денежных средств в кассу ответчика.

Поэтому с учетом всех обстоятельств дела (в том числе нотариального допроса) суд сделал вывод о том, что 1 400 000 рублей и 800 000 рублей являются неосновательным обогащением, и взыскал их с ответчика [9].

2. Осмотр письменных и вещественных доказательств. Нами уже был отмечен тот факт, что в настоящее время контрагенты активно взаимодействуют с помощью электронных каналов связи, поэтому при наличии судебных споров стороны все чаще приобщают электронные доказательства. Нотариальный протокол осмотра переписки является самым популярным средством обеспечения электронных доказательств для представления в суд [10]. Он является более надежным средством обеспечения доказательств, например, по сравнению с заверением скриншотов самой стороной спора, и более оперативным, чем судебное обеспечение.

Нотариальное обеспечение доказательств очень распространено в спорах по интеллектуальной собственности. Так, например, в деле истец обратился с иском о защите авторских прав, запрете использовать произведение, взыскании денежной компенсации, компенсации морального вреда в суд по причине того, что ответчик от своего имени незаконно опубликовал на сайте в сети Интернет логоритмическое занятие, которое было разработано истцом, что подтверждалось материалами дела. Таким образом, ответчик завладела интеллектуальным трудом, присвоив авторство, чем нарушила исключительные имущественные авторские права истца, данный факт в деле подтверждался протоколом осмотра доказательств, заверенным нотариусом [11].

Однако, каким образом лицу, чье право было нарушено, доказать данный факт, если интернет-страница была своевременно удалена или заблокирована нарушителем?

В настоящее время в практике появляются случаи, когда нотариус производит осмотр архивной копии сайта с помощью специализированных сервисов, так называемых веб-архивов: Wayback Machine, Вебархив.ру. На стартовой странице последнего указано, что информация из данного сервиса возможна для доказывания определенных обстоятельств в суде, что стороны и делают [12; 13].

3. Назначение экспертизы. При назначении нотариусом экспертизы, в рамках обеспечения доказательств, уведомление сторон также обязательно, за исключением случаев, предусмотренных законом [14].

В настоящий момент обратиться к нотариусу возможно и на стадии судебного разбирательства, однако до 1 января 2015 года ч. 2 ст. 102 Основ о нотариате содержала запрет в данной части [15].

В споре о праве на наследство уже на стадии апелляционного рассмотрения в суд было представлено заключение эксперта, подготовленное на основании постановления нотариуса о назначении экспертизы [16].

Проведя анализ судебной практики, выделим также несколько рекомендаций:

- при оспаривании электронной переписки контрагентом предоставляйте в суд нотариальный осмотр переписки или скриншотов;
- при обнаружении нарушений своих прав в сети Интернет, в том числе в сфере интеллектуальных прав или защиты чести, достоинства и деловой репутации, незамедлительно обращайтесь к нотариусу за обеспечением установленных фактов;
- активное использование в спорах с контрагентами доказательств, обеспеченных нотариусом, поможет усилить позицию и доказательную базу в суде.

Таким образом, нотариальное обеспечение доказательств является очень популярным и развивающимся институтом. Вероятнее всего эта тенденция будет только увеличиваться, особенно в сфере электронных технологий, ведь все больше субъектов гражданского оборота переходят на электронный документооборот. Стороны будут охотно обращаться за обеспечением доказательств нотариусом, так как суды часто приобщают такой вид доказывания к материалам дела.

Литература

1. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2019 №480-ФЗ: принят Государственной Думой РФ 17 декабря 2019 г.: одобрен Советом Федерации 23 декабря 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 52 (часть I). – Ст. 7798.

2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховный Совет Российской Федерации 11 февраля 1993 г. №4462-1 [ред. от 30 декабря 2020 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

3. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 // Российская газета. – 2019. – 06 мая (№ 96).

4. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова и др.; под ред. В.В. Яркова. – 4-е изд., испр. и перераб. – М.: Статут, 2020. – 1071 с.

5. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин и др.; отв. ред. В.В. Ярков. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 702 с.

6. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 656 с.

7. Германова А.А. Основные нотариальные действия на современном этапе и их усовершенствование с помощью цифровизации нотариата // Нотариус. – 2020. – № 5. – С. 3–6. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

8. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28 ноября 2019 по делу №А75-7919/2019 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

9. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23 июня 2017 г. №Ф01-2342/2017 по делу №А11-6031/2016 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2020 г. №Ф05-15858/2020 по делу № А40-93872/2019 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

11. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 20 февраля 2019 по делу №33-991/2019 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

12. Сазонова М. Электронные доказательства в спорах в сфере интеллектуальной собственности // ГАРАНТ.РУ: справ.-правовая система. – URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 01.04.2021).

13. Решение Суда по интеллектуальным правам от 07 декабря 2020 г. по делу №СИП-311/2020 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

14. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19 сентября 2017 г. №33-19988/2017 по делу №2-2244/2017 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

15. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 23 января 2014 г. по делу №33-37/14 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

16. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2021 г. №88-1107/2021 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2021).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОМЕНТА НАЧАЛА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Е.А. Ежова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
e-mail: ezovak675@gmail.com
Научный руководитель: П.О. Кобылин, ассистент

Предметом исследования выступает момент начала жизни в уголовном праве. Проведен анализ существующих в юридической науке суждений о понятии и сущности данного аспекта, а также рассмотрены положения нормативно-правовых актов, касающиеся данного вопроса.

Ключевые слова: уголовное право; начало жизни человека; право на жизнь; новорожденный ребенок; момент возникновения права на жизнь.

В Уголовном кодексе Российской Федерации преступлениям против жизни и здоровья посвящена отдельная глава (16), причем она находится в самом начале Особенной части УК РФ, что говорит о ценности человеческой жизни [1]. Для установления правильной квалификации данных преступлений важным является определение начального момента жизни человека. Проблематика данной темы заключается в том, что на сегодняшний день существует множество противоречий и неточностей в законодательстве и научных точках зрения по определению момента начала жизни.

Обратимся к научным данным. Так, интересный подход к определению момента жизни человека предлагает Р. Шарапов. Он утверждает: если конец жизни отождествляется с гибелью головного мозга, то и начало жизни должно совпадать с формированием головного мозга у плода [3, с.76]. Данная точка зрения вполне логична, но из данного определения следует вопрос: «Когда же формируется головной мозг у младенца?». Проанализировав литературу, понимаем, что вытекающий вопрос также является противоречащим, объясняется это множеством подходов к определению данного периода. Исходя из этого, заметим, что предложенная Р. Шараповым «точка отсчета» времени начала жизни является неточной и спорной.

Л.Н. Линник указывает, что начало жизни человека устанавливается с момента зачатия. Правовед, объясняя свою точку зрения, ссылается на то, что защита жизни от нанесения вреда необходима уже с момента зачатия жизни [9, с.59]. Данную точку зрения разделяет Шарнина Л.А., которая считает, что «право на жизнь должно подразумевать защиту человеческой жизни с момента зачатия. Всякое посягательство на жизнь формирующейся человеческой личности является нарушением этого права» [4, с. 35].

Если обратиться к современным международным и национальным юридическим актам, можно отметить, что законодатель официально закрепляет и охраняет жизнь и права ребенка, взрослого и пожилого человека. К примеру, Основной закон страны − Конституция Российской Федерации (ст. 20) провоз-

глашает право на жизнь как неотъемлемое право каждого человека. Одним из важнейших элементов закрепленного права является недопустимость произвольного лишения жизни. Именно поэтому в Уголовном кодексе Российской Федерации глава с преступлениями против жизни и здоровья находится в самом начале Особенной части УК РФ, что говорит о ценности человеческой жизни.

Помимо Конституции РФ право на жизнь также отражено в международных актах. Среди них хотелось бы отметить следующие. Статья 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. закрепляет право каждого человека на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность («Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность») [1]. Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в 1966 г., также закрепляет данное право. Статья 6 гласит: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» [10].

Таким образом, каждый человек, независимо от возраста, социального статуса, материального положения и других факторов, имеет право на жизнь, ограничить которое никто не вправе.

Эта же логика прослеживается и в научных сведениях отмеченных авторов. Таким образом, защита человеческой жизни должна распространяться на ее отрезок от момента зачатия до появления на свет [4, с.35].

Данный подход приведет нас, во-первых, к однозначному и полному запрету абортов, что можно считать ограничением прав женщины, во-вторых, к пересмотру понимания преступлений против жизни и здоровья, ведь тогда прерывание беременности будет не причинением вреда здоровью женщины, а новым, самостоятельным преступлением – «Убийство нерожденного ребенка».

По нашему мнению, отправной точкой по данному вопросу является определение эмбриона, является ли он полноправным участником общественных правоотношений или нет. Вопрос, действительно, спорный. В рамках него существует две точки зрения.

Некоторые придерживаются мнения, что эмбрион − это полноценный субъект права, который приравнен к человеку. В этом случае основополагающим моментом является охрана эмбриона как некого начала человеческой жизни. Исходя из данной точки зрения, понимаем, что женщина, сделав аборт, убивает человеческую жизнь, таким образом, действительно, речь пойдет о новом составе преступления, требующего отдельной статьи в УК РФ.

Другие исследователи считают, что эмбрионом является объект права, который представляет собой часть организма матери, приравненную к органам и тканям человека (среди них Н.В. Аполинская, А.В. Майфат, М. Черниговский) [10]. В данном случае об убийстве нерожденного ребенка мы сказать не сможем, так как эмбрион не приравнивается к нему.

В российском законодательстве официально разрешено совершать аборты, причем указаны случаи, когда он возможен [10]. Так, подтверждается

мысль, что эмбрион не является самостоятельным субъектом права, не приравнивается к человеку до определенного момента (выхода из утробы матери).

Считаем, что данный подход является верным, таким образом, придерживаясь второй точки зрения. Снова обратимся к Конституции РФ. Часть 2 ст. 17 гласит, что основные права и свободы принадлежат ему от рождения. Следовательно, эмбрион (неродившийся человек) не является субъектом права. При этом отмеченное выше право на жизнь у него тоже отсутствует.

Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» определяет эмбрионов как разновидность органов человека, которые непосредственно имеют отношение к процессу воспроизводства человека. Так, ст. 2 гласит, что действие закона не распространяется на данные органы (яичники, яички, эмбрионы ...). Данным положением законодатель определяет специфику эмбрионов, тем самым выделяя их из всеобщего числа органов человека. Наконец, УК РФ в своих положениях указывает на то, что вред, который был причинен плоду, считается вредом, причиненным его будущей матери. Мысль о том, что плод приравнивается к части тела матери, прослеживается в ч. 1 ст. 111, п. «г» ч. 2 ст. 105 [1].

Таким образом, вышеуказанные факторы свидетельствуют о том, что эмбрион не уподобляется человеку.

В уголовно-правовой литературе встречаются и иные подходы. А.Н. Красиков считает, что начальным моментом жизни человека необходимо считать тот момент, когда констатируется полное извлечение (изгнание) продукта зачатия из организма беременной. Речь идет о моменте, когда плод отделился от утробы роженицы, причем за исключением пуповины, которая еще не перерезана, и у плода имеются дыхание или сердцебиение [5, ст. 9–10].

Новые трактовки начального момента жизни представлены в том числе суждением С.А. Боярова. С.А. Бояров утверждает, что начальный момент жизни – это момент появления из организма роженицы хотя бы части тела младенца, имеющего сердцебиение [6, с.110]. Данная точка зрения имеет больше схожих моментов с положениями, представленными в нормативно-правовых актах России.

Таким образом, можно сделать вывод, что момент рождения в уголовном праве неоднозначен, каждый ученый придерживается своей точки зрения.

Исследуем нормативно-правовые акты, посвященные данному вопросу. На уровне подзаконного регулирования существует приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи». Анализируя документ, можно заметить, что Минздравсоцразвития выделяет строго определенные критерии рождения, к которым относятся:

1) срок беременности 22 недели и более;

2) масса тела ребенка при рождении 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах);

3) длина тела ребенка при рождении 25 см и более (в случае если масса тела ребенка при рождении неизвестна) [8].

Однако в медицине встречались и иные примеры.

Так, немецким специалистам из Университета медицины в Геттинге удалось спасти и выходить недоношенного новорожденного весом всего 275 граммов. Медики отмечали, что у матери младенца была трудная беременность с угрозой для женщины. Чтобы спасти ее жизнь, врачам пришлось сделать кесарево сечение на 25-й неделе беременности. На момент операции мальчик был в длину меньше страницы А4 [7]. Заметим, что данные показатели новорожденного ребенка в условиях российского законодательства не отвечают критериям, указанным в официальном документе. Именно поэтому положения, закрепленные в нормативно-правовом акте, могут быть подвержены сомнению.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, а именно ст. 53, содержит положение, определяющее момент рождения ребенка, т.е. момент начала жизни человека: «Моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов» [10]. Данная точка зрения является общепризнанной в законодательстве, несмотря на огромное количество мнений ученых в правовой доктрине, которые категорически не согласны с данной нормой.

Можно поспорить с утверждением, что моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Следует признать, что, к сожалению, зачастую происходят выкидыши и мертворождение. Так, ребенок может выйти из утробы уже мертвым, и ни о каком моменте начала жизни речи идти не может быть.

Проанализировав различные мнения по данной теме, можно предложить внести некие изменения в ст. 53 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» с целью конкретизировать и раскрыть сущность понятия начала момента жизни следующим образом: «Моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов, включая первые крики ребенка, подтверждающие, что он действительно живой».

Таким образом, на сегодняшний день различают определение момента жизни в медицине и в уголовном праве, причем данные подходы имеют существенные различия. Рассматривая жизнь как объект уголовно-правовой охраны, можно сформулировать следующее определение: *«Жизнь* − это временный период существования человека, началом которого является момент рождения (момент отделения плода от организма матери посредством родов и первые крики новорожденного)». Данный подход более подробно представляет ответ на поставленный вопрос.

Литература

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31 июля 2020 г. – № 25. – Ст. 2954.

2. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года (в редакции от 01.07.2020 года) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

3. Шарапов Р. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка // Уголовное право. – 2012. – С. 76–78.

4. Шарнина Л.А. Состояние и задачи реализации, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 33–42.

5. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов, 1996. – С. 9–10.

6. Бояров С.А. Теория и практика «простого» убийства: автореф. дис...канд. юр. н. – Саратов, 2003. – 110 с.

7. Немецкие медики выходили недоношенного мальчика весом всего 275 граммов. – URL: / http://medicine. newsru.com/article/08mar2010/small_baby (5 марта 2021 г.).

8. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» // Российская газета. – 2012. – 23 марта. – № 5737.

9. Линник Л.Н. Правовое понятие жизни // Право на жизнь: независимый научно-популярный журнал. – 1994. – С. 59–61.

10. Федеральный закон от 21.11.2011 г. №323–ФЗ (ред. от 23.07.2013 г.) Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

11. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. – 1998.

12. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976 г. – №17(1831). – Ст. 291.

13. Федосеева Н.Н., Фролова Е.А. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. – 2008. – №1.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Д.В. Калошкина[1], В.А. Колосова[2], У.А. Кудряшова[3]
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ
Россия, Нижегородская обл., Арзамас
[1]студент; e-mail: dk.styd5@mail.ru
[2] к.п.н., доцент; e-mail: vakolosova@gmail.com
[3]студент; e-mail: kudryashova.ulyana-012@yandex.ru

В статье рассмотрены основные правовые проблемы норм наследственного права, возникшие вследствие его реформирования и актуализировавшиеся в условиях пандемии.

Ключевые слова: наследственное право; наследование; завещание; правовое регулирование.

В связи с возрастающим значением права частной собственности граждан и порядка её наследования в условиях пандемии и рыночной экономики становится актуальной проблема необходимости разработки правового механизма, который должным образом мог бы защитить права и интересы граждан в наследственном праве. Согласно ст.35 Конституции Российской Федерации, право частной собственности охраняется законом, а право наследования гарантируется. Конституционные гарантии права наследования предполагают возможность защиты этого права на государственном уровне [1].

Значение наследования заключается в предоставлении гражданину гарантированной возможности жить, работать и осознавать то, что после смерти все приобретенное при жизни перейдет по его воле, либо по воле закона к близким ему людям.

В связи с реформой наследственного права России ученые и юристы наталкиваются на ряд проблем, связанных с истолкованием и процессом составления завещания. Поэтому законодательное регулирование, а также научное рассмотрение и толкование института наследования по завещанию является насущной проблемой.

Наследование имущества в современном, действующем законодательстве четко регламентируется Гражданским кодексом Российской Федерации. Обратим внимание на то, что в Гражданском кодексе нет четкой формулировки понятия завещание, а специалисты гражданского права дают следующую характеристику наследованию по завещанию: «Переход прав и обязанностей в рамках наследственных правоотношений к лицам, которые указаны наследодателем в особом распоряжении (завещании), выполненном при его жизни на случай его же смерти».

Итак, наследственное право – это право, которое основано на нравственных и моральных традициях, выработанных веками в рамках семейной органи-

зации общества. Основаниями вступления в наследство являются наследование по закону, по завещанию и наследственный договор.

Согласно п. 1 ст.1118 ГК РФ, наследование по завещанию является основой для перехода наследственной массы к выбранным наследникам согласно прописанной информации в содержании завещания [2]. Наследование по завещанию представляет собой «переход прав и обязанностей в рамках наследственных правоотношений к лицам, которые указаны наследодателем в особом распоряжении (завещании), выполненное при его жизни на случай его же смерти».

Согласно ст. 1112 ГК РФ, к составу наследства относятся находящиеся в собственности у наследодателя (на день открытия наследства) личные вещи, какое-либо имущество, в том числе имущественные права и обязанности [2]. Принимая право на наследство, наследник не имеет право отказаться от обязанностей, входящих в наследственную массу.

Завещание – это письменное волеизъявление наследодателя, в котором определены наследники, объект наследства и иные условия передачи имущества. Следует отметить, что Гражданский кодекс не дает четкого определения понятию «завещание», вследствие чего возникает проблема, связанная с определением правового статуса завещания. Многими учеными завещание приравнивается к статусу сделки, но в данном толковании имеются некоторые противоречия. Если смотреть статьи 153, 154 ГК РФ, то завещание нельзя признать как сделку, так как правовой эффект завещания не является постоянным, также завещание не имеет силы до его открытия, никакие моментальные юридические последствия не несет.

Из всего этого вытекает проблема об определении статуса завещания. Необходимо дать завещанию правовой статус индивидуального правового акта, то есть определить юридическую значимость данного документа, строго прописать его содержание и форму.

Согласно ст. 1125 ГК РФ, завещание должно быть написано завещателем или записано с его слов нотариусом, а также завещание может быть написано или записано с помощью технических средств (компьютер, пишущая машинка и др.) [2]. Завещатель обязан собственноручно подписать данное завещание. Если завещатель из-за своих физических недостатков, болезни или по причине отсутствия грамотности не способен лично подписать завещание, тогда с согласия завещателя его может подписать другой человек (рукоприкладчик) при обязательном присутствии нотариуса.

Согласно п. 2 ст. 1118 ГК РФ, завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме [2]. Дееспособность завещателя, согласно законодательству наследственного права, удостоверятся одним лицом – нотариусом, за которым закрепляется последнее слово. Однако в силу определенных обстоятельств становится невозможно доказать полную дееспособность завещателя (в силу его болезни, душевного состояния и т.д.), что может вызвать споры при исполнении завещания.

В связи с этим возникает необходимость рассмотреть нормы наследственного права по вопросу установления и фактического фиксирования

дееспособности завещателя на момент составления завещания, а именно: предоставление нотариусу права запрашивать из медучреждений документы о состоянии здоровья завещателя, справки от врачей-психиатров, право на освидетельствование. Однако здесь нарушается врачебная тайна о пациентах, следовательно, необходимым будет согласие завещателя на предоставление необходимых документов.

Важным будет рассмотреть составление завещания гражданином, находящемся в положении, которое угрожает его жизнедеятельности.

В данном случае в соответствии с нормами наследственного права есть возможность составления завещания без удостоверения его нотариально или другим должностным лицом, согласно законодательству. Однако, согласно законодательству, существует определенный порядок составления содержания завещания в чрезвычайных обстоятельствах. Завещатель пишет и подписывает завещание собственноручно в обязательном присутствии двух свидетелей, его содержание должно соответствовать требованиям к содержанию общего завещания.

Так, ст. 1129 ГК РФ содержит порядок составления завещания в чрезвычайных обстоятельствах, но понятие чрезвычайных обстоятельств в законе не раскрыто. Следовательно, гражданин может предположить наличие чрезвычайных обстоятельств в каждом отдельном случае, так как в статье не отмечены конкретные обстоятельства, нет списка или перечня данных обстоятельств. Часто под чрезвычайными обстоятельствами подразумевается смерть от болезней. Возникает необходимость определения конкретных обстоятельств, которые будут определяться чрезвычайными обстоятельствами, и упрощения порядка составления завещания в чрезвычайных ситуациях в силу определенных ограничений, вызванных конкретной ситуацией.

Стоит отметить, что при всей разработанности норм наследственного права в рамках ГК РФ на практике имеются проблемы в реализации данного права.

Если оценивать новое законодательство в целом, то можно отметить крайнюю детализацию норм наследственного права, тщательную урегулированность наследственных правоотношений. Однако законодательство во многих случаях предусматривает дальнейшую конкретизацию своих норм актами Правительства РФ, что является не самой удачной мыслью при реформировании наследственного права, так как процедура принятия законодательных актов очень длительна, а сам процесс составления и исполнения завещания может вызвать ряд серьезных споров.

Таким образом, проанализировав нормы наследственного права по ГК РФ, мы выделили ряд проблем и предложили следующие рекомендации:

1. В ст.1110 ГК РФ закрепить и четко прописать статус завещания, дать ему правовой статус индивидуального правового акта, то есть определить юридическую значимость данного документа, строго прописать его содержание и форму.

2. В п.2 статьи 1118 ГК РФ пересмотреть и уточнить процедуру установления и фактического фиксирования дееспособности завещателя на момент составления завещания.

3. В ст. 1129 ГК РФ закрепить в законе энциклопедическую формулировку понятия чрезвычайных обстоятельств, а также упростить форму составления завещания при чрезвычайных обстоятельствах.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изм. и доп. от 01 июля 2020 года) // СЗ РФ. – 2014. – №31. – Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года №51 ФЗ (в ред. от 12.05.2020) // СЗ РФ. – 1994. – №32.

3. Федеральный закон от 11.02.1993 г №4462-1 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (с изменениями и дополнениями от 28 декабря 2019 г. и 29 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. – 1994 г. – №329.

4. Долинская В.В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – №10. – С.3.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ

О.К. Клопова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, студент
Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород
e-mail: klopova_olya@bk.ru
Научный руководитель: Н.В. Остроумов, к. юр. н., доцент

В рамках данной статьи автором рассматриваются правовые аспекты применения искусственного интеллекта в медицине.

Ключевые слова: искусственный интеллект; коронавирус; правовое регулирование; киберфизические системы; программные средства.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что на современном этапе развития искусственного интеллекта в медицине возникают трудности, касающиеся его правовой природы. Во многих спорных ситуациях нет четкой ясности относительно того, каким образом должен быть регламентирован тот или иной случай при использовании искусственного интеллекта.

В последний год на фоне неспокойной эпидемиологической ситуации как в нашей стране, так и во всем мире в целом, использование искусственного интеллекта получило еще большее распространение при лечении и диагностировании коронавирусной инфекции, поэтому появилась потребность в установлении конкретной нормативной базы. Актуальность темы исследования подтверждается, в том числе, увеличивающимся количество публикаций отечественных и зарубежных авторов.

Цель – выявить и уточнить правовые аспекты применения искусственного интеллекта в медицине.

Итак, выражаясь современным языком, искусственный интеллект сегодня находится в тренде. С использованием искусственного интеллекта сегодня человек уже рисует картины, управляет транспортными средствами, отвечает на звонки и, конечно же, лечит людей. При этом применение искусственного интеллекта в медицине становится все более распространенным, и, по мнению многих современных исследователей, показывает достаточно высокую эффективность [3].

Основной целью различных современных приложений, которые так или иначе связаны с человеческим здоровьем, считается анализ взаимосвязи между различными профилактическими методами либо лечением, а также конечными результатами лечения [2, с. 170].

В качестве основных направлений использования искусственного интеллекта в медицине выделяют следующие:

- анализ данных о пациенте;
- проведение диагностики;
- мониторинг состояния;
- фармакология;

– оптимизирование документооборота.

Сегодня мы можем наблюдать за тем, как на глобальном уровне начинает набирать свои обороты гонка между странами за сохранение лидирующих позиций в области искусственного интеллекта, в том числе это касается и медицины. В качестве лидеров сегодня выделяют США, Японию, Китай, Великобританию и несколько европейских государств.

Отталкиваясь от исторического аспекта, следует обратить внимание на то, что впервые термин «искусственный интеллект», получил свое распространение еще в начале 40-х годов прошлого столетия. В рамках современного мира данное словосочетание на различных языках все чаще и чаще употребляется, в том числе и в обычной жизни человека [5].

Такие ученые, как Резаев А.В., Бондарев В.Н., Мохат П.М. и другие, внесли существенный вклад в изучение проблем, касающихся искусственного интеллекта.

По мнению Резаева А.В., которое он высказывает в рамках своей научной статьи «Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления и проблемы для развития медицинских наук», искусственный интеллект есть не что иное, как ансамбль разработанных и закодированных правил, которые организуют определенные процессы, позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, производить и впоследствии воспроизводить целерациональные действия, в том числе реализовывать последующее кодирование и принятие инструментальных решений, которые не будут зависеть от человека [9, с. 65].

Нельзя не согласиться с мнением Бондарева В.Н., который в своем учебном пособие под искусственным интеллектом понимает одно из современных направлений информатики, цель которого непосредственно направлена на разработку разных компьютерных систем, способных выполнять функции, которые по традиции считаются интеллектуальными. В данном случае идет речь о языковом понимании, использовании накопленных знаний, логических выводах, планировании действий, обучении и т.п. [1].

По мнению правоведа Мохата П.М., которое он высказывает в рамках своего учебного пособия «Искусственный интеллект в праве», под искусственным интеллектом следует понимать полностью или частично автономную самоорганизующуюся виртуальную, киберфизическую или биокибернетическую систему, которая наделена либо обладает определенными способностями или возможностями самостоятельно мыслить, обучаться, самоорганизовываться, а также принимать необходимые решения [7, с.55].

Таким образом, проанализировав различные трактовки понятия «искусственный интеллект», предложим авторскую трактовку рассматриваемого понятия. Так, по нашему мнению, под «искусственным интеллектом» следует понимать особую систему, которая изначально запрограммирована благодаря специальным компьютерным технологиями, и в дальнейшем ее деятельность выполняется путем самостоятельного получения знаний и обучения.

Понятие «искусственный интеллект» с юридической стороны впервые было отражено в рамках Указа Президента РФ №490 от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В дальнейшем данное понятие было отражено в рассматриваемом нами Законе №123-ФЗ. Таким образом, под искусственным интеллектом понимается определенный комплекс технологических решений, который дает возможность имитировать когнитивные функции человека и впоследствии получать результаты, которые могут быть сопоставимы как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека [3].

Закон № 123-ФЗ регламентирует условия для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, а также возможность последующего использования результатов его применения. Им установлен экспериментальный правовой режим на ближайшие пять лет.

По мере того как сегодня активно развивается искусственный интеллект в сфере здравоохранения, возникает существенное количество вопросов, непосредственно касающихся правовой оценки действий, выполняемых системами, и зоны ответственности в том случае, если со стороны искусственного интеллекта человеку будет нанесен вред.

В действительности позиций различных авторов в отношении данного вопроса существенное множество. Так по мнению одной группы представителей научного мира, искусственный интеллект следует рассматривать с точки зрения объекта авторского права, т.е. ответственным будет считаться именно разработчик программного обеспечения. По мнению других групп исследователей, искусственный интеллект по своему правовому статусу схож со статусом животного, кто-то и вовсе считает искусственный интеллект с правовой точки зрения источником повышенной опасности.

В качестве одной из основных проблем, касающихся применения искусственного интеллекта, является проблема безопасности. На сегодняшний день по-прежнему отсутствует единое мнение относительно юридической ответственности искусственного интеллекта за причиненный вред жизни и здоровью человека. В некоторых зарубежных странах подобные случаи уже имели место. Так, в одной из стран ребенок поступил в больницу, и с использованием искусственного интеллекта ему был поставлен диагноз «грипп», однако через несколько часов мальчик скончался. После вскрытия удалось установить, что ошибочно поставленный диагноз системы стал причиной смерти [11]. Также в качестве примера может быть приведена программа Watson Health, которая была разработана для диагностирования и лечения различных видов рака. По причине неправильной работы данной системы со стороны врачей были совершены неоднократные ошибки, которые становились причиной смерти многих пациентов [6].

Как справедливо заметил Семенов А., являющийся директором отраслевого союза «Нейронет», сегодня фактически кто угодно может избежать ответственности и кто угодно может быть наказан. Именно поэтому следует менять законодательство, так как оно сегодня не соответствует текущим реалиям

и недостаточным образом может регламентировать применение искусственного интеллекта, например в медицинских целях [8].

К примеру, для решения указанной проблемы еще в 2017 году Европейским парламентом была принята резолюция «Нормы гражданского права о робототехнике», в соответствии с которой роботы должны самостоятельно отвечать за тот ущерб, который ими наносится [10]. Интеллектуальные машины в данном случае будут нести ту же ответственность, что и юридические лица.

По нашему мнению, для решения проблемы определения ответственности искусственного интеллекта в медицине, в первую очередь, следует создать особый правовой статус, отличный от человека, например – электронное лицо. В соответствии с данным статусом должна быть создана нормативная база, регулирующая деятельность искусственного интеллекта в медицинской сфере.

В качестве не менее важной проблемы в сфере применения искусственного интеллекта в медицине является проблема конфиденциальности данных. Необходимо отметить, что именно данные выступают в качестве основной составляющей искусственного интеллекта. Важно, что большое количество данных дает возможность рассматриваемой нами системе развиваться и обучаться, а также учиться принимать определенные решения самостоятельно.

Говоря о данных, касающихся состояния здоровья пациентов, следует сказать о том, что это крайне чувствительная персональная информация. Именно поэтому для защиты персональных данных пациентов должен быть разработан надлежащий механизм.

Сегодня ни для кого не секрет, что многие организации, в том числе и медицинские, по-прежнему недобросовестно относятся к персональным данным граждан, поэтому с большой вероятностью могут происходить утечки данных медицинского характера и при использовании систем искусственного интеллекта.

По нашему мнению, следует внести изменения в действующее законодательство, добавив ответственность за распространение данных граждан при использовании систем с искусственным интеллектом.

Таким образом, современная медицина сегодня стоит на пороге цифровой революции. Использование искусственного интеллекта в наши дни не только является полезным, но и может причинить вред здоровью. Именно поэтому имеется необходимость в скорейшем преобразовании российского законодательства. В качестве основы может быть использован опыт зарубежных стран, в которых законодательные основы в сфере использования искусственного интеллекта строятся на протяжении не одного десятилетия.

Литература

1. Бондарев В.Н., Аде Ф.Н. Искусственный интеллект. – Севастополь: СевНТУ, 2002.

2. Грачева Ю.В., Арямов А.А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №6. – С. 169–178.

3. Искусственный интеллект и право: есть контакт? – Режим доступа: https://www.garant.ru/news/1401154/ (дата обращения: 13.01.2021).

4. Искусственный интеллект. – Режим доступа: https://www.kp.ru/putevoditel/tekhnologii/iskusstvennyj-intellekt/ (дата обращения: 14.01.2021).

5. Искусственный интеллект в медицине. – Режим доступа: https://22century.ru/popular-science-publications/artificial-intelligence-in-medicine (дата обращения: 15.01.2021).

6. Коленов С. ИИ-онколога IBM Watson уличили во врачебных ошибках // Hightech.plus. – 2018. – 27 июля. – URL: https://hightech. plus/2018/07/27/ii-onkologa-ibm-watson-ulichili-vovrachebnih-oshibkah- (дата обращения: 03.01.2021).

7. Морхат П.М. Искусственный интеллект и право. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 123 с.

8. Роботы и искусственный интеллект будут отвечать за причинённый вред // РИА Новости. – 2020. – 21 февраля. – URL: https://ria. ru/20200221/1565035910.html (дата обращения: 14.01.2021).

9. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления и проблемы для развития медицинских наук // Epistemology & Philosophy of Science. – 2019. – №4. – С. 65.

10. Роботы в законе. – Режим доступа: https://issek.hse.ru/news/227178200.html (дата обращения: 15.01.2021)

11. Hallevy Gabriel. When Robots Kill: Artificial Intelligence Under Criminal Law. – Boston: Northeastern University Press, 2013.

.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА И ВЫМОГАТЕЛЬСТВА (на примере новых посягательств, совершаемых в сети «Интернет»), А ТАКЖЕ НЕКОТОРЫЕ СОПУТСТВУЮЩИЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

П.О. Кобылин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, ассистент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
e-mail: kobylin@jur.unn.ru
Научный руководитель: И.А. Киселева, к.юр.н., доцент

В статье рассматриваются вопросы разграничения мошенничества и вымогательства в свете возникновения новых посягательств на собственность граждан, так или иначе связанных с материалами порнографического характера, в т.ч. на примере т.н. «порнографического дипфейка». Дается ответ на вопрос о квалификации деяния, если присутствует требование передачи денежных средств, а также ставится ряд вопросов для дальнейших исследований ситуации, в которой такое требование отсутствует.

Ключевые слова: квалификация преступлений; мошенничество; вымогательство; порнографический дипфейк.

Прошедший 2020 год серьезно изменил представления человечества о жизни, в т.ч. о работе и о досуге. Ситуация пандемии, условия самоизоляции граждан фактически вынудили перенести большинство трудовых, образовательных и уж тем более развлекательных процессов в электронную среду, в первую очередь, в информационно-телекоммуникационные сети. По данным исследовательской компании Mediascope, в феврале – ноябре 2020 года в среднем за день в интернет выходили 87,1 млн человек, или 71,1% населения России [10]. Такая интернет-активность россиян не могла не породить увеличение криминальной активности, связанной, в первую очередь, с посягательствами на собственность граждан, совершаемыми в сети Интернет. Считаем необходимым разобраться в вопросе квалификации некоторых разновидностей таких посягательств.

Помимо уже известных науке и практике «технологий» выманивания у населения денежных средств, называемых нигерийскими письмами, фишингом и вишингом, которые были подробно проанализированы в работе В.И. Гладких [6], набирают обороты две новые проблемы – требования т.н. выкупа за просмотр порнографических материалов, а также требования выкупа за нераспространение «порнографического дипфейка». Но обо всем по порядку.

Схема требования выкупа за просмотр порнографии подробно описана на сайте «Лаборатории Касперского» [5]. Вкратце ее суть состоит в том, что человек получает электронное письмо от имени некоего хакера, в котором сообщается примерно следующее: устройство, используемое для выхода в сеть Интернет, было взломано, в результате чего у злоумышленника имеется доступ как к экрану пользователя, так и к веб-камере устройства. Далее пользователю объясняется, что таким образом было смонтировано видео, на котором показывает-

ся и монитор пользователя во время просмотра т.н. порно-контента, и реакция на эти материалы самого пользователя. Затем, собственно, идет требование перевода денежных средств за нераспространение видеоролика (с соответствующими комментариями) и за его уничтожение. Эксперты «Лаборатории Касперского» указывают: «На самом деле ни всемогущего «вируса», ни постыдного ролика не существует в природе. … Что касается информации о просмотре видео для взрослых, то вымогателю про это ничего не известно. Это массовая рассылка – он отправляет аналогичные письма тысячам или даже миллионам людей, автоматически подставляя в письмо пароль адресата из базы (или какие-то другие «личные» подробности). Мошеннику будет вполне достаточно, если хотя бы пара десятков из получивших письмо с угрозой согласится заплатить» [5]. Допустим, что так оно и есть. В любом случае, возникает вопрос о квалификации совершенного деяния, особенно если денежные средства были переведены виновному. В приведенной цитате злоумышленника называют одновременно и мошенником, и вымогателем, однако в уголовном праве мошенничество и вымогательство – это два разных состава преступления.

Как справедливо отмечает Н.А. Лопашенко, «вымогательство – это еще одно (помимо мошенничества. – Прим. авт.) преступление против собственности, в котором потерпевший сам передает виновному имущество или право на него» [9, с.140], т.е. общим для этих двух составов преступлений является самостоятельность передачи потерпевшим имущества виновному, в описанном примере эта самостоятельность также присутствует.

Мошенничество традиционно признается формой хищения, ключевым конструктивным признаком выступает способ, а одним из возможных способов является обман. Вымогательство в уголовном законе сформулировано как требование передачи чужого имущества, в т.ч. под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких (ст. 163 УК РФ) [1]. Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», «обман может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений» [4], что позволяет усмотреть в требовании признаки и обмана, и угрозы, но сама угроза содержит внутри себя обман. Вышеизложенное порождает вопрос: сообщение заведомо ложных сведений о наличии позорящего видео с целью получения денежных средств от потерпевшего выступает обманом как способом совершения мошенничества или же угрозой распространения позорящих сведений в качестве способа вымогательства?

Несмотря на новизну описанной схемы посягательства, способ разрешения проблемы уголовно-правовой наукой и судебной практикой уже разработан. Считаем необходимым присоединиться к выводам Г.А. Есакова, указывающего, что «спецификой изъятия имущества при мошенничестве выступает добровольность передачи имущества потерпевшим виновному, когда потерпевшее лицо полагает виновное уполномоченным на получение имущества, т.е. полагает наличие у него **права** (выделено нами. – Прим. авт.) на получение такого имущества» [8, с.20]. По этому признаку можно вполне однозначно отгра-

ничить мошенничество от вымогательства в рассматриваемом аспекте – получатель письма с требованием явно осознает противоправность предъявляемого к нему требования и передает денежные средства именно под воздействием угрозы, а не обмана (несмотря на обманный характер угрозы). На аналогичный вывод нас наталкивает и постановление Пленума Верховного Суда РФ №56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»: «Не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой распространения которых совершается вымогательство» [3]. Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что описанный способ посягательства образует состав вымогательства, а не мошенничества.

Несколько иная ситуация складывается с т.н. «порнографическими дипфейками». Само понятие пришло к нам из США, где такая проблема назрела уже несколько лет назад. Трактовку термина предлагает, в частности, Р.А. Делфино, описывающая его следующим образом: «Обработанные фото- и видеоизображения, в которых лицо одного человека убедительно приставлено к телу другого, участвующего в откровенно сексуальных сценах. … Хотя эти изображения фиктивные, созданные с помощью новых технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), они предлагаются как реальные изображения реальных людей, обычно женщин» [7, с.107]. В приведенной цитате кратко описана и технология создания «порнографических дипфейков» – виновный, при помощи технических устройств и специального программного обеспечения совмещает фотографии пользователей сети Интернет, как правило, выложенные в открытый доступ (естественно, не связанные с действиями сексуального характера), и материалы (фото или видео) порнографического характера (которые также нередко оказываются в свободном доступе в сети Интернет). А вот далее возможны варианты поведения злоумышленника.

Если мы моделируем ситуацию, при которой этот «коллаж» используется для предъявления требования передачи имущества (например, за выкуп этого «дипфейка» или его уничтожение), тогда это, учитывая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, что ложность сведений, используемых в угрозе, не влияет на квалификацию, охватывается составом вымогательства и сложности в правоприменении не вызывает.

Однако смоделируем и другую ситуацию, когда «порнографический дипфейк» (допустим, видеоролик) непосредственно распространяется в сети Интернет без предъявления каких-либо требований (например, по мотивам мести или ненависти), что уже вызывает серьезные затруднения в аспекте квалификации деяния. Конечно, посягательства на собственность здесь быть не может. Важно понимать, что не происходит создания нового материала порнографического характера, используется уже созданный кем-то порнографический видеоролик, что, по нашему мнению, фактически исключает квалификацию по ст. 242 УК РФ. Назвать такое деяние нарушением неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) также не представляется возможным, поскольку информация не касается частной жизни человека, а является лишь продуктом монтажа.

Пленум Верховного Суда РФ предлагает квалифицировать факт реального распространения позорящих сведений после собственно вымогательства (предъявления требования) по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 163 и 128^1 УК РФ (вымогательство и клевета), и, казалось бы, само распространение этого ролика должно охватываться составом клеветы, но, к сожалению, не все так просто. Дело в том, что термин «сведения» не раскрывается в российском законодательстве. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 24.02.2005 г. №3 под сведениями предлагает понимать «**утверждения** (выделено нами. – Прим. авт.) о фактах или событиях» [2], т.е. идет указание именно на словесную форму выражения информации, которой при распространении видеоролика может не быть. И если «корень» (криминообразующий признак) вымогательства состоит в требовании под угрозой, а угроза в описанных ситуациях состоит не только в обещании распространить само видео, но и прикрепить соответствующие комментарии, что позволяет первый случай квалифицировать по ст. 163 УК РФ, то во второй смоделированной ситуации именно утверждений может не быть (в самом видеоролике вообще может не прозвучать ни одного слова), что может привести к выводу об отсутствии признаков клеветы, а это может создать угрозы «выпадения» такого рода деяний (общественная опасность которых очевидна даже на первый взгляд) из уголовно-правового регулирования.

Нельзя сказать, что проблема «порнографических дипфейков» серьезно назрела в российском обществе, однако понимание этого явления поможет нанести «упреждающий удар», сориентировать законодателя и правоприменителя на противодействие подобным деяниям. Обозначенная проблематика может стать предметом дальнейших научных исследований.

В качестве заключения по основному вопросу хотелось бы отметить, что, несмотря на возникновение новых форм и методов преступной деятельности, переход ее в информационную среду, квалификация преступлений может (и должна) опираться на ранее разработанные правила. Появление новых видов воздействия на потерпевшего (например, при вымогательстве) не должно приводить к переосмыслению составов преступлений, а само совершение преступления в сети Интернет еще не позволяет говорить о необходимости введения нового состава преступления.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – №25. – Ст. 2954 (ред. от 24.02.2021).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 №56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Вымогательство «для взрослых» // АО «Лаборатория Касперского». – URL: https://www.kaspersky.ru/blog/extortion-spam/21894/ (дата обращения: 04.04.2021).

6. Гладких В.И. Компьютерное мошенничество: а были ли основания его криминализации? // Российский следователь. – 2014. – №22. – С.25–31.

7. Делфино Р.А. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «Порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – №1. – С.105–141.

8. Есаков Г.А. Расширенная трактовка обмана как способа совершения мошенничества // Уголовное право. – 2015. – №5. – С.19–24.

9. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 393 с.

10. Mediascope подсчитал аудиторию Рунета за 2020 год // Sostav.ru. Независимый проект брендингового агентства Depot. – URL: https://www.sostav.ru/publication/mediascope-auditoriya-interneta-2020-46850.html (дата обращения: 04.04.2021).

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ В ОТНОШЕНИЯХ ПРОКУРОРА С УЧАСТНИКАМИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

М.А. Козлова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: malutka-ya@mail.ru
Научный руководитель: Н.Е. Белова, к.пол.н., доцент

В статье рассмотрены основные нравственные требования в отношениях прокурора с подсудимым, адвокатом, судьей, свидетелями защиты и присяжными заседателями. Сделан акцент на недопустимых с точки зрения профессиональной этики формах поведения и приемах обвинительной речи прокурора.

Ключевые слова: профессиональная этика прокурора; государственное обвинение; судебное разбирательство; подсудимый; суд; судья; обвинитель; адвокат.

В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор от лица государства поддерживает обвинение подсудимого. При этом он как блюститель закона обязан быть беспристрастным и стремиться не только к изобличению и наказанию виновного в преступлении, но также к тому, чтобы закон не был нарушен ни в пользу оправдания, ни в пользу обвинения. Интересы обвинения не должны доминировать над интересами законности и «никогда прокурору не следует забывать своего законоохранительного призвания» [5, с. 109–110].

Участие прокурора в уголовном судопроизводстве вовлекает его в служебные и нравственные отношения с другими участниками судебного процесса – подсудимым, его защитником, судьей, присяжными заседателями, свидетелями и экспертами. О том, какими должны быть эти отношения, написано немало научных и публицистических работ, в том числе юристами дореволюционного периода [1; 3], советскими учеными [4] и правоведами постсоветской России [2].

Служебные и нравственные отношения прокурора с подсудимыми регулируются рядом статей УПК РФ. Так, согласно ч. 7 ст. 246, если в ходе судебного следствия государственный обвинитель приходит к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают вину подсудим «Цель всех действий прокурора, – писал Н.В. Муравьев, – не обвинение, но исключительно раскрытие истины, в чем бы она не состояла – в виновности или невиновности подсудимого» [5, с. 105]. Прокурор, который продолжает настаивать на осуждении подсудимого, вина которого не доказана, поступает безнравственно.

Если поиск истины не является целью прокурора, недостаток аргументов зачастую подменяется переходом на критику личности обвиняемого, оскорбление его личного достоинства. В работе выдающегося русского юриста и общественного деятеля А.Ф. Кони «Приемы и задачи прокуратуры» сформулированы недопустимые приемы в обвинительной речи прокурора, в том числе насмешка над подсудимым, развязность тона, «выходки» по поводу внешности,

племенных или вероисповедальных особенностей подсудимого и объяснение его действий свойствами народности, к которой он принадлежит [3, с. 112–118]. В речи прокурора не должно быть места личному самолюбованию от удовлетворения согласием суда или присяжных заседателей с позицией обвинения.

Весьма желательным для поведения прокурора на суде являются спокойный тон, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приемов обвинения, не допускающая искажения обстоятельств дела, а также полное отсутствие лицедейства в голосе и в жесте [3, с. 110]. Прокурор должен уважать личность подсудимого, видеть в нем не только преступника, но и человека. Вместе с тем, проявляя милосердие к лицу, совершившему преступление, обвинитель не должен забывать о границах этого милосердия, переход через которые был бы оскорбителен для потерпевшего и провоцировал бы подсудимого на новые преступления.

В отношении прокурора к судье идеальным с точки зрения профессиональной этики считается «понимание прокурором себя как помощника судьи в выяснении истины» [6, с. 153]. Кодекс этики прокурорского работника РФ требует от него проявлять принципиальность, корректность, непредвзятость и уважение ко всем участникам судебного заседания [7]. Прокурору во время судебного разбирательства вменяется в обязанность воздерживаться от действий по неправомерному влиянию на процесс отправления правосудия.

Прокурор несет правовую и моральную ответственность за обеспечение законности и обоснованности предъявляемого подсудимому обвинения. Он обязан проверить все имеющиеся по уголовному делу доказательства и в случае утверждения обвинительного заключения заявить об этом суду.

В отношениях прокурора с присяжными заседателями возможны такие нарушения им основных нравственных требований, как злоупотребление отсутствием профессионального юридического образования у присяжных, а также запугивание их негативными последствиями принятия ими оправдательного решения. При отсутствии сильной доказательной базы прокурор в своей обвинительной речи может попытаться воздействовать не столько на разум, сколько на чувства и эмоции присяжных заседателей. В итоге вынесенный присяжными обвинительный приговор может оказаться фатальной ошибкой, ведущей к осуждению невиновного. Поэтому в речи прокурора не должно быть места излишнему пафосу, чрезмерной эмоциональности и негодованию к подсудимому.

Взаимоотношения прокурора и адвоката в процессе судебного заседания носят состязательный характер. Состязательность сторон является важной предпосылкой принятия справедливого судебного решения, что является основной целью правосудия. Однако при отсутствии должного уровня нравственного сознания состязательность имеет тенденцию перерастать в нездоровую амбициозную борьбу между прокурором и адвокатом, каждый из которых в этом случае преследует свои личные корыстные цели, не имеющие ничего общего с целями правосудия. В борьбе с этой негативной тенденцией немалых успехов достигли «отцы» Судебной реформы 1864 г., которые всякий раз

подчеркивали единство целей прокуратуры и адвокатуры в установлении судом истины по уголовному делу, необходимость взаимоуважения и сотрудничества прокуроров и адвокатов. «Прокурору не приличествует забывать, – писал А.Ф. Кони, – что у защиты одна общая с ним цель – содействовать, с разных точек зрения, суду в выяснении истины … и что добросовестному исполнению этой обязанности … никоем образом нельзя отказывать в уважении» [3, с. 114]. В этом контексте в речи прокурора и в прениях сторон в целом не должно быть никаких колкостей, резкостей и насмешек, тем более личных выпадов и оскорблений.

К сожалению, в настоящее время требование достижения истины исключено из формально установленных задач уголовного судопроизводства. Состязательность сторон оказывается подчиненной целям достижения обязательной личной победы над «противником», победы во что бы то ни стало, что в итоге приносит в жертву справедливость.

Требование принятия судом справедливого решения зафиксировано в ст. 297 УПК РФ [8]. Часть 2 ст. 6 УПК РФ указывает на то, что отказ от уголовного преследования невиновных и освобождение их от наказания в той же степени отвечает задачам уголовного судопроизводства, что и назначение наказания виновным. Однако на практике в системе прокуратуры все еще сохраняется идеологическая установка на обязательное превращение подсудимого в осужденного, а вынесение судьей оправдательного приговора трактуется как «недоработка» государственного обвинителя [6, с. 161].

Прокурор, стремящийся к раскрытию истины в судебном процессе, предоставляет возможность высказаться всем свидетелям защиты, не перебивает их и не стремится давать свои трактовки высказываемым ими суждениям. Исключением из этого должны быть случаи лжесвидетельства, обнаружение которых обязывает прокурора разоблачать таких «свидетелей» и ставить вопрос об их привлечении к уголовной ответственности.

Высокий моральный авторитет прокурорского работника как на службе, так и вне ее несовместим с такими отрицательными качествами, как правовой нигилизм, формальное исполнение служебных обязанностей, цинизм, черствость, недобросовестность, высокомерие и нравственная распущенность.

Литература

1. Дореволюционные юристы о прокуратуре: сб. ст. / науч. ред. и сост. С.М. Казанцев. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. – 287 с.

2. Ковалев О.Г. Профессиональная этика в прокурорской работе // Мораль и догма юриста. Профессиональная юридическая этика. – М.: Эксмо, 2008. – С. 307–310.

3. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // А.Ф. Кони. Избранные труды и речи / сост. И.В. Потапчук. – Тула: Автограф, 2000. – 638 с.

4. Кореневский Ю.В. Этические начала поддержания прокурором государственного обвинения // Проблемы судебной этики / под ред. М.С. Строговича. – М.: Наука, 1974. – С. 210–232.

5. Муравьев Н.В. Общие основания прокурорской деятельности по уголовным делам // Дореволюционные юристы о прокуратуре: сб. ст. / науч. ред., сост. С.М. Казанцев. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. – С. 102–129.

6. Носков И.Ю. Профессиональная этика юриста: учебник. – М.: Юрайт, 2020. – 277 с. // ЭБС «Юрайт» [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/455181 (дата обращения: 11.03.2021).

7. Приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114 (ред. от 16.09.2020) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации». – URL: https://legalacts.ru/kodeks/prikaz-genprokuratury-rf-ot-17032010-n-114/prilozhenie-n-1/2/ (дата обращения: 11.03.2021).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 09.03.2021).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ИНВАЛИДОВ

В.А. Колосова[1], О.А. Москаленко[2],
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас
[1]доцент, к.п.н; e-mail: vakolosova@gmail.com
[2]студент; e-mail: loyachka@mail.ru

В статье рассмотрено понятие избирательного права, обеспечение и реализация избирательного права инвалидов.

Ключевые слова: избирательное право; инвалиды; люди с ограниченными физическими возможностями; избирательный участок; избирательное право инвалидов; проблемы.

Актуальность исследования состоит в том, что за последние годы выборы прочно вошли в жизнь граждан РФ в качестве реально функционирующего института формирования представительных основ народовластия. По сути на наших глазах происходит становление и развитие современной избирательной системы Российской Федерации, сопровождаемые активным поиском и апробацией на практике юридических формул осуществления и защиты конституционного права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Актуальность обусловлена рядом взаимосвязанных социальных и правовых факторов и, прежде всего, высокой социальной проблемностью из-за инвалидности. Целью данной работы является комплексное исследование вопросов, затрагивающих обеспечение избирательных прав граждан с ограниченными физическими возможностями в Российской Федерации.

Среди научных исследований, посвященных различным общим аспектам прав инвалидов, следует выделить работы Н.В. Антипьевой, Л.А. Карасаевой, А.П. Рахимли, И.Н. Ясыревой, а также труды ученых в области социологии инвалидности, социальной работы и медико-социальной экспертизы, в том числе Т.А. Добровольской, Д.В. Зайцева, Т.В. Зозули, Н.Н. Малофеева, А.И. Осадчих, П.В. Романова, Л.В. Сытина, В.С. Ткаченко, Е.Р. Ярской-Смирновой.

Права каждого избирать и быть избранными зафиксированы в международных документах: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, международные избирательные стандарты и универсальные принципы избирательного права.

Глобальность и острота проблемы потребовали её общемирового решения. В рамках ООН в 1975 году был принят первый международный акт – Декларация о правах инвалидов, а в 2006 году приняты первые уже международно-правовые акты – Конвенция о правах инвалидов и Факультативный протокол к ней.

Однако начало правам инвалидов было положено Международной Конвенцией о правах инвалидов 13 декабря 2006 года на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. В данном документе закреплены права и свободы,

их защита в отношении людей с ограниченными физическими возможностями. В соответствии с «Конвенцией о правах инвалидов» государства-участники гарантируют инвалидам избирательные права и обязуются обеспечивать им возможность полноценного участия в избирательном процессе.

Перед тем как охарактеризовать всю сущность проблемы избирательного права инвалидов и рассмотреть все действительные проблемы в реализации данных прав в отношении физических лиц с ограниченными физическими возможностями, обратимся к определению избирательного права.

Избирательное право граждан – конституционное право граждан Российской Федерации избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право участвовать в выдвижении кандидатов, списков кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов, в других избирательных действиях в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации [8].

Именно на местном уровне происходит более близкое взаимодействие между органами власти и населением, что довольно положительно и эффективно отражается на государстве в целом [9, с.254].

Проблемы реализации избирательных прав инвалидов в Российской Федерации существуют в огромном количестве, и актуальность данной проблематики возрастает из года в год, поскольку число лиц с ограниченными возможностями возрастает.

Так как в избирательном процессе могут принимать участие лица, достигшие 18-летнего возраста, то приведем статистику численности данных лиц за прошедшие 2019–2020 гг. В Российской Федерации лиц с ограниченными возможностями в возрасте от 18 до 50 лет насчитывается 11 277 668 чел. Это огромная цифра, из которой у 40% граждан, а может и больше, возникали проблемы в реализации своих избирательных прав вследствие своего заболевания.

По проведенной статистике после проведения выборов в 2014 году в Центральную избирательную комиссию поступило множество жалоб от граждан-инвалидов. Одним из примеров является жительница города Владимир, являющейся инвалидом. Женщина не смогла добраться до избирательного участка из-за своей болезни самостоятельно, а на дом с урной голосования к ней никто не приехал.

ЦИК России последовательно предпринимает конкретные действия по реализации избирательных прав избирателей, являющихся инвалидами, и решению выявленных проблем:

1. Получение и проверка сведений о всех жителях данной страны, имеющих инвалидность.

При проведении данной работы практически все избирательные комиссии обратили внимание на некоторые сложности. Это отсутствие единой базы данных указанной категории избирателей, проживающих на соответствующей территории. Помимо этого, в ходе сбора сведений многим из них было отказано

в представлении запрашиваемых сведений – на основании статьи 9 Федерального закона «О персональных данных», в соответствии с которой предоставление и обработка персональных данных допускается только с согласия субъекта персональных данных.

2. Рассмотрение проблемы, связанной со специализированным оборудованием, необходимым в процессе проведения выборов.

Большое внимание избирательные комиссии уделяют оборудованию помещений для голосования и созданию необходимых условий для голосования инвалидов различных категорий. На избирательных участках устанавливаются специальные кабины, предназначенные для голосования инвалидов-колясочников, размещаются средства оптической коррекции, дополнительное освещение, трафареты для избирательных бюллетеней, в том числе выполненные рельефно-точечным шрифтом Брайля. Оборудуются информационные стенды, на которых размещается информация в формате, доступном для инвалидов по зрению. На участки, где предполагается голосование большого количества глухих и слабослышащих избирателей, приглашаются сурдопереводчики.

Избирательное право граждан – право граждан Российской Федерации иметь активное и пассивное избирательные права относительно органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Если обратиться к законодательным актам, которые регулируют отрасль права, связанную с избирательными правами, таким как ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», Конституция РФ, Федеральный закон от 10.01.2003 №19-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О выборах Президента Российской Федерации», можно сделать вывод о том, что не существует полной информации об обеспечении и реализации избирательных прав инвалидов и всех необходимых условий, которые нужны для принятия участия в голосовании всех категорий граждан-инвалидов.

Следует отметить и то, что для его проведения необходимы большие финансовые затраты и организационные ресурсы, которые имеются не у каждого человека. Здесь огромную роль играет также явка избирателей, которая не всегда превышает и 50%. Необходимо помнить, что референдум как один из институтов непосредственной демократии имеет некоторые достоинства:

- тесное взаимодействие граждан с органами власти;
- проявление активности населения в политической жизни страны;
- укрепление института референдума и влияние на дальнейшее развитие правового государства [9, с.257].

Существуют различные категории инвалидов, которые с трудом могут реализовать свои избирательные права самостоятельно:

1. Инвалиды с нарушением функций зрения. Трудность возникает в заполнении бюллетеней.

2. Инвалиды с нарушением опорно-двигательным аппаратом. Трудности при передвижении к избирательному участку, вследствие отсутствия лифта или пандуса около дома.

На данном этапе реализации своих избирательных прав граждане-инвалиды участвуют в следующих акциях:

1. «Доступная среда».

Программа, которая в своих целях говорит о создании условий для свободного передвижения инвалидам.

2. «Дорога на избирательный участок».

3. «Говорящий участок»

Благодаря данному проекту были созданы кабинеты со специальным оборудованием для граждан – инвалидов с нарушением функций зрения

Таким образом, у уполномоченных органов РФ много идей и проектов для реализации избирательных прав инвалидов. Но идеи трудно воплотить в реальность из-за недостатка денежных средств.

Следует отметить, что необходимо повышать правосознание граждан, чтобы население было заинтересовано в проведении подобного рода мероприятий, ведь именно референдум является высшим непосредственным выражением власти народа, на котором могут решаться вопросы, имеющие значительную роль в жизни каждого человека (образование, транспортные услуги, здравоохранение) [9, с.258].

Добавим, что практика реализации избирательных прав инвалидов не в полной мере удовлетворяет положение Международной конвенции об инвалидах, хотя сама по себе весьма обширна.

Для того чтобы гражданин РФ с ограниченными физическими возможностями смог реализовать свое право избирать, т.е. активное избирательное право, необходимо наличие двух главных условий: 1) организация доступа на избирательный участок; 2) создание удобной системы для голосования.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов равных среди равных. Принята Генеральной Ассамблеей от 13 декабря 2006 года. – URL: https://base.garant.ru/2565085/

2. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

3. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 9 августа 2017 года № 96/832-7 «О Рекомендациях по обеспечению реализации избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации».

4. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2012. – №4. – Ст. 445.

5. По материалам новостного портала proГород. – URL: http://progorod33.ru/news/view/76712

6. Федеральный закон от 10.01.2003 №19-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О выборах Президента Российской Федерации».

7. Постановление «О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации».

8. Симонова М.А., Терехова И.А. Проблемы реализации избирательного права инвалидами // Право: современные тенденции: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). – Краснодар: Новация, 2018. – С. 6–8. – URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/283/13711/ (дата обращения: 17.04.2019).

9. Плеханова Е.А., Колосова В.А. Референдум как один из институтов непосредственной демократии в реализации гражданами своих политических прав // Современные проблемы права глазами молодых ученых: сборник статей участников Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 253–259.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

В.А. Колосова[1], Н.Б.Смирнова[2]
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас
[1]к.п.н., доцент; e-mail vakolosova@gmail.com
[2]студент; e-mail: sofya.rogova.97@bk.ru

В данной статье подробно исследована тема детоубийства матерью своего новорожденного ребёнка, исследованы уголовно-правовые отношения, которые возникают в связи с убийством матерью новорожденного ребенка, а также правовые нормы и их применение на практике, регулирующие рассматриваемые отношения. В данном исследовании выявлены правовые проблемы уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка и высказаны предложения по их решению.

Ключевые слова: детоубийство; уголовная ответственность; привилегированные преступления; уголовное законодательство; профилактика преступлений.

Человеческая жизнь – одна из наивысших ценностей общества во всем мире. Право каждого человека на жизнь гарантируется в равном объеме независимо от возраста, пола, расы и других обстоятельств. Преступления, посягающие на человеческую жизнь, характеризуются наибольшей общественной опасностью.

В уголовном законодательстве и Конституции РФ [1; 3] (ст. 2 и 20) установлено, что жизнь и здоровье человека занимают особое место в системе правовой охраны. В связи с этим противодействие насильственной преступности и обеспечение безопасности человека и гражданина – это основополагающее направление в уголовной политике в России и во всем мире.

Личность ребенка занимает уникальное положение в международном законодательстве, которое признает его равноценным членом общества, обладающим от рождения комплексом естественных прав, нуждающимся в специальной охране и заботе как до, так и после рождения. Права детей занимают главенствующее место, поскольку подрастающее поколение играет определяющую роль в гарантировании жизнеспособности и развитии общества. Но, к сожалению, в статистике МВД России наблюдаются противоречия между желаемой и реальной ситуацией обеспечения естественных прав ребенка. Станислав Колесник – начальник управления организации охраны правопорядка в жилом секторе главного управления по обеспечению охраны общественного порядка – на заседании совета по вопросам попечительства в социальной сфере в начале 2020 года сообщил, что число совершенных преступлений в отношении детей родителями увеличилось за последние четыре года на 92%, в том числе на 50% увеличилось количество убийств [8]. В связи с этим, уголовное законодательство, призванное охранять естественные права, остается в некоторых вопросах несовершенным, что оказывает влияние на уровень безопасности жизни новорожденного ребенка.

Не так давно в отечественный уголовный кодекс включена ст. 106, которая предусматривает привилегированный состав преступления – убийство матерью новорожденного ребенка, отражающий конфликт интересов, который имеет место быть между матерью и ее новорожденным ребенком [3].

На данный момент выделение данного состава обоснованно как с теоретической, так и с практической точки зрения. Несмотря на это, в правоприменительной практике возникают проблемы, связанные с квалификацией данного деяния. Также открытым остается вопрос о том, как именно необходимо противодействовать данным преступлениям, какие профилактические меры следует выполнять. Данный факт оказывает влияние на уровень безопасности жизни новорожденного ребенка. Существующая ст. 106 УК РФ, хоть и предусматривает привилегированный состав преступления – убийство матерью новорожденного ребенка, но не может в должной степени квалифицировать данное деяние [5].

Ст. 106 УК РФ 1996 г. не предусматривает размера санкции, соизмеримого с повышенной степенью общественной угрозы содеянного, поскольку из содержания данной статьи очевидно, что смертоубийство матерью новорожденного ребенка в период или сразу же после родов равно смертоубийству матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации либо в пребывании психического расстройства, никак не исключающего вменяемости, карается ограничением свободы на период от 2 до 4 лет, или принудительными работами на срок до 5 лет, или лишением свободы на этот же период [6].

В отличие от ст. 103 УК РСФСР 1960 г., которая предусматривала санкцию за смертоубийство новорожденного в виде лишения свободы в срок от 3 до 10 лет, наказание по ст.106 УК РФ настолько мягкое, что, очевидно, не отвечает степени социальной опасности действия.

Данными фактами обосновывается выбранная тема для проведения анализа.

Впервые убийство матерью новорожденного ребенка как привилегированное преступление упоминается в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., за него предусматривалось тюремное заключение сроком на 2 года или ссылка на поселение. Уголовно-правовая оценка детоубийства в УК РСФСР 1926 года не претерпела значительных перемен. Действия матери, убившей ребенка, квалифицировались согласно ст. 136 п.п. «д» и «е» УК РСФСР как смертоубийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах. Верховный Суд РСФСР 1926 года постановил о неэффективности направления жестких мер женщинам, осуществившим смертоубийство собственных новорожденных детей. Только лишь уголовная репрессия не сможет обеспечить нужных результатов, и следует подняться на путь усовершенствования материального благополучия матерей-одиночек. Юридическая система детоубийства при довольно узком (своеобразном) характере данного состава различается в правовых системах других стран. Она содержит в себе подобные признаки: особый субъект; особый пострадавший; период совершения действия; особая обстановка, в которой происходит действие; особенное физическое и (либо) психологическое состояние субъекта; причина. Все страны

устанавливают безусловную защиту жизни с появления на свет новорожденного. Данный принцип закреплен в нормативных актах рассматриваемых стран. Установлено, что любой имеет возможность на жизнь и физическую неприкасаемость. Жизнь человека считается высшей ценностью и предметом уголовно-правовой защиты. В связи с этим преступные деяния, посягающие на человеческую жизнь, находятся в особенной части Уголовного кодекса и объединены в самостоятельные разделы (за исключением Англии, криминальное право которой не кодифицировано). В публикации 106 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. смертоубийство матерью новорожденного ребенка в период или сразу же после родов равно смертоубийству матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации либо в пребывании психического расстройства, никак не исключающего вменяемости, карается ограничением свободы на период от 2 до 4 лет, или принудительными работами на срок до 5 лет, или лишением свободы на этот же период.

Приведем пример из судебной практики, подтверждающий данное заключение.

Л.Ю. Грязева обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ст.106 УК РФ [4].

В ходе судебного разбирательства суд установил, что Л.Ю. Грязева совершила убийство своего новорожденного ребенка сразу же после родов.

Преступление совершено Л.Ю. Грязевой в г. Муроме Владимирской области при следующих обстоятельствах.

В вечернее время Л.Ю. Грязева., примерно с 19 до 20 часов, находясь в квартире во время предродовых схваток, решила совершить убийство своего новорожденного ребенка. Для реализации своего преступного умысла, направленного на убийство своего новорожденного ребенка, Л.Ю. Грязева решила родить в ванну, наполненную водой, чтобы ребенок впоследствии утонул.

Л.Ю. Грязева прошла в ванную комнату, где с целью убийства своего новорожденного ребенка, заведомо зная об опасности родов в ванну, наполненную водой, действуя умышленно, предвидя возможность и неизбежность наступления смерти новорожденного ребенка и желая этого, понимая, что он находится в беспомощном состоянии, родила живого, доношенного ребенка в воду, тем самым убив его путем утопления сразу же после родов. В судебном заседании подсудимая Л.Ю. Грязева с предъявленным ей обвинением согласилась полностью, признав вину в совершении преступления при указанных обстоятельствах в полном объеме, ходатайство о рассмотрении дела без проведения судебного разбирательства поддержала, пояснив, что заявлено оно добровольно, после консультации с защитником, последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства она осознает.

Изучив материалы дела, суд пришел к выводу, что обвинение, с которым согласилась подсудимая, обосновано. Суд квалифицировал действия подсудимой Л.Ю. Грязевой по ст. 106 УК РФ – «Убийство матерью новорожденного ребенка сразу же после родов».

При определении размера и вида наказания подсудимой суд учел характер и степень общественной опасности преступления, личность виновной, обсто-

ятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденной и условия жизни ее семьи.

В связи с либерализацией уголовного законодательства данный вид смертоубийства причислен к привилегированным. В основе данной санкции находится правило гуманизма по взаимоотношению к женщине, осуществившей преступное деяние. Но сама сущность уголовного наказания согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ состоит в восстановлении социальной справедливости, исправлении осужденного и предупреждении совершения новых правонарушений.

Принимая во внимание все вышеупомянутое, целесообразно ввести дополнительные обследования, в том числе с привлечением психологов, матери, совершившей убийство новорожденного, на предмет психотравмирующей ситуации. Необходимо проводить подробный анализ условий, мотивов и состояния здоровья женщины во время совершения деяния.

Вопрос о профилактике наказаний за убийство матерью новорожденного ребенка следует решать следующим образом: необходимо в сфере работы социальных служб, службы опеки и попечительства разработать программу, которая включала бы установление неблагополучных семей и семей группы риска, постановку их на учет и последующий патронаж с целью мониторинга и предотвращения ситуаций, в связи с которыми может совершаться детоубийство матерью новорожденного ребенка. В случаях возникновения беременности у одного из членов неблагополучной семьи, семьи группы риска, в рамках патронажа также осуществляется принудительная постановка на медицинский учет беременной женщины. Она обязуется регулярно проходить медицинскую комиссию по мониторингу состояния течения беременности. Ключевую роль играет клинический психолог, который регулирует психологическое, эмоциональное состояние беременной женщины, проводит ряд мероприятий с целью предотвращения у женщины мыслей и порывов детоубийства.

Скомпонованный, изученный и проанализированный нами теоретический материал в дальнейшем послужит основой для организации практической деятельности, направленной на совершенствование уголовного законодательства (Ст. 106 УК РФ), а также на осуществление профилактических мероприятий наказания матерей за убийство новорожденного ребенка.

Литература

Нормативные правовые акты и документы

1. Конституция Российской Федерации (ред. от 21.07. 2014 № 11- ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 5 декабря.

2. Конвенция ООН о правах ребенка // Сборник международных актов с участием Российской Федерацией. – 2010. – № 2.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства. – 1996. – № 6.

Судебная практика

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Вестник Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

Учебная и научная литература

5. Алиев В.М. Преступления против личности. Научно-практический комментарий / В.М. Алиев, В.И. Гладких, В.Г. Степанов-Егиянц. – М.: Юрайт, 2020.

6. Алиев В.М. Уголовная ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка в уголовном законодательстве зарубежных стран // Вестник науки и творчества. – 2019. – №5 (5). – С. 26–32.

7. Криминология. В 2 т. Том 1. Общая часть: учебник / Ю.С. Жариков, В.П. Ревин, В.Д. Малков, В.В. Ревина. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2020. – 242 с.

8. Магарламова О.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка // Закон и право. – 2017. – Т. 3. – №3. – С. 72–77.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ИЗНАСИЛОВАНИЯМИ

А.Р. Комиссарова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас
магистр; e-mail: komissarova1997@mail.ru

Статья посвящена изучению уголовно-правовых и социально-психологических вопросов борьбы с изнасилованиями. Авторы в ходе рассуждений выделяют обстоятельства, которые сопутствуют совершению преступления. Под изнасилованием понимается половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Ключевые слова: изнасилование; угроза; преступник; ответственность; потерпевший.

В Уголовном кодексе Российской Федерации, а именно в главе 18, содержится уголовно-правовой запрет на совершение ряда деяний против половой неприкосновенности и половой свободы личности («сексуальных преступлений»). Половая свобода является присущим от природы правом каждого человека самому решать, как и с кем удовлетворять свои сексуальные потребности и желания, в то время как половая неприкосновенность представляет собой запрет на совершение любых сексуальных действий. И лишь потерпевшим лицом определяются границы и критерии допустимости своей половой свободы, разумеется, только это лицо может и должно ответить на вопрос – пострадала ли его половая свобода в результате совершенного с ним того ли иного деяния. Под изнасилованием понимается половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей [1].

Субъектом (лицом, совершившим преступление) этих преступлений может быть и несовершеннолетний, если объект – малолетний ребёнок. И хотя, согласно многим исследованиям, сексуальные насильственные действия в отношении детей в большинстве случаев производятся лицами, не имеющими педофильных наклонностей [2], применительно к взрослому лицу, совершившему сексуальное насилие над ребёнком, привычным стало некорректное употребление медицинского термина «педофил».

Половая свобода, а также половая неприкосновенность женщины являются основными непосредственными объектами изнасилования. Под половой свободой понимается право по своему выбору и желанию вступать в половые отношения с кем-либо. Половая неприкосновенность рассматривается как объект изнасилования лишь применительно к потерпевшим, не достигшим 16-летнего возраста, либо к женщинам, не способным дать согласие на половое сношение по причине слабоумия или иного расстройства психики. Телесная неприкосновенность, здоровье и жизнь потерпевшей могут рассматриваться в качестве дополнительного факультативного объекта изнасилования [3, с.12].

По своей сути изнасилование является преступлением, которое приносит жертве не только физический вред здоровью, но и нравственные страдания, что впоследствии, несомненно, отражается на ее психике. После пережитого изнасилования жертве бывает крайне трудно вернуться к привычному образу жизни и взаимоотношениям с обществом в целом. Потерпевшими от изнасилования могут являться только лица женского пола, среди них малолетние девочки, несовершеннолетние девушки, молодые женщины, женщины среднего возраста, а также пожилые женщины. В настоящее время прослеживается тенденция совершения изнасилований малолетних и несовершеннолетних, в ряду преступников, совершающих эти преступления, стоят как лица, имеющие с жертвами родственную связь либо состоящие в близких отношениях с их матерями, так и обычные подростки, сверстники жертв. Стоит отметить, что насильников не останавливают ни возраст, ни физическое состояние, ни физиологические особенности и отклонения жертвы, они идут на все ради достижения своей злодейской цели и удовлетворения своих физических и психических потребностей.

Хотелось бы обратить внимание на обстоятельства, которые сопутствуют совершению этого бесчеловечного преступления:

1) алкогольное и наркотическое опьянение как преступника, так и жертвы;

2) аморальный образ жизни жертвы и ее безнравственное поведение;

3) передвижение жертвы в темное время суток в районах, где такие преступления наиболее вероятны (нежилые, разрушенные или строящиеся здания, городские окраины, гаражные кооперативы, лесные массивы, парки и т.д.);

4) связи жертвы с лицами, которые ранее привлекались к уголовной ответственности за подобного рода преступления;

5) пропаганда среди молодежи «абсолютной половой свободы», как немаловажного свидетельства взросления и т.п.

Поскольку при изнасиловании преступник применяет насилие, а также пользуется беспомощным состоянием жертвы, то при квалификации данного вида преступления наибольшие сложности вызывает определение собственно насилия и беспомощного состояния потерпевшей. В преступлениях против половой свободы само сексуальное действие является результатом использования беспомощного состояния либо применения насилия к потерпевшей. Насилие, которое, как правило, предшествует самому половому акту может быть как физическим (удержание, побои; максимальный объем реально примененного насилия по ч.1 ст. 131 УК РФ – причинение средней тяжести вреда здоровью и пр.), так и психическим (угроза причинения вреда здоровью, психологическое давление). Уместно сказать, что насилие может применяться как непосредственно к самой потерпевшей, так и к любому другому лицу (не обязательно к супругу или родственникам) [2, с.7].

Совершение сексуальных действий с лицом, которое в силу возраста, душевного или физиологического состояния не могло оказать сопротивления либо не понимало фактический характер производимых с ним действий, как раз таки и является использованием беспомощного состояния потерпевшей. При совершении изнасилования состояние глубокого алкогольного или наркотиче-

ского опьянения жертвы признается ее беспомощным состоянием, например, в отличие от убийства. Судебная практика в отношении беспомощного состояния потерпевшей, вызванного ее сильным алкогольным либо наркотическим опьянением, выделяет тот факт, что не играет роли, кто довел жертву до подобного состояния – она сама, насильник или же другие лица [2, с.18].

В судебной практике часто возникают спорные моменты при определении того, было ли сопротивление потерпевшей действительным, при котором она сделала все возможное для отражения посягательства, т.е. было ли ее нежелание вступить в половую связь явным для насильника. Согласие потерпевшей, по мнению американских юристов, является одной из наиболее важных характеристик изнасилования. П. Робинсон отмечает, что ответственность за изнасилование в большей степени определяется фактором согласия, нежели поведением или его результатом, и проблема насильственных сексуальных преступлений представляется проблемой определения понятия «согласие». Согласие должно быть четким и недвусмысленным. В этой связи в последние годы ведется массовая кампания против сексуального насилия. Цель – объяснить, что согласие женщины на сексуальный контакт должно быть активным, а не пассивным. Другими словами, пока женщины не скажут четко «да»', мужчины не должны рассчитывать на согласие. Если же они будут продолжать, делая вид, что ничего не происходит, то должны знать, что это чревато юридическими последствиями.

Множество трудностей в судебно-следственной деятельности возникает при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за изнасилование, повлекшее иные тяжкие последствия (п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ). «Иные» тяжкие последствия не входят в перечень названных ч. 3 ст. 131 УК РФ, поэтому возможность отнесения их к особо квалифицирующим признакам суд определяет исходя из указания в законе о тяжести последствий и наличия их в конкретном уголовном деле. Однако во всех случаях исходным мотивом решения данного вопроса должно быть обязательное условие: тяжкие последствия наступают непосредственно от изнасилования или покушения на него, т.е. от выполнения действий, входящих в объективную сторону состава данного преступления, причинно связаны с ним и совершены виновно (неосторожно или умышленно). Кроме того, тяжкие последствия могут быть вызваны действиями как обвиняемого, так и самой потерпевшей. Действия потерпевшей по причинению себе вреда, сопряженного с изнасилованием, могут быть совершены до начала полового акта с целью избежать его, а после полового акта как реакция на совершившееся изнасилование.

Судебная практика к тяжким последствиям изнасилования относит самоубийство потерпевшей или покушение на него. Крайне важно, что это последствие может быть вменено насильнику лишь в том случае, если будет доказан косвенный умысел или неосторожность с его стороны, которые повлекли самоубийство потерпевшей или покушение на него. В том случае если преступник не предвидел такого варианта поведения потерпевшей, не должен был и не мог его предвидеть, вменение ему п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ по этому признаку невозможно. Также нельзя вменять в вину насильнику и самоубийство потерпев-

шей, если непосредственной причиной самоубийства послужило жестокое отношение к ней со стороны мужа или других близких родственников, упрекавших ее в безнравственном, аморальном поведении, якобы послужившим поводом для изнасилования. В литературе высказано мнение о признании квалифицирующим и особо квалифицирующим признаком последующую в результате изнасилования беременность потерпевшей, поскольку беременность является дополнительной травмой для потерпевшей [3, с.6].

Полагаем, вполне обоснованным и справедливым законодательное закрепление в ст. 131 УК РФ такого квалифицирующего признака, как «изнасилование, повлекшее беременность потерпевшей», поскольку такое последствие при изнасиловании может наступить, что, разумеется, приведет к трудностям в квалификации действий преступника. В такой ситуации будет не совсем правильным квалифицировать действия лица по признаку «изнасилование, повлекшее иные тяжкие последствия». Подводя итог, считаем необходимым предложить ряд мер по профилактике и предупреждению изнасилований. Во-первых, необходимо организовать активную работу по выявлению лиц с отклонениями в сексуальном поведении. В настоящее время подобная работа ведется, но носит в большей степени формальный характер. Основополагающим элементом в организации данной работы, по нашему мнению, может стать проведение ежегодного углубленного медицинского осмотра, в ходе которого определялось как физическое, так и психическое здоровье граждан. Во-вторых, образовательным учреждениям следует вести более тщательную работу над нравственным и половым воспитанием подростков и молодежи. В-третьих, родители должны проводить воспитательные беседы с малолетними и несовершеннолетними детьми, для того чтобы уберечь их от негативных последствий. Также очень важно отметить, что женщинам следует более обдуманно подходить к выбору одежды и не провоцировать преступников на совершение преступлений своим вызывающим поведением.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [13 июня 1996 г. №63- ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации [4 декабря 2014 г. № 16] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 2.

3. И.В. Шишко. Уголовное право. Особенная часть. – М.: Проспект, 2012. – 430 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СОЧЕТАНИЯ «РАБСКИЙ ТРУД»

Д.О. Комлев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
e-mail: den_komlev@list.ru
Научный руководитель: П.О. Кобылин, ассистент

В статье представлена проблематика использования формулировки «рабский труд» в Уголовном кодексе РФ. Проведено сравнение национального законодательства Российской Федерации с международным правом и законодательством зарубежных государств. Проанализированы соответствующие составы о рабском труде, а также используемая в них терминология. Сделаны выводы касающиеся рациональности данной терминологии.

Ключевые слова: рабство; рабский труд; принудительный труд.

Федеральный закон от 08.12.2003 №162–ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ввел в УК РФ статью 127^2 «Использование рабского труда». Основной состав этого преступления звучит следующим образом: «Использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг)».

Конвенция ООН о рабстве 1926 года дает рабству схожее определение: «Под рабством понимается положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности» [1]. Однако в уголовном праве многих других развитых стран данное определение в статьях со схожим составом стараются не использовать. Почему же так происходит?

Термин «рабство» с исторической точки зрения подразумевает прежде всего законность такого подневольного состояния лица. То есть раб – это собственность, в отношении которой правомочия собственника в полном объеме признаются и охраняются государством. Так, например, в Российской империи крепостные крестьяне хоть и не находились буквально в положении рабов, однако, и государство, и другие уполномоченные субъекты права при побеге крепостного от хозяина обязаны были его вернуть хозяину. Такая характеристика рабства или институтов и обычаев, сходных с рабством, актуальны для всех рабовладельческих государств.

Соответственно, сейчас во всех странах мира иметь права собственности в отношении людей запрещено. Также при бегстве человека, находящегося в рабском состоянии, и обращении в правоохранительные органы государство не будет возвращать его владельцу, а наоборот, будет стремиться наказать преступника-рабовладельца.

Если обратиться к законодательству таких стран, как США, Германия, Бразилия, КНР, то термин «рабство», то есть «slavery», почти не используется, а заменой служат различные синонимы, более уместные в данной ситуации. В первую очередь, стоит заметить, что такой незаконный принудительный и подневольный труд обычно входит в группу преступлений «human trafficking», что примерно можно перевести как «торговля людьми», хотя значение слова «торговля» несколько более узкое. В нашем же законодательстве это независимые друг от друга преступления.

В федеральном законе США есть только преступление, называемое «торговля людьми», куда уже входит состав принудительного подневольного труда. Здесь можно найти следующие легальные определения терминов «The term "coercion" means –

(A) threats of serious harm to or physical restraint against any person;

(B) any scheme, plan, or pattern intended to cause a person to believe that failure to perform an act would result in serious harm to or physical restraint against any person».

Термин «принуждение» переводится следующим образом:

1) угрозы причинения серьезного вреда или физического ограничения в отношении любого лица;

2) любая схема, план или схема, направленная на то, чтобы заставить какое-либо лицо поверить, что невыполнение какого-либо действия приведет к серьезному ущербу или физическому ограничению в отношении какого-либо лица.

Также есть термин «involuntary servitude», что означает принудительный труд (неволя, порабощение, каторга), и «Forced Labor», то есть принудительный труд. Слово «раб» в основном используется в значениях «современные формы рабства» и в значении продажи в рабство в другие государства.

В Германском уголовном кодексе торговля людьми однозначно отделена от их эксплуатации. Собственно, в ней используются как уже разобранные нами понятия, так и некоторые новые дефиниции. «Forced labour» – это принудительный труд, как и в американском законодательстве; «Exploitation of labour» – эксплуатация труда; «Exploitation involving deprivation of liberty» [2] – эксплуатация, влекущая лишение (утрату) свободы. Последний термин наиболее схож с понятием рабского труда, которое дано в УК РФ.

В бразильском уголовном кодексе так же, как и в российском, можно найти формулировку, связанную с рабством, но там она представлена в несколько более правильном свете «Reduction to a condition analogous to slavery», то есть приведение в состояние, аналогичное рабству. Соответственно, само такое состояние рабством не называется. Если обратиться к определению этого состояния, которое дано в этой же статье, «To reduce someone to a condition analogous to slavery, either by submitting it to hard labor or the exhausting journey, or subjecting them to degrading working conditions or restricting, by any means, locomotion due to debt incurred with the employer or agent», что переводиться как «Низвести кого-либо до состояния, аналогичного рабству, либо подвергнув

его каторжным работам или изнурительному путешествию, либо подвергнув его унижающим достоинство условиям труда, либо ограничив каким-либо образом передвижение из-за долга, возникшего у работодателя или посредника», то мы можем увидеть некоторую закономерность.

В обеих конвенциях ООН о рабстве и в УК РФ, во-первых, напрямую используется слово рабство по отношению к такому рассмотренному ранее положению человека, а во-вторых, используется формулировка, что в отношении рабов полностью или частично осуществляются полномочия права собственности. Но и в рассмотренных нами законодательствах США, Германии и Бразилии всех этих формулировок стараются избегать.

То, что в отношении раба осуществляются полномочия, присущие праву собственности, также является спорным вопросом. На наш взгляд, право собственности характеризуется в первую очередь тем, что его гарантирует и предоставляет государство, а если оно этого не делает, то такого права не существует. Можно привести в пример государства в самые активные этапы социалистического строительства, например, Революционную Кампучию, где частная собственность была полностью отменена, соответственно никто не только не мог осуществлять соответствующих полномочий по закону, но и не осуществлял их на практике. Таким образом, и собственности в отношении рабов существовать не может, так как это напрямую запрещено государством.

Также рабству не присущи и свойства права собственности. Нет ни свойства эластичности, ни свойства исключительности. И что возможно самое важное, такое право не может быть защищено в суде. Эти аргументы говорят о том, что называть это в полной мере осуществлением полномочий, присущих праву собственности, нельзя.

Учитывая вышеперечисленное, нужно объяснить причины таких формулировок. Сначала необходимо обратиться к конвенции ООН о рабстве 1926 года, так как она является первым по хронологии из рассматриваемых документов. Конвенция была принята в 1926 году, когда существовали еще государства с полноценным рабовладельческим строем, например, Саудовская Аравия, Мавритания, и государства, допускающее долговое рабство, например, Эфиопия. Соответственно, причина употребления таких формулировок достаточно ясна, так как данная конвенция и говорит прежде всего именно о рабовладельческих странах, в которых твое право собственности признается и защищается государством, призывая их к отмене рабовладельческих режимов.

Дополнительная конвенция ООН о рабстве 1956 года как борется против рабовладельческих режимов, которые указаны выше, так как ни один из них на тот момент еще не упразднил рабовладельчество, так и призывает к отмене институтов и обычаев, сходных с рабством, то есть долговой кабалы, крепостного состояния, а также свадебных обычаев, не предполагающих согласия одной из сторон на заключение брака. В этой конвенции определения рабства также соответствует своей исторической ситуации и является уместным и правильным.

Таким образом, мы можем увидеть, что другие рассмотренные нами страны не используют те формулировки, которые даны в резолюциях ООН,

так как они просто описывают разные явления. ООН выступает против узаконенного рабства, а эти страны, в свою очередь, борются против незаконного принуждения к труду, сопряженного обычно с состоянием несвободы.

Так почему же в УК РФ использовано определение, которое дано в резолюции ООН, и необходимо ли его менять? Если говорить о причинах, то нельзя не упомянуть полное отсутствие в УК РСФСР соответствующего состава преступления [3]. Ближайший по смыслу – похищение человека – не описывает в полной мере состав принудительного рабского труда. Соответственно, так как российский законодатель сильно вдохновлялся УК РСФСР при составлении Уголовного кодекса, то и вовсе сначала не включил данное преступление в Уголовный кодекс, а появилось оно только 08.12.2003. И таким образом, при включении данной статьи в УК не было уделено достаточно внимания точности формулировок.

Мы, конечно, не считаем, что это первейшая необходимость – менять название данной статьи и некоторые особенности описания ее основного состава, так как в целом этот состав дает исчерпывающее определение такому труду. Однако редактирование неточных формулировок улучшило бы юридическую грамотность уголовного кодекса и позволило бы избежать некоторых неточностей. То есть название можно было бы изменить по германскому или бразильскому образцу, либо «Эксплуатация, влекущая лишение(утрату) свободы», либо «Приведение в состояние, аналогичное рабству». В определении можно было бы, например, раскрыть список полномочий, присущих праву собственности в данном конкретном случае, или дать исчерпывающий список действий, характеризующих рабский труд.

Литература

1. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVIII. – М., 1960. – С. 274–279.

2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии от 15.05.1871 (в редакции от 13.11.1998). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/ (дата обращения: 15.03.2021).

3. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 15.03.2021).

ВОПРОС О СНИЖЕНИИ ВОЗРАСТА НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

А.В. Кострова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
e-mail: duimova444ka@mail.ru
Научный руководитель: П.О. Кобылин, ассистент

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о снижении возраста наступления уголовной ответственности на фоне роста детской преступности. Проводится анализ проблемы с различных точек зрения психологов, юристов, а также мнения общественности.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности; несовершеннолетний; детская преступность; несовершеннолетний преступник; снижение возраста уголовной ответственности.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, как сообщает «Российская газета», несовершеннолетние в России ежегодно совершают, а также участвуют более чем в 40 тысяч преступлений. Почти до 145 тысяч подростков за год поставлены на учет подразделениями по делам несовершеннолетних [7]. Генпрокуратура также заявляет, что рост числа особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, говорит о серьезных недостатках в борьбе с подростковой преступностью. Отмечается и то, что дети и подростки в настоящее время взрослеют гораздо раньше и быстрее. Уже в более юном возрасте они могут в полном объёме осознавать значение своих действий. И хотя подростковая преступность стремительно расширяется и молодеет, государство на эти тревожные явления практически не реагирует. Причем, в последние годы отмечается рост числа детей-преступников, не достигших 14 лет, однако уголовной ответственности за совершение преступлений они не несут. В связи с этим одним из способов решения данной проблемы является пересмотр минимального возраста наступления уголовной ответственности.

В науке и на практике уголовного права проблема возраста наступления уголовной ответственности является одной из самых актуальных. В России эта тема обсуждается уже не первый раз. В 2012 году в Государственной Думе РФ был поднят вопрос о снижении возраста уголовной ответственности за особо тяжкие преступления до 12 лет [4, с. 238]. Также в 2009 году депутатом Жириновским был внесён аналогичный законопроект в Государственную Думу, но был отклонён. Попытки внести правки в Уголовное законодательство продолжаются и до сих пор, так, например, в 2020 году депутат Госдумы от «Единой России» Сергей Вострецов выступил в поддержку идеи о снижении возраста уголовной ответственности до 12 лет. Свою точку зрения он аргументировал тем, что количество преступлений и жестокость в подростковой среде растет, и дети должны нести ответственности за свое развязное поведение [9].

Исходя из действующего законодательства, общий возраст уголовной ответственности составляет 16 лет, а за отдельные виды преступлений − 14 лет [1]. Несомненно, при установлении минимального порога наступления уголовной ответственности законодатель учитывал данные психологии, физиологии и педагогики. Но стоит ли говорить о том, что настоящий Уголовный кодекс определяет этот возраст еще с 1996 года? Вполне возможно допустить мысль о том, что за такой длительный период, учитывая текущие темпы развития человечества в целом, изменились и установки человеческого поведения, и взгляды на них. Поэтому вопрос относительно снижения возраста уголовной ответственности назрел уже давно, и мнения людей разделились на две группы.

Одна из них считает, что нужно оставить в законодательстве все так, как оно есть. В поддержку этой позиции высказывают свое мнение как различные юристы, так и психологи. Так, президент Ассоциации детских психологов Александр Кузнецов уверен в том, что наша страна пока не готова к таким изменениям, так как не созданы учреждения ювенальной юстиции и отсутствует система помощи подросткам-преступникам [5, с.361–362]. Геннадий Сараев, уполномоченный по правам ребенка в Республике Карелия, детский психолог говорит: «Многие родители, которые не смогли себя в роли родителей реализовать, комиссия по делам несовершеннолетних и другие субъекты профилактики правонарушений получат возможность избавляться от сложных детей, отправляя их в места лишения свободы» [9]. Со стороны юристов высказывается Павел Астахов, который считает, что государству следует заниматься профилактикой детских правонарушений [10].

Другая же группа выдвигает мнение в поддержку снижения минимального порога. Инициаторы законопроекта о понижении возраста уголовной ответственности уверены в том, что принятие данной правки поможет изменить сложившуюся ситуацию с преступностью среди детей. Депутаты аргументируют это тем, что это позволит изолировать большее число преступников от общества. Также в целом ряде стран мира подростки привлекаются к уголовной ответственности даже с более юного возраста. Так, в некоторых штатах США дети старше 10 лет, совершившие особо тяжкое преступление, могут быть приговорены к пожизненному заключению (при общем возрасте подверженности уголовной ответственности с 16 лет). Также с 10 лет можно подпасть под суд в Англии, Австралии, Швейцарии. Уголовная ответственность с 13 лет наступает во Франции, с 14 – в Германии и Японии, в других странах Евросоюза – от 13 до 18 лет [3, с.361–362]. В Ирландии, как и в некоторых восточных странах, можно отправить в колонию 7-летнего ребенка за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [8].

Также можно увидеть, что зачастую 12-летние подростки совершают преступления осознанно и стараются просто замести следы, поэтому говорить о том, что 12-летние преступники не осознают своих действий, не приходится. Депутат Госдумы Владимир Поневежский отмечает, что за последнее время наблюдается тенденция омоложения преступности в России. Общество нуждается в необходимости возможности привлечения к уголовной ответственности с

целью восприятия подростками того, что их ожидает в случае совершения преступлений. Предполагается, что данная процедура будет иметь широкое профилактическое значение [11].

Помимо депутатов в поддержку изменений возраста уголовной ответственности высказывается О.И. Герасимова. Она считает, что возраст уголовной ответственности можно было бы снизить до 12 лет, аргументируя свою точку зрения следующим [3, с.126–130]. Во-первых, подростки до 14 лет часто совершают преступления, которые характеризуются целенаправленностью и осмысленностью. Во-вторых, виден рост увеличения количества отказов в возбуждении уголовных дел в отношении несовершеннолетних, включая совершивших преступление до наступления возраста уголовной ответственности, следствием чего является совершение повторных преступлений. В-третьих, цифра малолетних подростков, состоящих на учете за совершение серьезных правонарушений, но не привлеченных к уголовной ответственности, очень велика. А. Васильевский считает, что «интеллектуальная и волевая способность произвольной регуляции поведения наступает гораздо ранее 14 лет» [2, с.23–25].

Рассмотрев различные точки зрения касательно проблемы снижения возраста наступления уголовной ответственности, можно сделать вывод о том, что этот вопрос был и остается актуальным. Следует отметить, что по данным статистики наблюдается рост и омоложение преступности среди детей и подростков. При этом совершается огромное число тяжких и особо тяжких преступлений, но дети до 14 лет уголовной ответственности нести не могут. Поэтому вопрос о наказуемости малолетних остается открытым.

В свою очередь, мы считаем нужным согласиться с точкой зрения группы людей, которая выступает в поддержку снижения возраста уголовной ответственности. Мы полагаем, что на данном этапе развития общества данная правка могла бы помочь в решении сложившейся ситуации. По нашему мнению, изоляция детей-преступников до 14 лет повлияет как на улучшение общественной безопасности в целом, так и на формирование у малолетних плохого примера поведения. Нужно учитывать и то, что в современном мире ребенок растет и развивается быстрее, чем 25 лет назад. Дети, не достигшие возраста уголовной ответственности, могут осознавать характер своих действий, а также последствия, которые они несут. Так, Г.М. Миньковский и М.М. Бабаев, ссылаясь на работы психолога М.Л. Гомелаури, указывают, что большинство подростков к 11 годам в состоянии не только прогнозировать, но и учитывать вероятные последствия своих действий для других лиц [6, с. 14]. Поэтому дети, осознанно совершившие преступление в возрасте до 14 лет, остаются безнаказанными, так как мер, направленных на это, просто не существует. На данный момент в нашей стране нет реальных механизмов помощи малолетним преступникам. Уже существующая система профилактики в России имеет определенные пробелы в эффективности, судя по показателям статистики. Система исправления и психологической реабилитации уже оступившихся детей также оставляет желать лучшего. В масштабах нашей страны реализовать идею улучшения органов профилактики и реабилитации будет крайне сложно. Это связано с боль-

шой территорией страны, на которой полноценное введение профилактики и реабилитации займет долгое время. Оценивая темпы развития человечества, актуальность применяемых методов на момент полного введения будет сомнительна. Поэтому мы считаем, что возраст уголовной ответственности понижать нужно, но с параллельным введением полноценной системы ювенальной юстиции.

Таким образом, подход к решению проблемы возраста уголовной ответственности должен быть взвешенным. В свою очередь, законодатель должен учитывать различные аспекты, относящиеся как к личности ребенка, так и к современному обществу в целом. В противном случае, это решение может только усугубить сложившуюся ситуацию.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 марта 2021 года. – М.: Проспект, 2021. – 352 с.

2. Васильевский А. Возраст как условие уголовной ответственности // Законность. – 2000. – № 11. – С.23–25.

3. Герасимова О.И. Отдельные аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – №4. – С.126–130.

4. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Т. 28 (196). – 2010 г. Весенняя сессия. 26 марта – 20 апреля. – М.: Издание Государственной Думы, 2012. – 800 с.

5. Еременкова Ю.И. Снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних: за и против // Молодой ученый. – 2015. – № 17 (97). – С.361–362.

6. Миньковский Г.М., Бабаев М.М. Права и долг молодого гражданина. – М., 1974. – С. 14.

7. Российская газета. – 2020. – Апрель.

8. Российская газета. – 2017. – Октябрь.

9. Учительская газета: независимое педагогическое издание. – 2020. – Сентябрь.

10. Информационный портал «Кубань 24». – URL: https://kuban24.tv/item/astahov-raskritikoval-ideyu-snizit-vozrast-ugolovnoj-otvetstvennosti-149681 (дата обращения: 2. 04. 2021).

11. Законопроект о снижении возраста уголовной ответственности. – URL: http://ria.ru/society/20120301/583378493.html (дата обращения: 2. 04. 2021).

КОНТРОЛЬ ЗА ДОХОДАМИ И РАСХОДАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И ИНЫХ ЛИЦ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

А.А. Кузнецова
Московский университет имени С.Ю. Витте
Нижегородский филиал, студент
Россия, Н. Новгород; e-mail:nastya19990910@mail.ru
Научный руководитель: С.А. Попова, к.юр.н, доцент

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся системы государственного контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства путем принятия соответствующего федерального закона, которым необходимо регламентировать виды государственного контроля, его формы, субъекты государственного контроля, административные контрольные процедуры и критерии оценки эффективности контрольных мероприятий. Автор считает, что необходимо активно внедрять механизмы автоматизации контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства. Это позволит повысить уровень открытости и беспристрастности деятельности по выявлению коррупционных правонарушений, а также позволит более эффективно взаимодействовать правоохранительным органам и государственным органам, осуществляющим контроль и надзор за соблюдением законодательства о противодействии коррупции.

Ключевые слова: коррупция; контроль доходы и расходы; государственный служащий; противодействие коррупции.

Важным направлением деятельности государственных органов по минимизации коррупционных рисков является разработка системы мониторинга по оценке коррупционных рисков. В подготовленных Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации [1] методических рекомендациях по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций, ставится вопрос о регламентировании административных процедур на дополнительные стадии с независимыми друг от друга должностными лицами. В данной ситуации не только увеличивается бюрократическая составляющая, но и становится непонятным, каким образом независимые должностные лица будут взаимодействовать. Возможно, в данном случае речь идёт о координирующей роли органов прокуратуры.

На основании действующего законодательства гражданские, муниципальные служащие в период с 1 января до 30 апреля представляют сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на себя, супругу (супруга) и малолетних детей (далее справка о доходах) [4]. По данным Росстата, численность служащих, замещавших должности гражданской службы в федеральных государственных органах, на конец сентября 2016 года составляла 38 тыс. человек. На региональном уровне (в федеральных государственных органах и государственных органах субъектов РФ) на конец сентября 2016 года работали 682,2 тыс. человек. На должностях муниципальной службы было занято 307,6 тыс. человек (64,5% от общей численности занятых в органах местного самоуправления и избиркомах муниципальных образований) [2]. Если добавим справки на супруга (супругу), несовершеннолетних детей лиц, претен-

дующих на замещение вакантных должностей, формирования кадрового резерва, то на кадровые и надзорные органы ложится огромный массив информации, в рамках контроля за соответствием расходов и доходов указанных лиц.

Указ Президента РФ от 02.04.2013 №309 [7] устанавливает, что справки заполняются собственноручно или с использованием программного обеспечения в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации. Поэтому формальный признак проверок зачастую имеет место. Тщательно, как показывает практика, сведения о доходах и расходах проверяются при поступлении на государственную или муниципальную службу, при запросах правоохранительных органов и выявлении коррупционных правонарушений.

Как показывает практика, за один год государственный служащий может иметь расходы по нескольким сделкам, превышающие в несколько раз больше размер общего дохода лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки.

Проведенные подсчёты показывают, что гражданский служащий может осуществлять неопределенное количество сделок, каждая из которых не превышает уровень общего дохода лица и его супруги (супруга) за три последних года, супруги вправе не отчитываться по каждой из них. Данная схема может использоваться не только в отношении движимого, но и в том числе недвижимого имущества, что создает коррупционные риски.

Представленную комбинацию, законность которой вызывает определённые сомнения, можно выявить при помощи справки о доходах, так как приобретение ряда движимого и недвижимого имущества отражается в строке имущественные обязательства. Возникает вопрос, имеется ли на данный момент качественный контроль, позволяющий раскрыть вышеуказанную схему, либо, если он отсутствует, необходимо вводить его.

На основании ст. 8 ФЗ РФ от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [5], сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей обязаны представлять представителю нанимателя (работодателю) лица, перечисленные в данной статье. Статья закрепляет отсылочную норму, содержание которой определяет, что порядок представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера устанавливается федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными актами Центрального банка Российской Федерации. В правоприменительной практике учредитель или уполномоченное лицо осуществляет контроль за сведениями о доходах и расходах в соответствии с Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 2303 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [6]. Закон закрепляет перечень должностных лиц, за которыми осуществляется контроль, а также основания для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица, замещающего (занимающего) должность.

Проверку и контроль за расходами и доходами осуществляют многочисленные инстанции от правоохранительных органов до отдельных подразделений финансовых уполномоченных.

Основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица, замещавшего (занимавшего) одну из должностей, указанных в п.1 ч.1 ст. 2 Федерального закона, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей является поступление в органы прокуратуры Российской Федерации материалов, предусмотренных ч.6 ст.16 Федерального закона.

В части контроля за сведениями о доходах и расходах муниципальных служащих полномочия проверки отнесены к сотрудникам кадровой службы, что раскрывается в ФЗ РФ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3]. В свою очередь, понятие организации контроля и проверки сведений на уровне субъекта РФ более широко раскрывается, например, в Положении, утвержденным Указом Губернатора Свердловской области от 10.12.2012 №920-УГ «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей муниципальной службы в Свердловской области, и муниципальными служащими в Свердловской области, и соблюдения муниципальными служащими в Свердловской области требований к служебному поведению» [8].

В системе контроля и проверок сведений о доходах и расходах необходим специализированный орган. Именно такой способ противодействия коррупции закреплен в статье 36 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. Российская Федерация подписала Конвенцию ООН против коррупции 09.12.2003 года, ратифицировала Конвенцию 08.03.2006 года 40-ФЗ [9].

Создание специализированного органа позволит более эффективно предупреждать, пресекать и выявлять правонарушения, при условии, если такой орган (лицо) будет обеспечен необходимой самостоятельностью, с тем чтобы имелась возможность выполнять свои функции максимально эффективно и без какого-либо ненадлежащего влияния. Сам процесс создания специализированного органа повлечет за собой большое количество издержек, привлечение дополнительных ресурсов, колоссальных затрат из государственного бюджета и потребует долгого процесса становления. В связи с этим возможна более упрощенная форма создания такого института путем реформирования уже существующего органа государственной власти.

Например, таким объектом контроля может выступить и Федеральная налоговая служба, в структуре которой возможно создание отдела по борьбе с коррупцией с привлечением и трудоустройством в него лиц, обладающих надлежащей квалификацией и ресурсами для выполнения своих задач. Также для повышения эффективности необходимо становление и повышение координации такого отдела с другими органами власти, в том числе с полицией, Следственным Комитетом Российской Федерации и органами прокуратуры, в которых возникает необходимость выделения отдельной категории сотрудников, выполняющих координацию с отделом ФНС по борьбе с коррупцией [10].

Чтобы максимально повысить эффективность борьбы с коррупцией, недостаточно только одного создания специализированного органа, такое структурное изменение должно сочетаться с ужесточением ответственности за противоправные деяния и четким взаимодействием. Особое место в деятельности специализированного органа должно занимать использование новых информационных ресурсов. Предлагаем также разработать административный регламент деятельности специализированного органа по проверке «Сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера».

Целями данного регламента будут являться:

- формирование методологии проведения анализа сведений, направленного на оценку объективности и соразмерности имущественного положения отдельных категорий лиц их доходам;

- выявление признаков и коррупционных рисков представления недостоверных или неполных сведений, конфликта интересов, иных нарушений положений законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции;

- обеспечение соблюдения государственными (муниципальными) служащими, работниками, на которых распространяется обязанность представлять сведения, требований антикоррупционного законодательства.

Отметим преимущества специализированного органа:

- высокая компетентность специалистов, отвечающих за осуществление функций проверки сведений о доходах, а также персональная ответственность;

- освобождение государственных структур от выполнения ими несвойственных функций;

- стандартизация, формализация и программирование системы проверок и контроля процессов; исключение дублирования и параллелизма в выполнении управленческих функций;

- уменьшение потребности в специалистах широкого профиля в других государственных органов власти.

В данном случае возникают проблемы, которые также требуют решения:

- чрезмерная заинтересованность в реализации целей и задач «своих» и корпоративных интересов;

- системный обмен информацией в поддержании постоянных взаимосвязей между различными уровнями власти и правоохранительными органами;

- возможна чрезмерная централизация;

- относительно застывшая организационная форма.

Таким образом, на сегодняшний день, контроль над гражданскими служащими в области представления ими личных доходов и расходов эффективен не в полном объеме, поскольку при данной системе существуют проблемы самого контроля, наличие в нем коррупциогенных рисков, а также проблемы правоприменительной практики в судах при разрешении вышеназванных в работе категории дел.

Литература

1. Письмо Минтруда России от 22.07.2013 №180/10/2-4077 «О проведении оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций» (вместе с «Методическими

рекомендациями по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций») // СПС «КонсультантПлюс».

2. Сколько в России государственных и муниципальных служащих. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/ doc/3188724 (дата обращения: 3.12.2020).

3. ФЗ РФ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 23 мая 2016 г. №143-ФЗ) «О системе государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 22.

4. ФЗ РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 02.12.2019. №418-ФЗ) «О государственной гражданской службе Российской Федерации // СЗ РФ. – 2004. – № 31.

5. ФЗ РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 26 июля 2019 года № 251-ФЗ) // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (часть I); 2019. – №28.

6. ФЗ РФ от 3 декабря 2012 г. №2303 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. – 2012. – №46.

7. Указ Президента РФ от 02.04.2013 №309.

8. Указ Губернатора Свердловской области от 10.12.2012 № 920-УГ (ред. 14.02.207) «Об утверждении Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей муниципальной службы в Свердловской области, и муниципальными служащими в Свердловской области, и соблюдения муниципальными служащими в Свердловской области требований к служебному поведению» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Конвенция ООН против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // СЗ РФ.– 2006. – № 26.

10. Попова С.А. Современные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2 (45). – С. 48–51.

ОТГРАНИЧЕНИЕ УБИЙСТВА ОТ ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПОВЛЕКШЕГО ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

А.А. Кусакин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
e-mail: mr.kusakin@mail.ru
Научный руководитель: П.О. Кобылин, ассистент

В статье рассматриваются смежные составы, предусмотренные ч.1 ст.105 УК РФ и ч.4 ст.111 УК РФ, анализируется их схожесть и различие, приводятся аргументы к их отграничению при анализе фактических данных и вырабатывается наиболее объективный способ их разделения на практике.

Ключевые слова: убийство; причинение смерти по неосторожности; причинение тяжкого вреда здоровью; смежность составов; отграничение.

В настоящее время в уголовной теории и практике все чаще и чаще встает вопрос о разграничении составов, предусмотренных ч.1 ст. 105 УК РФ (убийство) и ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, повлекшее причинение смерти по неосторожности). При этом сам законодатель в данных составах для применения указывает самый значимый, на его взгляд, признак – наличие или отсутствие умысла. При убийстве следует прямой либо косвенный умысел, при причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть, – сочетание двух форм вины. Однако необходимо понимать важный момент: смежность составов еще не влечет затруднение в их разграничении, как, например, ст.105 и ст.109 УК РФ соответственно: как отмечают исследователи, в случае с убийством ясно видна прямая причинно-следственная связь между действием (бездействием) лица и последующее наступление смерти потерпевшего – выстрел из огнестрельного оружия в тело жертвы влечет смерть последней, а при причинении смерти по неосторожности прослеживается более продолжительная цепь причинно-следственных связей – мать засыпает с ребенком в ванной, в результате чего тот захлебывается и умирает [5, с.80]. Важнейший для законодательного отграничения данных составов признак – умысел – имеет здесь гораздо более существенное практическое применение, чем при сравнении составов, предусмотренных ч.1 ст.105 УК РФ и ч.4 ст.111 УК РФ.

Позиция правоприменителя в лице Пленума Верховного Суда РФ относительно рассматриваемой темы звучит следующим образом: «Необходимо отграничивать убийство от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, имея в виду, что при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности» [1]. Предложенная позиция, по сути своей, не объясняет ничего, просто еще раз констатируя факт обязательного фиксирования субъективной стороны при квалифи-

кации совершенного деяния. Отметим еще раз, что в диспозиции ч.1 ст.105 УК РФ делается указание на *умысел* совершаемого деяния, так же и в ч.4 ст.111 делается указание на неосторожность причинения смерти. Поэтому позиция Верховного Суда просто переформулирует нормы, данные законодателем. Однако дальше Верховный Суд дает указания, как следует определять умысел, исходя из объективной реальности: «необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения» [1]. Давайте кратко разберем основные положения данного утверждения.

Орудие и способ совершения преступления показывает, насколько лицо готовилось к совершению преступления, имеет ли место иной состав преступления, показывающий умышленность причинения смерти (приобретение и последующее хранение оружия и боеприпасов к нему, изготовление взрывных устройств). Однако на практике этот признак не является ключевым, поскольку зачастую, имея даже заранее обдуманный умысел, лицо использует в качестве орудий совершения убийства бытовые предметы либо не использует никаких орудий вообще. Так, например, подсудимая Сантьева Ю.А. в ходе возникшей ссоры на почве личной неприязни подошла к потерпевшему ФИО 1 и не менее двух раз сжала ему шею, в результате чего потерпевший скончался. Исходя из данной ситуации, мы не можем ставить во главу угла признак способа и орудия совершения преступления [2].

Количество, характер и локализация телесных повреждений является комплексным признаком. *Количество* повреждений указывает на продолжительность совершения деяния, на то, как долго лицо наносило повреждения жертве. *Характер* повреждений говорит о том, какие эмоции испытывал субъект в момент их нанесения (например, рваные резаные раны говорят о высокой степени возбужденности в момент совершения преступления и так далее). *Локализация* повреждений как ключевой элемент данного признака свидетельствует, во-первых, об эмоциональном состоянии субъекта, но охватывается промежутком совершения преступления, а во-вторых, что особенно важно, о степени осознанности лицом совершаемого деяния. Именно последний признак здесь чаще всего и позволяет квалифицировать деяние как таковое, поскольку именно локализация, как правило, указывает на умышленность либо на неосторожность причиняемого вреда. Совершение нескольких выстрелов в голову и область сердца явно свидетельствуют о том, что совершено убийство, а нанесение множества ударов разной силы руками и ногами в различные части тела, в том числе и жизненно важные органы, и последующая смерть – о том, что имеет место причинение умышленного вреда здоровью с причинением смерти по неосторожности, поскольку лицо в момент совершения деяния могло не осознавать последствий своих действий в виде причинения смерти, к примеру, находясь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, физиологического аффекта, психического расстройства, не исключающего вменяемости (сильная депрессия, олиго-

френия), но этого мы коснемся ниже, однако также нельзя не обращать внимание на характер и количество нанесенных повреждений.

Предшествующее и последующее поведение лица также может свидетельствовать о тех или иных намерениях субъекта при совершении деяния, но опять же в совокупности с остальными признаками, выделяемыми Верховным Судом. Предлагается в каждой конкретной ситуации действовать согласно обстоятельствам, однако необходимость в составлении более конкретных правовых или хотя бы правоприменительных предписаний присутствует.

В практике еще применяется подход определения момента смерти, то есть если смерть наступает мгновенно, то налицо убийство, а если в течение какого-то времени с момента нанесения телесных повреждений, то ч.4 ст.111 [3, с.69]. Применительно к этому стоит отметить, что данный подход не в полной мере описывает всю картину произошедшего, так как, во-первых, не определены четкие временные рамки, в которых смерть человека от полученных телесных повреждений можно считать убийством, а во-вторых, опять-таки нет привязки к умыслу лица на совершение того или иного деяния, ведь умыслом может охватываться и то, что жертва не умрет мгновенно, а только через некоторое время, что следует учитывать при квалификации того или иного деяния.

Также стоит отметить подход определения причины смерти лица, который показывает, стали ли причиненные телесные повреждения причиной смерти либо же они вызвали цепь причинно-следственных связей, вследствие которых потерпевший скончался. К примеру, рана артерии в паховой области вызвала обильное кровотечение, вследствие чего от потери крови потерпевший умер. Сама по себе рана, даже глубокая и проникающая, не всегда является причиной смерти, в отличие, к примеру, от умышленного выстрела из огнестрельного оружия. Однако данный подход аналогично предыдущему не до конца помогает квалификации, поскольку умысел на убийство может быть реализован и посредством таких неочевидных, на первый взгляд, действий, именно поэтому, как мы уже отметили, следует обращать внимание на локализацию повреждений.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы: законодатель и правоприменитель делают основной акцент на форме вины, Верховный Суд указывает на необходимость обращать внимание на все обстоятельства дела, мы указываем на локализацию нанесенных повреждений как на наиболее важный при квалификации деяния.

Однако не стоит зацикливаться только на локализации телесных повреждений. Стоит также обратить внимание на поведение лица во время совершения деяния, поскольку данный фактор более точно указывает на намерения лица. Конечно, определять это сложнее, чем предшествующее и последующее поведение, но, во-первых, нельзя не ссылаться на показания самого лица, во-вторых, на свидетельские показания, а в-третьих, возвращаясь к выводам Верховного Суда, следует аналогичным образом изучать характер нанесенных повреждений. Обоснуем это следующими причинами – почему определяющим фактором является поведение лица именно во время совершения преступления: первое, во время совершения преступления лицо полностью раскрывается с психологической

точки зрения, со своей позиции оно не рассчитывает быть пойманным, поэтому чаще всего реализует намерения напрямую, и второе, что вытекает из первого, лицо именно в этот момент реализует умысел, т.е. субъективная сторона может быть зафиксирована с максимальной объективностью только в этот момент. Отграничение от способа совершения преступления следующие: лицо может намеренно использовать способы совершения убийства, для него нехарактерные (нанесение большого количества ударов разной силы, использование нелетальных спецсредств и так далее). Поэтому главными показателями формы вины при квалификации деяния для нас являются локализация и поведение лица непосредственно в момент в совершения деяния.

В заключение давайте отметим, что в научной среде существует мнение по поводу ненужности состава, предусмотренного ч.4 ст.111, поскольку, по мнению некоторых авторов, данный состав является лишним, поскольку нанесение вреда, опасного для жизни и здоровья, само по себе указывает на необходимость осознания лицом последствия своих действий, т.е. ч.4 ст.111 УК РФ – всего лишь убийство с косвенным умыслом [4, с.89]. Отвечая на данный вопрос, можно говорить о том, что тяжкий вред здоровью может быть причинен разными способами, не только причинением вреда, опасного для жизни (полный перечень ситуаций, когда содеянное квалифицируется как тяжкий вред, перечислен в диспозиции ч.1 ст.111 УК РФ). К примеру, потерпевшему выкололи оба глаза, что не явилось причиной для развития более тяжелых последствий в организме, но в течение следующих нескольких секунд потерпевший вследствие невозможности видеть окружающий мир споткнулся и упал, сломав себе шею. Если мы обратимся к вышеизложенному, то увидим, что при убийстве необходима прямая причинно-следственная связь между деянием лица и наступившими общественно-опасными последствиями, а здесь при иных обстоятельствах смерть бы не наступила. Тем самым оправдывается право на существование состава, предусмотренного ч.4 ст.111 УК РФ.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 №1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 02.04.2021)

2. Приговор №1-75/2017 от 30.03.2017 по делу №1-75-17. Кировский районный суд, г. Кемерово (Кемеровская область). – URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-105-uk-rf-ubijstvo/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-105-uk-rf--1-752017--ubijstvo.html (дата обращения: 02.04.2021).

3. Попова С.А. Спорные вопросы отграничения убийства от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего // Законность и порядок. – 2018. – № 4.

4. Сапожникова К.А. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего от убийства // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 5.

5. Захаров Н.С. Отграничение убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека и от причинения смерти по неосторожности // Юриспруденция и право в современном обществе: сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2020.

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 122 УК РФ «ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ»

Л.Г. Мураталиева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: rkheyd@mail.ru
Научный руководитель: С.А. Попова, к.юр.н, доцент
e-mail: popovasveta@list.ru

В статье рассмотрены понятия «ВИЧ-инфекция», «СПИД», диспозиции статьи 122 УК РФ, её состав, способы передачи инфекции. На конкретном жизненном примере раскрываются проблемы применения статьи. Автором предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция; способы передачи инфекции; 122 УК РФ.

В 2011 году Федеральный закон от 7 марта 2011 г. №26 ввел в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией».

ВИЧ-инфекция – это антропонозное заболевание с контактным путем передачи, вызываемое вирусом иммунодефицита человека, медленно прогрессирующее и характеризующееся поражением иммунной системы с развитием СПИДа. СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита) – конечная стадия ВИЧ-инфекции, при которой наблюдаются патологические проявления, обусловленные глубоким поражением иммунной системы человека вирусом иммунодефицита человека [4].

Статья 122 УК РФ содержит следующий состав:

1. Объективная сторона. Она выражается в поставлении другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией.

Поставление в опасность заражения заключается в действии (бездействии), создающем реальную опасность (возможность) попадания ВИЧ-инфекции в организм другого человека. Таким образом, любое соитие ВИЧ-зараженного, который не сказал о своем статусе, является уголовно наказуемым деянием.

Поставление в опасность, закончившееся заражением ВИЧ-инфекцией, не требует вменения ч. 1 ст. 122 УК РФ, так как поставление в опасность – неизбежный этап и более ранняя стадия заражения.

2. Объектом преступления является здоровье и жизнь человека.

3. Субъектом преступления выступает специальное лицо, носитель ВИЧ-инфекции либо больной СПИДом. Также это может быть медицинский работник, татуировщик и др.

4. Субъективная сторона включает заведомость. Лицо, зная о необходимости соблюдения санитарно-гигиенических правил, сознательно им пренебрегает, идет на нарушение этих правил, зная, что тем самым ставит потерпевшего в опасность заражения.

Статья содержит следующие диспозиции:

1) заведомое поставление другого лица в опасность заражения;

2) заражение ВИЧ-инфекцией;

3) заражение двух или более лиц либо несовершеннолетнего лица;

4) заражение вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

В медицинской науке выделяют три основных способа передачи инфекции:

1. Половой. Например, при половом сношении.

2. Парентеральный, то есть через кровь. Например, это может быть предоставление использованного шприца для введения наркотиков.

3. Вертикальный (от матери к плоду).

На самом деле статья используется очень редко. Например, в 2019 году по ней судили всего 77 человек (для сравнения, за убийство в тот год судили 6 тысяч, а за кражу – 225 тысяч человек) [1]. Максимальный срок – до 5 лет, в большинстве случаев дают условное наказание.

Статья содержит ряд неточностей и проблем в правоприменении. Это связано, во-первых, с тем, что многие люди не хотят предавать огласке свой статус [3]. Во-вторых, заражение ВИЧ-инфекцией на практике не всегда удается доказать. Существуют анонимные тесты на наличие ВИЧ-инфекции, что позволяет маргинальным лицам не проходить обследование в государственных клиниках и не вставать на учет в медицинских учреждениях.

Так, одна пара (Андрей и Анна) спустя некоторое время совместного проживания решилась не небезопасный половой акт. После девушка почувствовала недомогание и прошла обследование. Тест на ВИЧ-инфекцию оказался положительным. Парень признал, что заразил её. Анна решила наказать Андрея, который в свою очередь продолжал заниматься беспорядочным соитием, скрывая свой статус ото всех. Она позвонила отцу Андрея и рассказала ему всё. «Вы вообще понимаете, что он со мной сделал? Что это подсудное дело, что есть 122-я статья?» Отец Андрея оказался влиятельным столичным адвокатом и не растерялся. Он записал телефонный разговор и всё проанализировал. Через неделю спокойно перезвонил и повернул стрелки наоборот: так как Андрей сдавал все анализы анонимно, он нигде не состоял на учёте и его ВИЧ-статус не был нигде отражён. «Де-юре мой сын абсолютно чист» – слова отца Андрея. А вот Анна уже начала принимать терапию от государства – значит, она легко могла стать обвиняемой в этом деле, ведь из них двоих это у Анны на руках есть подтверждённый статус. Это абсолютно безвыходная ситуация: доказать, кто кого заразил первым, в этом случае невозможно [2].

«Мне пришлось простить его. Не сразу, конечно, но пришлось, потому что наказать человека, который не состоит на учёте, в нашей стране нереально. И крутой адвокат может повернуть это всё таким образом, что ты станешь крайней. Андрей ещё звонил мне несколько раз, угрожал, мол, готовься, скоро уедешь в тюрьму. Он никого не боялся, кроме отца, – так что хоть так я его наказала, теперь вся его семья знает. Пусть катятся оба»,– комментирует Анна.

Ряд активистов требуют декриминализовать заражение ВИЧ-инфекцией, то есть не признавать данное деяние преступлением. Свое мнение они обосновывают тем, что это усиливает стигматизацию ВИЧ в обществе и нарушает

права граждан на медицинскую тайну, поскольку происходит насильственное раскрытие ВИЧ-статуса.

Таким образом, норма права о заражении ВИЧ-инфекцией недостаточно эффективна. Решение некоторых проблем возможно путем выработки терминологии и правоприменительной позиции с учетом развития медицинских технологий.

Литература

1. Информационная система «Достоевский». – URL: https://beta.dostoevsky.io/ru/122/2019/ (дата обращения: 20.03.2021).

2. Информационная система «BAZA». – URL: https://zarazhenie.baza.io/4/ (дата обращения: 20.03.2021).

3. Кувшинова В.С. Проблемы практики применения статей 121, 122 УК РФ. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39185963 (дата обращения: 20.03.2021).

4. Сверчков В.В. Уголовное право. Особенная часть: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2021 – 280 с.

5. Боровиков В.Б. Уголовное право. Общая и Особенная части. Практикум: учеб. пособие. – М.: Юрайт, 2016.

6. Боровиков В.Б., Смердов А.А. Уголовное право. Особенная часть. Практикум: учебник. – М.: Юрайт, 2016.

7. Н.Г. Иванов. Уголовное право. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2017.

8. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть: в 2 т. Том 1: учебник. – М.: Юрайт, 2017.

9. Уголовный Кодекс РФ: научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Е.В. Благова. – М.: Проспект, 2021. – 1152 с

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – №25. – Ст. 2954.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ

А.А. Никитина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
e-mail: a.nikitina2001@mail.ru
Научный руководитель: П.О. Кобылин, ассистент

В статье автор поднимает вопрос о целесообразности введения уголовной ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, выявляет причины агрессии к медицинским работникам. Автор пришел к выводу, что введение данного состава преступления не вполне эффективно.

Ключевые слова: воспрепятствование оказанию медицинской помощи; медицинский работник; пациент.

Практически все сферы жизни в настоящее время регулируются государством посредством нормативных правовых актов. С 6 августа 2019 года действует норма уголовного права, предусматривающая ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи. Статья 124^1 Уголовного кодекса Российской Федерации введена Федеральным законом от 26.07.2019 №206 – ФЗ. В пояснительной записке к законопроекту говорилось о том, что часто стали совершаться противоправные действия в отношении медицинских работников, увеличились нападения на сотрудников скорой помощи. Так, например, в городе Омске «Скорая помощь» заключила договор с Росгвардией, и медики получили возможность пользоваться тревожной кнопкой в случае опасности. В Кузбассе бригады «Скорой помощи» оснастили электрошокерами. Водителей вооружили травматическими пистолетами. Нередки случаи, когда медицинские работники обращаются с просьбой об усилении мер безопасности в больницах и поликлиниках от агрессивных пациентов.

С чем же связано агрессивное отношение к медицинским работникам и каковы причины этого явления? Врачам ежедневно приходится сталкиваться с людьми, которые находятся в состоянии сильного эмоционального возбуждения. В большинстве случаев это может вызвано страхом за свою жизнь или жизнь близкого человека. А.В. Голенков в качестве мотива также выделяет недовольство «больных качеством медицинской помощи, общением между врачом и больным, недоучетом психологических моментов в лечебной работе» [2]. Кроме этого, вызывает опасение состояние российской медицины. В настоящее время происходит сокращение медицинского персонала, бригад скорой помощи, наблюдаются нарушения в сфере госзакупок лекарственных препаратов, что негативно сказывается на качестве оказываемых услуг. Повышенная агрессивность отражает состояние неуверенности и недоверия общества к медицинской помощи. «Если раньше это было полубожество, которое могло спасти, то сейчас врач – равнодушный взяточник. Поэтому на него и руку можно поднять» [4].

В зарубежной литературе отмечается, что от 39 до 76% работников медицины сталкиваются с агрессией и насилием в отношении себя. Объектами нападений в 67% случаев становятся медсестры и младший медицинский персонал, на долю врачей приходится 12%. Возникает вопрос, каким способом можно защитить медицинских работников от агрессивно настроенного общества?

Как отмечалось ранее, в 2019 году уголовный закон был дополнен новым составом преступления: «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи» (статья 2411 УК РФ). Указанная статья состоит из двух частей. Основной состав предусмотрен в части 1: «Воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью пациента». Данный состав относится к преступлениям небольшой тяжести. Квалифицированный состав, предусмотренный частью 2, повышает ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, повлекшее по неосторожности смерть пациента и относится к категории преступлений средней тяжести.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека. В качестве дополнительного объекта необходимо выделить и законную деятельность медицинского работника, так как причинение вреда здоровью пациента связано с воспрепятствованием оказанию медицинской помощи. Потерпевшим является пациент. Согласно Федеральному закону от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» пациентом признается «физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния». «Медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг». Следует отличать от потерпевшего, которого предусматривает статья 124 УК РФ «Неоказание помощи больному». Больной – биологический статус человека, который поражен каким-либо заболеванием. Пациент же является правовым статусом независимо от наличия заболевания. Спорным является вопрос о том, можно ли медицинского работника считать потерпевшим? Данная норма не дает ответа на поставленный вопрос. С одной стороны, законная деятельность медицинского работника является дополнительным объектом данного состава преступления, и воспрепятствование такой деятельности влечет вред. С другой стороны, диспозиция нормы указывает лишь на причинение вреда пациенту. Поэтому потерпевшим стоит считать только пациента.

Характеризуя объективную сторону, нужно отметить, что состав преступления является материальным, так как момент окончания связан с наступлением преступных последствий. Деяние заключается в воспрепятствовании законной деятельности медицинского работника в любой форме, причинно-следственной связи и последствиях в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента. Деяние может быть как действием, так и бездействием, уголовный

закон не предусматривает перечня возможных форм. Первоначальный текст нормы содержал такой перечень, в него входили удержание, угрозы, создание препятствий по доступу к больному. Однако в официальном отзыве Верховного суда РФ указывалось на отсутствие конкретного содержания признака «создание препятствий по доступу к больному» могло повлечь широкое усмотрение правоприменителя.

Субъективная сторона данного состава преступления характеризуется виной в форме небрежности. Сама конструкция состава преступления предусматривает умышленную форму вины, поэтому создается впечатление, что воспрепятствование оказанию медицинской помощи является преступлением с двумя формами вины, но это может быть только в квалифицированных составах. Также необходимо отметить, что само по себе воспрепятствование оказанию медицинской помощи является административным правонарушением, уголовная ответственность наступает в случае причинения тяжкого вреда здоровью пациента или его смерти.

Субъектом является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Возникает вопрос о целесообразности введения рассматриваемого состава преступления. С одной стороны, защищается здоровье пациента от воспрепятствования оказания ему медицинской помощи. С другой стороны, нелогично выделять только лишь сферу медицинских услуг, так как вред может быть причинен и другой деятельности. Российский юрист Е.В. Топильская говорит: «Мы падаем в воронку уголовной юстиции». И это действительно так, с появлением новых составов преступлений возбуждается еще больше дел, что в свою очередь усложняет процесс судопроизводства. Также Е.В. Топильская отмечает, что большинство нововведений вносится на волне популизма, то есть деятельности, основанной на манипулировании популярными в обществе ожиданиями, в то время как уголовное законодательство должно быть лаконичным и иметь четкую структуру.

Таким образом, общественная опасность данного преступления заключается в том, что в результате каких-либо препятствующих работе медиков действий или бездействий здоровью пациента причиняется тяжкий вред здоровью или наступает его смерть. Данная норма является недоработанной. Так, например, к уголовной ответственности по статье 124^1 УК РФ могут быть привлечены как водители, не уступившие дорогу «скорой помощи», так и члены какой-либо секты, сознательно препятствующие лечению своих детей, исходя их своих убеждений. Из этого следует, что необходимо исключить данную статью из уголовного закона, так как невозможно объективно оценить, почему пациентам предоставляется большая правовая защита. Но в то же время состояние современной медицины указывает на то, что необходимо усиливать безопасность деятельности медицинских работников, так как именно они в ответе за жизнь и здоровье граждан, что является высшими ценностями государства. Для этого целесообразнее ужесточить административную ответственность за воспрепят-

ствование законной деятельности медицинского работника, чем вводить новый состав преступления в Уголовный кодекс.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 марта 2021 года. – М.: Проспект, 2021. – 352 с.

2. Голенков А.В. Гибель медицинских работников от рук больных (психиатрический аспект) // Медицинская сестра. – 2018. – №1. – С. 22.

3. Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи: социальная обусловленность и критический анализ законодательных новелл // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева, 2019. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-vosprepyatstvovanie-okazaniyu-meditsinskoy-pomoschi-sotsialnaya-obuslovlennost-i-kriticheskiy-analiz/viewer (дата обращения: 01.04.2021).

4. Нахлебова Н. Врач под ударом. Можно ли защитить медиков от агрессии пациентов? // КоммерсантЪ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3751320 (дата обращения: 02.04.2021).

5. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. – М.: Проспект, 2015. – 232 с. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2016-02-035-rarog-a-i-problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-po-subektivnym-priznakam-m-prospekt-2015-232-s/viewer (дата обращения: 31.03.2021).

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ И КОРРУПЦИИ

С.А. Попова[1], Я.Ю. Александров[2]

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Россия, г. Нижний Новгород

[1]к.юр.н, доцент, e-mail: popovasveta@list.ru

[2] студент; e-mail: steamferma_001@mail.ru

В научной статье анализируется организационно-экономический инструментарий противодействия теневой экономике и коррупции. Создание эффективной системы мер по обеспечению экономической безопасности России требует формирования специфического инструментария, направленного на противодействие коррупции и теневым экономическим отношениям. Авторы статьи считают, что в современных российских условиях необходимо применение комплексного инструментария противодействия коррупции и теневой экономике, реализация которого будет способствовать декриминализации национального хозяйства как основы его устойчивости и стабильного развития.

Ключевые слова: безопасность; экономика; коррупция; противодействие коррупции; теневая экономика.

Реализация государственной экономической политики – это динамичный процесс достижения поставленных целей и выполнения задач, в котором принимают участие различные органы государственной власти и институты гражданского общества. Воплощение в жизнь начинается с момента одобрения и легитимации экономической политики или определенной программы.

Определение механизма реализации государственной экономической политики является составной частью, включающей совокупность средств, методов и ресурсов, необходимых для эффективного выполнения планируемых мероприятий, которые закреплены в государственных программах.

Субъектами регулирования механизма реализации экономической политики являются:

1. Законодательный орган власти. В его функционал входит обеспечение правового оформления экономических и социальных процессов, определение границ и форм вмешательства государства в экономику. Основное воздействие – рассмотрение и принятие государственного бюджета.

2. Исполнительная власть. В ее функционал входит: осуществление оперативного регулирования народного хозяйства, разработка долгосрочных планов социально-экономического развития.

3. Относительно самостоятельный субъект рыночной экономики – Центральный Банк. Его функционал: эмиссия денег и регулирование денежного рынка.

4. Судебная система. Функционал данного субъекта: обеспечение охраны экономических прав и разрешение хозяйственных споров.

Существует несколько видов различных механизмов реализации государственной экономической политики. К таким видам относятся:

1. Организационный механизм реализации экономической политики. Он включает систематизированную совокупность определенных правил и процедур деятельности субъектов экономической политики по распределению функций между данными субъектами, кадрового, материально-технического, информационного обеспечения. Таким образом, данный механизм обеспечивает эффективное функционирование вышеперечисленных субъектов экономической политики.

2. Нормативно-правовой механизм. Определяет организационные структуры управления реализацией экономической политики на различных уровнях. Данный механизм реализации экономической политики включает в себя совокупность нормативно-правовых средств, с помощью которых обеспечивается функционирование компонентов управленческого взаимодействия для достижения поставленной цели.

3. Экономический механизм. Он занимает особое место в системе механизмов реализации экономической политики и включает в себя совокупность экономических методов, инструментов, рычагов для достижения поставленной цели, то есть направлен на обеспечение функционирования системы.

Анализ современных методов и инструментов противодействия теневой экономике позволяет выделить несколько ключевых организационно-экономических инструментов противодействия теневой экономике [10].

Рассмотрим две модели, направленные на борьбу с теневой экономикой.

1 модель «точечных ударов» – поиск наиболее значимых, ключевых звеньев правовой системы, создавая или исправляя которые можно запустить механизм противодействия теневой экономике. Правовая интерпретация данной модели – это внесение частных «антикоррупционных» и «противотеневых» поправок в действующие нормативно – правовые акты. Однако иногда для реализации «точечного удара» необходимо принимать принципиально новые законы [4].

2 модель «системного воздействия». Для реализации данной модели используют программно-целевой подход и, соответственно, комплексные (межотраслевые) нормативные правовые акты. В силу многих причин российский законодатель с самого начала целенаправленной борьбы с теневой экономикой правовыми средствами (1992) тяготел именно к этой модели. В связи с этим появилась идея разработки и принятия своеобразного межотраслевого «миникодекса» детенезации. Суть данного «кодекса»: концентрация имеющих антитеневое содержание норм разной отраслевой принадлежности в рамках единого нормативного правового акта. Однако «безболезненная» реализация модели системного воздействия с помощью не имевшего исторических аналогов комплексного закона в условиях страны с долго формировавшейся правовой культурой и давно имеющей развитое кодифицированное законодательство оказалась практически невозможной, поскольку в этом случае происходило скрытое (а иногда и явное) разрушение кодифицированного законодательства с неизбежным последствием в виде коллизии межотраслевого и отраслевого антитеневого законодательства [6].

В России разработан механизм, в соответствии с которым все платежи физических лиц с определенной суммы должны осуществляться в безналичной форме. А банки должны проверять происхождение средств и подтверждать уплату налогов по этим средствам. Российская Федерация ведет активное взаимодействие с международными организациями: по вопросам нелегальной миграции – с МОТ; по противодействию преступности в финансовой сфере – с МВ.

По оценкам специалистов, снижению уровня теневизации экономики способствовали следующие инструменты [5]:

1. Законодательное закрепление требований по установке терминалов, осуществляющих безналичные расчеты в секторах с высоких риском возникновения теневой экономики;

2. Цифровизация и информатизация повысили качество и оперативность налогового контроля за бизнесом. Использование специальных голографических маркировок способствует снижению объема теневых операций во внешнеторговой деятельности;

3. Отслеживание неплательщиков налогов по номеру автомобиля с помощью камер дорожного движения и препятствие «бегству» капитала [8];

4. Реформирование налоговой системы. Полный переход на безналичные расчеты. Развитие жесткого регулирования банковской системы. Например, Банк России с 2013 по 2018 год отозвал лицензии у 317 кредитных организаций, которые участвовали в обслуживании теневой экономики, из-за нарушения закона о борьбе с отмыванием преступных, незаконных доходов [13];

5. Ужесточение наказаний в виде высокого уровня штрафов. Чувство страха перед санкциями вынудит налогоплательщиков исполнять свои налоговые обязательства.

Наиболее эффективная мера государственного регулирования в отношении теневой экономики носит экономический характер и выражается в форме снижения совокупного налогового бремени и развитии системы электронных платежей.

В сфере административно-правового же регулирования наиболее эффективными являются увеличение административных проверок предприятий и организаций, увеличение количества инспекторов, сокращение времени и количества процедур регистрации бизнеса.

Борьба с коррупцией остается самой актуальной темой для органов власти. Проблемы, связанные с коррупцией, возникают из-за того, что действующие институты демократического общества зачастую подменяются их имитацией. С точки зрения «Трансперенси Интернешнл – Россия», для борьбы с коррупционными явлениями необходимо использование следующих инструментов и методов [11]:

1. Дополнение антикоррупционного законодательства нормами, регулирующими лоббирование, раскрытие бенефициарных собственников активов и защиту заявителей о коррупции;

2. Исполнение обязательств в рамках международного антикоррупционного права, включая рекомендации Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО);

3. Повышение независимости избирательных комиссий, минимизация влияния органов исполнительной власти на процесс их формирования;

4. Неприменение экономических, организационных, законодательных и информационных мер, ограничивающих гражданское общество и журналистов;

5. Более активное и охотное реагирование на расследования журналистов и активистов, касающиеся публичных должностных лиц.

6. Противодействие возникновению и функционированию неформальных общественных институтов, которые заменяют собой институты формальные, но распределяют ресурсы, полномочия и бюджеты по своему усмотрению, непрозрачно и не подотчетно. Перечисленные выше меры требуют тщательного анализа и проработки их реализации в федеральных органах исполнительной власти.

Антикоррупционные инструменты, предназначенные для применения в федеральных органах исполнительной власти, можно в зависимости от их направленности условно разделить:

1. Институционализация противодействия коррупции. В данную группу входят: образование комиссии по противодействию коррупции, возложение функций по противодействию коррупции на уполномоченные структурные подразделения;

2. Повышение риска от коррупционных действий. Данный инструмент включает утверждение перечня должностей, в наибольшей степени подверженных риску коррупции, и внедрение механизмов дополнительного внутреннего контроля за деятельностью государственных гражданских служащих;

3. Устранение условий, порождающих коррупцию. К данной группе относятся: стандартизация и регламентация исполнения государственных функций или услуг, внедрение информационно-коммуникационных технологий в органах исполнительной власти, усовершенствование деятельности организации по размещению государственных заказов, создание систем материальной и нематериальной мотивации государственных служащих, организация антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов;

4. Доступ к информации о фактах коррупции. В данный инструмент также входит размещение информации о результатах контроля за соблюдением стандартов государственного регулирования коррупции в глобальной сети Интернет;

5. Совершенствование кадровой политики, совершенствование антикоррупционной составляющей кадровой работы. К таким антикоррупционным инструментам относятся: запрет намеренного замещения ключевых должностей при смене руководства всех уровней, ротация кадров, усиление контроля за соблюдением запретов и ограничений [3];

6. Внутренний финансовый контроль. Данный инструмент включает выявление причин и условий коррупции, способствующих незаконному расходо-

ванию бюджетных средств, выработка мероприятий по их устранению и проверка соответствия действительности сведений, содержащихся в декларациях о доходах, имуществе государственных служащих.

На сегодняшний день такие инструменты противодействия коррупции в полном объеме не реализуются [7]. Для решения задач по борьбе с коррупцией требуется разработка и применение согласованной нормативно-методической базы, включающей практические аспекты организации и проведения конкретных антикоррупционных мероприятий.

Таким образом, можно выделить следующие ключевые организационно-экономические инструменты противодействия развитию теневой экономики и коррупции:

1. Формирование высокоэффективной правовой стратегии и прочного антикоррупционного законодательства. Введение обязательной антикоррупционной экспертизы всех принимаемых законов и подзаконных актов с поручением ее производства независимым и высококвалифицированным юристам, экономистам, управленцам и другим специалистам.

2. Повышение открытости органов власти; обнародование сведений федеральными, региональными и муниципальными органами власти об исполнении бюджета, о реализации целевых программ, об открытых конкурсах, аукционах, тендерах, экспертизах и условиях их проведения. Повышение уровня прозрачности управленческих процессов, уменьшение монополизма власти. Оптимизации условий и механизмов государственных и муниципальных закупок. Например, внедрение открытых торгов в форме электронных аукционов.

3. Сокращение числа чиновников, которое приведет к сокращению затрат на их содержание. Повышение профессионализма государственных и муниципальных служащих путем переобучения и повышения квалификации. Увеличение заработной платы и социальной защиты государственных и муниципальных служащих.

4. Ужесточение наказания за совершение коррупционных действий и привлечение средств массовой информации к приданию максимальной гласности примеров наказания коррупционеров. Принятие всех возможных мер по обнаружению, конфискации и возвращении государству похищенных денежных средств и иных ценностей.

5. Пропаганда позитивного опыта тех, кто добросовестно исполняет свой долг, честно выполняет свои обязанности, служит государству и людям. Внедрение кодексов этики как для государственных служащих, так и для общества в целом.

6. Информирование общественности о последствиях коррупции. Развитие гражданского общества и демократических политических традиций, вовлечение гражданского общества в процесс борьбы с коррупцией и теневой экономикой. Формирование антикоррупционного правосознания и нравственное воспитания у граждан РФ. Обучение граждан навыкам антикоррупционного поведения, формирование новых норм гражданской морали, позиции непримиримости к коррупционным проявлениям. Отслеживание неплательщиков налогов и сборов

среди государственных служащих, предпринимателей и физических лиц. Реформирование налоговой системы, облегчение налогового бремени на налогоплательщиков. Активное использование безналичных расчетов [2].

Роль организационно-экономического механизма противодействия коррупции в обеспечении экономической безопасности РФ является ведущей по причине объективной сложности данного явления и необходимости комплексных мер в борьбе с ним, что и обеспечивает организационно-экономический механизм, так как он в равной степени оказывает воздействие и на проявления коррупции, и на её причины, что обеспечивает наилучший результат [1].

При использовании данного подхода в обеспечении экономической безопасности важна степень проработки модели самого механизма и его элементов.

На рисунке 1 представлена теоретическая модель организации и совершенствования организационно-экономического механизма.

Рис. 1. Организационно-экономический механизм противодействия коррупции в целях обеспечения экономической безопасности РФ

Модель, представленная на рисунке 1, является графическим выражением организационно-экономического механизма противодействия коррупции, созданного на основе теоретических положений организационно-экономического механизма и представляет собой основу для формирования системной политики государства в организации противодействия коррупции.

На сегодняшний день коррупция и теневая экономика в Российской Федерации проявляют себя в устрашающих формах. В рамках суверенной демо-

кратии необходимо без промедления сосредоточить усилия политических лидеров России на ограничении сферы приложения коррупции, снизить степень ее влияния, минимизировать негативные последствия, чтобы свести данные явления до терпимого уровня. Для решения проблемы только государственного регулирования недостаточно. Необходимо и целесообразно применение рассмотренных выше инструментов экономического и организационного стимулирования. Это даст возможность воздействия на причины возникновения и роста уровня теневой экономики и коррупции.

Литература

1. ФЗ РФ от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – №52 – С. 6228.
2. ФЗ РФ от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»// Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33. – С.3418.
3. ФЗ РФ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2004. – №31. – С. 3215.
4. Указ Президента РФ от 07. 05. 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. – 2018. – №20. – С. 2817.
5. Бурбина А.А. Угрозы и принципы формирования экономической безопасности в современных экономических условиях Российской Федерации // Молодой ученый. – 2019. – №21 (259). – С. 167–170.
6. Буракова А.Н. Коррупция в государственном секторе как явление, инструменты воздействия на коррупцию // Современные технологии в мировом научном пространстве. – 2017. – С. 208–211.
7. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 1. – С. 37–54.
8. Казюра Т.Г. Развитие правового механизма использования электронных средств платежа как механизма противодействия коррупции // Молодой ученый. – 2020. – №7. – С.92–93.
9. Теневая экономика в России // FINCAN. – Режим доступа: http://fincan.ru/articles/94_tenevajaekonomika-v-rossii/ (дата обращения: 20.11.2020 г.).
10. Трансперенси Интернешенл–Россия. – Режим доступа: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2018-28-ballov-iz-100-i-138-mesto.html (дата обращения: 20.11.2020 г.).
11. Федеральная служба по финансовому мониторингу. – Режим доступа: http://www.fedsfm.ru/ (дата обращения: 20.11. 2020 г.).

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ДОЛЖНИКА

А.О. Разумкова
Российский государственный университет правосудия,
Приволжский филиал, магистр
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: razumkova.razum@gmail.com
Научный руководитель: Ю.С. Сперанская, к.юр.н., доцент

В рамках настоящей статьи рассматриваются особенности привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, раскрываются новеллы, внедренные законодателем в 2017 году.

Ключевые слова: банкротство юридического лица; субсидиарная ответственность; контролирующие должника лица.

Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по его обязательствам – не новый институт для процедуры банкротства юридического лица, между тем в 2017 году Федеральным законом от 29.07.2017 №266-ФЗ были внесены достаточно масштабные поправки в законодательство о банкротстве [1], которые качественно изменили существующее нормативное регулирование указанного вопроса.

Так, Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» был дополнен новой главой (III.2) [2], которая достаточно широко урегулировала ответственность как бывшего руководителя должника, так и иных лиц, которые могут считать лицами, контролирующими деятельность должника.

В новой редакции Закона о банкротстве закреплена возможность привлечения к субсидиарной ответственности не только руководителя должника и его участников, но также и лиц, которые осуществляют реальный контроль за деятельностью хозяйствующего субъекта.

В этих целях в Законе о банкротстве было шире раскрыто понятие контролирующего лица должника. Так, контролирующим лицом должника может признаваться лицо, которое имеет возможность определять действия должника и иным образом оказывать влияние на руководителя и членов органов управления должника. Также контролирующим лицом является то лицо, которое извлекает для себя выгоду из незаконного и недобросовестного поведения руководителя или иного лица, действующего от имени компании.

Можно говорить о том, что формулировки, позволяющие привлекать к ответственности широкий круг лиц, необходимы для того, чтобы максимизировать возможность признания реальных владельцев бизнеса ответственными за действия должника.

Кроме того, введение указанного положения в действующее законодательство опосредовано необходимостью расширения инструментария для выявления преднамеренного банкротства, а также в случаях, когда реальные

руководители должника пытаются «подставить» номинальных. Действующее законодательство предусмотрело возможность номинального руководства доказать, что при управлении деятельностью должника оно руководствовалось указаниями реального владельца бизнеса.

Внесение изменений также расширило перечень действий, совершение которых повлекло невозможность удовлетворения требований кредиторов.

Так, например, в вину контролирующих лиц стало возможным вменить: отсутствие или искажение документов, хранение которых является обязательным в силу действующего законодательства, невнесение на дату возбуждения дела о банкротстве сведений в соответствующие государственные реестры, внесение которых является обязательным.

Кроме того, существенно увеличен процессуальный срок на обращение в арбитражный суд с таким заявлением – в настоящее время он составляет три года со дня, когда лицо, управомоченное на подачу такого заявления, узнало или должно было узнать о наличии оснований для подачи такого заявления, в то время как ранее срок был ограничен одним годом с той же даты.

Внесение указанных изменений направлено на необходимость качественного улучшения действующего законодательства и превращения института субсидиарной ответственности в инструмент реальной помощи кредиторам, оказавшимся в ситуации невозможности получить удовлетворение своих требований.

В то же время неоднозначность указанных изменений повлекла объективную необходимость разъяснений нового законодательства, что послужило причиной принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [3].

Целесообразно рассмотреть наиболее значимые, в свете внесенных изменений, положений указанного постановления.

Так, ВС РФ акцентировал внимание на том, что привлечение контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности – механизм, носящий исключительный характер, в связи с чем в каждом конкретном случае необходимо проводить тщательную оценку того, какие именно действия ответчика повлекли негативные для должника последствия. В то же время, самих по себе негативных последствий недостаточно для признания причинно-следственной связи между действиями контролирующего должника лица и наступившим банкротством – необходимо также установить, что решения, принимаемые лицом, не входят в пределы обычного ведения дел.

При применении исследуемого механизма судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта (п. 1 ст. 48 ГК РФ), его самостоятельную ответственность (ст.56 ГК РФ), наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам

оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (ст. 10 ГК РФ).

Таким образом, обращаясь в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, заявитель должен надлежащим образом обосновать, что именно ответчик довел своими действиями юридическое лицо до банкротного состояния.

Также в Постановлении № 53 конкретизирован более неформальный, чем было закреплено ранее, порядок установления статуса лица, контролирующего должника, в том числе указано на необходимость установления возможности реального влияния на деятельность должника.

Так, например, Арбитражный суд Липецкой области в определении от 06.02.2018 по делу № А36-3571/2015 признал Третьякова А.И. контролирующим должника лицом, несмотря на то, что фактически он являлся участником должника с долей участия всего 25%, однако, суд установил, что, несмотря на это, ответчик имел возможность управлять деятельностью должника, в том числе снимать денежные средства с его расчетного счета [4]. То есть суд не просто установил формальное соответствие положения ответчика признакам контролирующего должника лица, но и оценил реальное положение дел, установил, что он имел реальную возможность распоряжаться активами должника.

В то же время Двенадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 20.04.2018 по делу № А57-31101/2015 рассмотрел заявление о привлечении к субсидиарной ответственности единственного учредителя должника и пришел к выводу о том, что он не был наделен возможностью определять действия должника и контролировать его деятельностью, в связи с чем отказал конкурсному управляющему в удовлетворении заявления о привлечении ее к субсидиарной ответственности [5].

Для целей применения презумпции контроля в связи с извлечением выгоды в рамках Постановления № 53 Верховным судом Российской Федерации было следующим образом детализировано понятие выгоды:

– выгода должна быть существенной относительно масштаба деятельности компании должника;

– такую выгоду нельзя извлечь в ходе осуществления добросовестного руководства компанией-должником.

Однако нельзя не отметить того факта, что изложенные в Постановлении № 53 критерии и презумпции статуса контролирующего лица должника могут быть опровергнуты в ходе судебного разбирательства. Таким образом, очевидна необходимость всестороннего и полного анализа фактических обстоятельств относительно каждого спора, касающегося привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве [7, с. 21].

Верховный суд особо отметил, что необходимо исследовать не отдельно взятую сделку должника или платеж, а их совокупность, поскольку, например, последняя осуществленная сделка (операция), хотя бы именно она и повлекла критические изменения, может и не являться ключевой в цепочке сделок, приведших к банкротству. Кроме того, необходимо исследовать деятельность лица

в условиях экономической действительности (наличие финансового кризиса в отрасли или экономике в целом).

Также ВС РФ указал на то, что необходимо принимать во внимание, что солидарная ответственность может иметь место только в случае, когда действия привлекаемых лиц можно охарактеризовать как согласованные, скоординированные и однонаправленные, если же определенные обстоятельства не свидетельствуют о таком, то возможно применение пропорциональной ответственности в зависимости от периодов реального контроля привлекаемых к ответственности лиц за должников.

Можно с уверенностью говорить о том, что разъяснения Пленума направлены на персонализацию ответственности лиц, которые реально осуществляли контроль за должником [6, с. 103]. Это представляется целесообразным в силу того, что зачастую финансовые проблемы организации сопровождаются сменой участников или управляющих лиц, что в достаточной степени усложняет привлечение к ответственности лиц, действительно виновных в причинении ущерба.

Таким образом, установлено, что институт корпоративной ответственности в рамках дела о банкротстве имеет ряд особенностей, в качестве основной можно выделить расширенный перечень лиц, которых можно к ней привлечь – в Законе о банкротстве они поименованы как «контролирующие должника лица» и их перечень расширен относительно общей корпоративной доктрины. Также примечателен факт коренной переработки института ответственности контролирующих должника лиц в июле 2017 года, что прямо свидетельствует о его развитии и очевидной недостаточности правового регулирования, имеющегося ранее.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон №266-ФЗ: принят Государственной Думой 19 июля 2017 года: одобрен Советом Федерации 25 июля 2017 года // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон №127-ФЗ: принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года: одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. – 29.12.2017. – № 297.

4. Определение Арбитражного суда Липецкой области от 06.02.2018 по делу № А36-3571/2015 // Картотека арбитражных дел. – URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 03.04.2021).

5. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2018 по делу № А57-31101/2015 // Картотека арбитражных дел. – URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 03.04.2021).

6. Мингазова А.М. Субсидиарная ответственность при банкротстве организации: кто теперь будет отвечать за банкротство должника? // ВЭПС. – 2018. – №1. – С. 100–103.

7. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex Russica. – 2018. – №12 (145). – С. 18–24.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

А.А. Санаткина
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
магистр
Россия, г. Москва; e-mail: nastya.sanatckina@yandex.ru

В статье дается криминалистическая характеристика фальсификации доказательств.

Ключевые слова: фальсификация; фальсификация доказательств; криминалистическая характеристика.

В системе преступлений против правосудия одним из наиболее сложных с точки зрения расследования преступлений является фальсификация доказательств (ст. 303 УК), которая является одним из видов фальсификаций в криминалистике.

Для того чтобы определить, какие именно элементы должны быть включены в структуру криминалистической характеристики преступлений, связанных с фальсификацией доказательств, необходимо решить вопрос о том, является ли тот или иной элемент специфическим и значимым для исследования данной категории преступлений в криминалистическом аспекте [2].

Полагаем целесообразным выделить следующий круг структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с фальсификацией доказательств:

- обстановка подготовки, совершения и сокрытия преступлений;
- личность преступника;
- личность потерпевшего;
- предмет преступного посягательства;
- способы подготовки, осуществления и сокрытия преступлений;
- механизм следообразования.

Выбор именно этих элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с фальсификацией доказательств, объясняется их существенным отличием от аналогичных элементов криминалистических характеристик других преступлений и важным значением для построения методики расследования преступлений данной категории.

Мы охарактеризуем каждый элемент криминалистической характеристики отдельно.

Первым мы рассмотрим такой критерий криминалистической характеристики, как обстановка рассматриваемого вида преступлений.

Шмонин А.В. утверждает, что обстановка преступления носит внешний характер к преступному событию, поэтому не способен рассматриваться в качестве структурного компонента [3].

Обстановка подготовки, совершения и сокрытия преступлений, сопряженных с фальсификацией доказательств, большей составляющей обуславливается определенной законом процедурой проведения судебного разбирательства,

а также временем и местом его проведения. Этот компонент криминалистической характеристики тесно связан с отличительными чертами личности преступника и потерпевшего, а также выбранными методами подготовки, совершения и сокрытия подобных преступлений, которые мы рассмотрим ниже.

Важным нюансом обстановки преступлений, нацеленных на сбой процесса доказывания, считается конкретно период судебного заседания по конкретному делу. Совершаются подобные преступления нередко при приобщении к использовавшимся материалам дела сфальсифицированных документов, ошибочного заключения эксперта или специалиста, выражение ложной информации свидетелем, экспертом и исполнение ложного перевода переводчиком, отраженных в протокол судебного заседания, неправомерный отказ свидетеля от дачи показаний в ходе его допроса в суде [1].

Второй рассмотренный критерий – личность субъекта.

Что касается характерных субъектов преступлений стоит заметить, что посягательства, в основном, совершаются участниками судопроизводства (больше половины от общего числа преступлений, субъектами являются предприниматели), в том числе профессиональными юристами.

Кроме того, для субъектов свойственно и то, что они не знают в достаточной мере уголовный закон, и при том характеризуются значительным уровнем правового нигилизма в области уголовного права, хоть и прибегают к помощи юрисконсультов. Типичным является то, что у преступников присутствует свой личный интерес, как правило этот интерес материальный, но и присутствует и иная личная заинтересованность в рамках конкретного процесса.

Свойством типичного субъекта нередко считается присутствие у лица конкретного процессуального статуса, например, лица, участвующего в деле, его представителя (ч. 1 ст. 303 УК РФ). Лицо получает определенный процессуальный статус с момента вхождения в дело по своей инициативе либо с этапа привлечения его к роли в процессе в порядке, определенным гражданским и арбитражным процессуальным законодательством.

Говоря о субъектах данного вида преступления, нельзя не отметить уровень образования преступников и их социальное положение в обществе. Большинство привлеченных к уголовной ответственности по факту фальсификации доказательств имеют высшее образование. Таким образом, можно сделать вывод, что у преступников данной категории дел высокий интеллектуальный уровень. Это может объясняться тем, что, зачастую, совершение рассматриваемого преступления требует от субъекта специальных знаний – юридических и/или экономических, а также познаний в области маркетинга и менеджмента. Совершенно не удивителен тот факт, что большинство лиц, привлеченных к ответственности по рассматриваемой статье, являлись предпринимателями [1].

Однако достаточное количество преступлений, связанных с фальсификацией доказательств, совершаются простыми гражданами, то есть физическими лицами, не имеющих юридического образования, а также юристами, которые являются сторонами в каком-либо гражданско-правовом споре.

Давая криминалистическую характеристику, нельзя не обозначить важность сведений о типичных потерпевших в рассматриваемой категории преступлений. Одним из важнейших критериев является то, что они считаются основным источником сведений правоохранительных органов о совершении преступления по факту фальсификации доказательств. Их показания считаются основными, особенно это ярко выраженно на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении.

Таким образом, потерпевшими в данной группе дел являются физические и юридические лица, то есть непосредственные участники судебного процесса, которым был причинен соответствующий вред посредством нарушения легитимной процедуры принятия решения по уголовному делу по факту фальсификации доказательств.

Следующим элементом криминалистической характеристики, который будет нами рассмотрен, является предмет преступного посягательства.

Данный элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с фальсификацией доказательств, будет иметь ключевое значение, поскольку именно конкретный вид доказательства, на которое направлено противоправное посягательство, будет обуславливать способы и обстановку подготовки, совершения и сокрытия преступления, а также механизм следообразования.

Основываясь на классификации, принятой в теории доказывания, можем классифицировать доказательства, которые могут стать предметом преступного посягательства данной категории преступлений [1]:

1) в зависимости от очередности формирования доказательства (Первоначальные доказательства – показания свидетеля или очевидца, вещественные доказательства, оригиналы документов; производные доказательства – показания свидетеля, данные от иного лица, копии документов, фотографии вещественных доказательств);

2) в зависимости от источника формирования доказательства (вещественные – документы, документы, устанавливающие права собственности на объекты недвижимости, протоколы собрания учредителей (участников) организации, отчет об итогах голосования собрания участников организации; предметы; аудио-, видеозаписи; личные – показания сторон и (или) свидетелей; заключение эксперта).

Далее рассмотрим способы подготовки, осуществления и сокрытия преступлений.

Как верно отметил А.Г. Холевчук, в случае когда фальсификация является самостоятельным способом совершения преступления, она носит целостный характер и состоит из трех этапов: подготовки, совершения, сокрытия. Она также характеризуется использованием определенных способов фальсификации: подделки, подлога (материального, интеллектуального) и т.д. Если же фальсификация является способом сокрытия, она включает в себя совокупность действий, связанных с ее подготовкой и совершением [4].

Мы предлагаем классифицировать способы подготовки к совершению фальсификации доказательств следующим образом:

1) искажение письменных и иных документов (подделка, подчистка, использование технических средств, внесения исправлений, искажающих действительный смысл, внесение новых ложных сведений, уничтожение части имеющихся сведений, исправление части имеющихся сведений);

2) искусственное создание ложных документов (создание копии документа без изменения подлинника, полная подделка документа, полная подделка документа);

3) фальсификация вещественных доказательств;

4) искусственное создание ложных вещественных доказательств; сознательное искажение аудио- и видеозаписей; сознательное создание ложной аудио- или видеозаписи).

Последним рассмотренным критерием является механизм следообразования.

Механизм следообразования характеризуется присутствием материальных следов в виде следов-документов, следов-предметов, следов-отображений, таких как следы пальцев рук на документах, оргтехнике, с помощью которой изготавливались подложные документы; совершенных следов в виде показаний сторон, свидетелей, экспертов, специалистов; электронно-цифровых следов в виде следов в оргтехнике, на серверах операторов сотовой связи, в электронной переписке, электронно-цифровых аудио-, видеозаписей событий, электронных документов, в том числе заверенных электронно-цифровой подписью и пр.

Механизм следообразования обладает существенной значимостью в системе криминалистической характеристики, так как считается отражением влияния подобных компонентов криминалистической характеристики преступлений, сопряженных с фальсификацией доказательств, таких как личность преступника и потерпевшего, способы и обстановка подготовки, совершения и сокрытия преступления, и состоит в достаточно тесной взаимосвязи с любым из приведенных структурных элементов.

Литература

1. Ладошкин А.С. Особенности криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2019. – 113 с.

2. Трухачев В.В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. – С. 160.

3. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 173.

4. Холевчук А.Г. Фальсификация как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 57–58.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ, ВИДЫ И ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

А.А. Санаткина
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
магистр
Россия, г. Москва; e-mail: nastya.sanatckina@yandex.ru

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия фальсификации, в том числе в криминалистическом значении. Фальсификация анализируется как способ совершения и способ сокрытия преступления. Раскрываются основные виды фальсификации. Выделяются типичные способы совершения фальсификации – материальный и интеллектуальный подлог.

Ключевые слова: фальсификация; подделка; материальный подлог; интеллектуальный подлог.

Уголовный закон не раскрывает такое понятие, как «фальсификация». Однако, в науке имеется целый ряд соответствующих определений. С.А. Маркунцов определяет, что деяния в форме действия по фальсификации состоят в подделке, искажении (уничтожении), подмене истинной информации, а также ее носителей, каких-либо предметов, которые выступают в качестве доказательств, различной информации, ложными, искусственно созданными предметами, которые были получены из ненадлежащего ресурса [7].

Фальсификация не была подвержена полному криминалистическому анализу, в то же время данное понятие исследовалось в научной литературе. Так, А.Г. Холевчук, опираясь на мнение Р.С. Белкина, И.А. Николайчука, В.А. Образцова и И.С. Лузгина, детально изучил понятие «фальсификация» в полном объеме и сделал соответствующие выводы о том, что в криминалистическом смысле все преступления, которые связанны с «подделкой», «подлогом», «ложью», имеется возможным объединить в одну независимую группу, в которой способом преступного посягательства будет являться фальсификация, и на основе этого сформулировал свое понятие криминалистически значимой фальсификации [12].

Таким образом, можно сделать вывод, что фальсификация – это активная, умышленная, противоправная, связанная с преступлением деятельность людей, направленная на искажение материальных объектов.

Раскрывая содержание фальсификации нельзя не обратиться к самому понятию способа совершения преступления.

До настоящего времени в криминалистической литературе отсутствует единое мнение как по определению самого понятия «способ совершения преступления», так и по его структуре. Несмотря на данное положение вещей, подавляющее большинство количество учёных-криминалистов считают, что способ совершения преступления считается одним из особо значимых элементов таких криминалистических категорий, как механизм преступления и криминалистическая характеристика преступлений.

Рассматривая структуру способа совершения преступного посягательства, Г.Г. Зуйков выражает мнение, что способ совершения преступления – это «система операций по подготовке, совершению и сокрытию преступления, определенная обстоятельствами внешнего окружения и психофизическими качествами личности, сопряженными с селективным применением определенных средств и условий места и времени» [4].

И.И. Рубцов устанавливает определение способа совершения преступления как «систему взаимозависимых, конкретно направленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления с применением определенных орудий, а также средств и условий места и времени, сведенных единым преступным замыслом» [9].

В этом определении указывается на присутствие подобных элементов осматриваемой группы (подготовка, совершение и сокрытие преступлений), каждый из которых располагает рядом независимых характерных признаков, дозволяющих обнаружить неизвестные стороны совершения преступного посягательства, известные как элементы способа совершения преступления, за счёт известных, а кроме того, выдвинуть следственные версии.

Определяется, что, отталкиваясь от особенности совершения фальсификации доказательств, из числа структурных компонентов способа можно отметить следующие:

1) подготовка к совершению фальсификации доказательств (подыскивание средств, соучастников, формирование условий другим способом);

2) прямое совершение фальсификации доказательств по уголовному делу;

3) сокрытие совершенного преступления (в различных формах способно реализовываться на любой стадии совершения преступления).

Изучая такой компонент способа совершения преступления, как подготовка к его совершению, следует уточнить, что многими авторами она определяется при совершении умышленных преступлений, к которым причисляется и фальсификация доказательств.

Способ совершения преступления предоставляет собой некого рода информацию о следах преступления, которые взаимодействуют с окружающей реальностью, а совместно с этим формируют такое понятие, как «механизм образования следов» [6].

Далее мы рассмотрим еще один структурный компонент способа преступления – способ сокрытия преступления, поскольку некоторые авторы утверждают, что фальсификация является одним из составных способов сокрытия преступления [10].

Р.С. Белкин считает, что сокрытие преступления – это «элемент преступной деятельности, нацеленый на препятствование расследованию по средству утаивания, уничтожения, маскировки и фальсификации следов преступления и преступника» [1].

В.К. Гавло говорит о том, что «маскировка, нацеленная на сокрытие преступного деяния и виновных лиц, которая осуществляется во время совершения преступления, – способ совершения преступления, а уже после – способ

сокрытия преступления, однако в этом случае следует применять устоявшийся и более точный термин – способ преступления» [3].

Способ сокрытия преступления нередко переходит, а в некоторых случаях становится способом противодействия расследованию и раскрытию преступления [5].

Далее рассмотрим виды фальсификации и способы их совершения.

Основные виды преступлений, напрямую связанных с фальсификацией, содержатся в статье 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в ряде других статей, которые мы рассмотрим ниже, связанных с доказательственной базой, совершаемые лицами, обладающими, как правило, личным мотивом. Реализация фальсификации происходит путем подделки, искажения, уничтожения, подмены доказательств и их источников.

Сходными видами фальсификации могут выступать служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и подделка документов (ст.327 УК РФ).

Служебный подлог представляет собой внесение в документы недостоверных данных или, наоборот, подчистку документов, а кроме того, преобразование содержания документов или формирование первоначально ложных документов. Служебный подлог может проявляться в виде изменения даты выдачи документа; подделки подписи; вытравления части текста; подделки печати и так далее.

Что касается подделки документов, под ней подразумевается изготовление поддельных документов путем либо полной замены оригинального документа, либо частичной замены отдельных его частей. Подделка документов нередко обозначается как «подлог». Она может являться как самостоятельным преступлением, так и способом совершения иного преступления.

Выделяются следующие способы фальсификации:

1) лжесвидетельство (фальсификация может осуществляться только в форме активных действий, например, ложные показания и доносы);

2) создание ложного алиби (самостоятельно, с помощью других лиц, с помощью документов).

Данный способ является комбинированным и содержит в себе целую цепочку действий (ложные показания, доносы, сообщения и заявления).

Также следует выделить основные способы фальсификации материальных объектов: подделки документов, которые можно разделить на полную (интеллектуальный подлог) и частичную (материальный подлог).

Ю.В. Будаева предполагает, что интеллектуальный способ совершения противозаконной фальсификации доказательств попадается почти так же часто, как и материальный способ совершения преступления [2].

Нельзя не упомянуть основные способы подделки документов на бумажном носителе, известные как материальный подлог [11]:

1) подделка бланка документа (изготовление поддельных бланков с помощью техники копирования, а также средств вычислительной техники и путем рисования);

2) подчистка фрагмента текста (механическое воздействие с целью изменения первоначальной задокументированной информации);

3) травление (удаление текста путем обесцвечивания красителя штриха химическими реактивами: кислотой, щёлочью или окислителем);

4) смывание (удаление первоначальных записей при помощи различных растворителей);

5) дописка (внесение в первостепенный текст документа на пустые места новой информации);

6) подделка подписей с использованием метода рисования или копирования;

7) поделка печатей документа с использованием метода рисования на самом документе или с помощью самодельного клише, путём копирования подлинного оттиска на неоригинальный документ;

8) замена фотографий (наиболее часто используемыми приёмами являются полная замена фотографии; монтаж фотоснимка с сохранением части фотографии, которая может содержать оттиск печати);

9) замена листов документов (данный вид часто встречается при подделке документов, состоящих из нескольких листов: паспортов, трудовых книжек и т.п.).

Таким образом, можно сделать вывод, что под термином «фальсификация доказательств» предлагается понимать многообразные перечисленные посягательства на доказательственные сведения и доказательства, и все они квалифицируются по различным составам, установленным Уголовным кодексом Российской Федерации.

Следует отметить, что зачастую преступления, сопряженные с фальсификацией, считаются только лишь способом достижения основной противозаконной цели (здесь можно привести в пример мошенничество или «рейдерский» захват предприятий) или, наоборот, предпосылкой совершения иных противозаконных посягательств, таких как дача взятки должностному лицу, которое посодействовало производству поддельного доказательства, поставило свою печать на подложный документ.

Таким образом, многие авторы полагают, что фальсификация доказательств – это способ совершения иного преступления. Однако многие авторы не могут согласиться с этим утверждением. Один из них А.Н. Поляков, утверждающий, что в многочисленных случаях действия, сопряженные с фальсификацией доказательств по уголовному делу, не могут охватывать только одним конкретным составом, а требуют дополнительной квалификации по ст. 303 УК РФ [8].

На основе проведенного исследования можно вывести следующее криминалистическое определение понятия фальсификации. Фальсификация – это умышленная, противоправная деятельность, связанная с материальным и интеллектуальным подлогом и ложью, которая может являться как способом совершения иных преступлений, так и способом их сокрытия.

Основными способами фальсификации являются подделки документов, которые подразделяются на интеллектуальный и материальный подлог, частич-

ное уничтожение документа; подмена объектов документа; дача заведомо ложных показаний и заведомо ложный донос; создание ложного алиби. Также в научной литературе приводятся основные способы материального подлога: подделка документа, подчистка, травление, смывание, дописка, подделка подписей или печатей документов, замена фотографий или целых листов документов.

Основываясь на проведенном исследовании, нами дополнительно предложена классификация фальсификации по категориям подделываемых материальных объектов: доказательства, материалы оперативно-разыскной деятельности, служебные документы, заключение эксперта, ценные бумаги, финансовая документация и отчетности, решения собраний коммерческих и некоммерческих организаций. Полагаем, что данный перечень не может являться исчерпывающим, так как не исключает возможности появления новых материальных объектов, которые могут быть сфальсифицированы.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. – Т. III. – М., 1979. – 234 с.
2. Будаева Ю.В. Уголовно-правовые проблемы борьбы с фальсификацией доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 103 с.
3. Гавло В.К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск, 1980. – С. 118–123.
4. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1970. – 205 с.
5. Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: дисс. ... докт. юрид. наук. – Барнаул, 2009. – С.126.
6. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления. – М.: Изд-во НПО «Модек», 2002. – 304 с.
7. Маркунцов С.А. Комментарий к статье 303 // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Поляков А.Н. Проблемные вопросы фальсификации доказательств // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 3. – С. 229–233.
9. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб. – 2001. – 101 с.
10. Сафронов А.Ю. Способ совершения преступления по уголовным делам о фальсификации доказательств и (или) результатов оперативно-разыскной деятельности // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 4 (20). – С.122–127.
11. Способы полной подделки документов, их признаки, способы и средства обнаружения. – URL: https://64.мвд.рф/folder/10486174 (дата обращения: 30.10.2020 г.).
12. Холевчук А.Г. Фальсификация как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С.32, 37.

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Н.Б. Смирнова[1], В.А. Колосова[2]
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас
[1]студент; e-mail: sofya.rogova.97@bk.ru
[2]к.п.н., доцент; e-mail vakolosova@gmail.com

В данной статье рассмотрен и исследован вопрос о совершенствовании законодательства и правоприменительной практики в области защиты авторских прав на музыкальные произведения в интернете, а также повышении эффективности действия существующих норм права в отношении. Рассмотрена ст. ГК РФ 1263 Аудиовизуальное произведение на предмет эффективности защиты авторских прав на музыкальные произведения. Предложена поправка в ст. ГК РФ 1263 Аудиовизуальное произведение в целях повышения ее эффективности в отношении защиты авторских прав на музыкальные произведения в Интернете

Ключевые слова: авторское право; музыкальные произведения; интернет; Глобальная сеть; Гражданский кодекс; поправки; защита авторских прав.

С каждым днем интернет завоевывает все большую популярность по всему миру. Исследование правовых проблем, порожденных научно-техническим прогрессом, приобрело актуальность уже в 50–70-е годы XX века. Глобальная сеть стала незаменимым средством для общения и получения интересующей информации. Развитие информационных технологий открывает перед нами не только положительные перспективы, но также влечет ряд проблем. Защита интеллектуальной собственности в интернете является наиболее важной из них.

Официальная статистика, предоставленная сервисом «Яндекс.Радар» показывает, что каждый день (данные за сентябрь 2020г.) на интернет-сервис «Яндекс. Музыка» заходят порядка 2 090 057 человек, а на территории США в 2019 году насчитывалось около 173.9 миллионов слушателей музыкальных произведений. В связи с этим сделаем вывод, что на сегодняшний день музыкальные произведения, прежде всего песни, являются наиболее ценными объектами авторских прав. Согласно словам председателя Совета ТПП РФ по развитию информационных технологий и цифровой экономики Николая Комлева, лицензионные продукты в интернете подделываются на 60–80%. Однако в современных условиях отсутствует эффективный, работающий механизм контроля использования музыкальных произведений, возникает угроза массового нарушения авторских прав соответствующих субъектов. Споры на почве несанкционированного доступа и пиратского использования охраняемых авторским правом музыкальных произведений, распространенных в сети Интернет, возникают всё чаще. Также одновременно с этим появились осложнения, касающиеся доказательства самого факта нарушения авторского права, поскольку количество судебных споров явно непропорционально количеству нарушенных авторских прав. Правительство РФ и другие уполномоченные государственные

органы озадачены текущей сложившейся ситуацией и принимают конкретные меры по ее преодолению, которые пока не добиваются желаемого результата. Обозначены задачи – российское гражданское законодательство, при одновременном обеспечении защиты интересов правообладателей, должно соответствовать современному уровню развития техники, стимулировать разработку и широкое использование новых технологий.

Данное исследование несет в себе цель – подробнее рассмотреть и исследовать вопрос о совершенствовании законодательства и правоприменительной практики, повышении эффективности действия существующих норм права. В связи с этим необходимо рассмотреть понятие «музыкальное произведение», его признаки, субъекты авторского права на музыкальное произведение, а также понятие цифровой формы произведения; проанализировать исторический опыт по охране авторского права на музыкальные произведения, изучить опыт правового регулирования авторского права в интернете; проанализировать судебную практику с целью выявления проблем, возникающих в ходе применения положений законодательства об ответственности информационных посредников как основных лиц, участвующих в хранении и передаче информации в сети Интернет, содержащей объекты авторских и/или смежных прав

Все ключевые концепции, касающиеся интернета, предложены учеными только с начала прошлого десятилетия. В связи с полидисциплинарностью на стыке технологии и права до определенного момента данная тема не представляла интереса для ученых. Однако такие деятели науки, как В.С. Илларионов, Л.А. Савинцева, А.Г. Серго, И.Л. Бачило, Н.В. Иванов, О.А. Городов, В.В. Архипов, В.Б. Наумов, привнесли неоценимый вклад в развитие права интеллектуальной собственности.

Необходимо обозначить понятие «аудиовизуальное произведение». Согласно Статье 1263 ГК РФ. аудиовизуальное произведение – это определённое сочетание звуков, для которого присущи признаки произведения как объекта авторского права. Признаками аудиовизуального произведения являются понятия новизны и оригинальности, признаки воспроизводимости и воспринимаемости в объективной форме выражения.

Аудивизуальное произведение в цифровой форме является объектом авторского права, который представляет собой организованное собрание акустических образов, созданных творческим трудом автора, которые выражены в какой-либо объективной форме. В качестве его признаков выделяют вариативность и звуковую образность.

Если заглянуть в глубь истории, то мы увидим, что аудиовизуальные произведения являются сравнительно молодым объектом авторских прав. В Бернской конвенции 1908 г., которая являлась первым соглашением в области авторского права, аудиовизуальные произведения ещё не передавались охране на государственном уровне. Изменения произошли с появлением Всемирной конвенции об авторском праве 1952 года. Первым российским законотворческим актом, в котором был урегулирован и решен вопрос об авторско-правовой охране произведений, стало Постановление ЦИК СССР и СНК СССР

от 30 января 1925 г. «Об основах авторского права». Закон об авторском праве РФ, актуальный в контексте настоящего времени, был принят 9 июля 1993 года. Защита авторских прав регулируется статьями 1252 и 1301 ГК РФ. В ст. 1255 ГК РФ говорится о том, какие права принадлежат автору. С возникновением у пользователей права неограниченного доступа к Глобальной сети возникла потребность учета и регулирования нарушений авторского права в интернете. В настоящий момент использование объектов интеллектуальной собственности в Сети на территории РФ полностью подчиняется положениям ч.4 ГК РФ, а именно законам:

1. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1;

2. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»;

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Говоря о генезисе защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения, мы обозначим следующее.

Согласно ФЗ от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», самый крупный аудиохостинг – Яндекс-Музыка предоставляет аудиофайлы доступными для прослушивания на легальной основе, с разрешения правообладателя и за предварительную оплату. Получив платную подписку, пользователь может прослушивать любые аудиозаписи и сохранять их в своем устройстве.

Для того чтобы более четко понимать эффективность регулирования авторских прав в сети Интернет в контексте настоящего времени, была проанализирована судебная практика, в частности, дело закрытого акционерного общества «ЮНАЙТЕД МЬЮЗИК ГРУПП» в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю «П» о взыскании 50 000 рублей за незаконное использование музыкальных произведений и трансляцию их через WI-FI в помещении, в исполнении гражданина М.: «Полная луна», «Мир без границ» и др., в общей сложности 70, права на использование которых принадлежат истцу на основании лицензионного договора. В рассматриваемом примере прослеживается, что при установлении всех фактов незаконного использования музыкальных произведений суд претерпевал определенные сложности в установлении признаков их контрафактности. Поэтому целесообразным представляется следующее решение по защите авторских прав на аудиовизуальные произведения, а также по эффективному содействию правосудию относительно рассматриваемой категории дел: предлагается создание специального государственного органа, осуществляющего контроль за соблюдением авторских прав в сети Интернет, который занимался бы выявлением нарушений авторского права в сети Интернет; разработкой мер и способов для борьбы с данными нарушениями, а также нормотворческой деятельностью в этой сфере.

При рассмотрении порядка применения новых мер защиты, введённых «антипиратским законом» (ФЗ от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений

в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»), были выявлены «слепые пятна» в регулировании отношений в сфере использования и правовой охраны музыкальных произведений в сети Интернет, правовое регулирование которого определено нечетко. В связи с этим нами были разработаны предложения по совершенствованию законодательства в этой сфере.

При трансляции аудиовизуальных произведений в сети Интернет используются технологии (WI-FI, LI-FI, 1G-5G, WI MAX, фемтосоты), в отличие от технологий телерадиовещания (цифровое, эфирное телерадиовещание).

Считаем целесообразным внести поправку в ст. ГК РФ 1263 «Аудиовизуальное произведение». Читать ст. ГК РФ 1263 «Аудиовизуальное произведение» в следующей редакции: «При публичном исполнении либо сообщении в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции в сети Интернет, аудиовизуального произведения с использованием технологий WI-FI, LI-FI, 1G-5G и последующих поколений мобильного интернета, WI MAX, фемтосот, авторы музыкального произведения (с текстом или без текста), использованного в аудиовизуальном воспроизведении, сохраняют право на вознаграждение за указанные виды использования их музыкального произведения».

Литература

Нормативные и правовые акты

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (Берн, 9 сентября 1886 года) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Всемирная конвенция об авторском праве (Заключена в г. Женеве 06.09.1952 вместе со Статусом Всемирной конвенции об авторском праве) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – №25. – Ст. 2954.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

Учебная литература

5. Агамагомедова Саният А., Дунаев А.В. Правоведение: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 256 с.

6. Право интеллектуальной собственности: учебник и практикум / Е.А. Позднякова [и др.]; под общ. ред. Е.А. Поздняковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 374 с.

Интернет-ресурсы

7. Шелудякова Н. Авторские права сетевых СМИ в свете новых законодательных инициатив // Электронный журнал МГУ «Медиаскоп». – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/977 (дата обращения: 01.04.2019).

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.С. Соловьева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Reegik_2901@mail.ru
Научный руководитель: П.И. Далёкин, к.эк.н., старший преподаватель

Статья посвящена актуальным проблемам правовых вопросов экономической деятельности.

Ключевые слова: правовые основы; экономика; экономическая деятельность; конкуренция.

Понятие экономической деятельности широко используется как специалистами и государственными чиновниками, так и самими субъектами данного вида деятельности. Анализ научных источников по вопросам правового регулирования экономической деятельности позволяет констатировать тот факт, что на сегодняшний день определения понятия экономической деятельности в гражданском законодательстве не приводится. В п. 14 ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции» приводится лишь понятие «координация экономической деятельности». В связи с этим приходится констатировать тот факт, что отсутствие легального определения экономической деятельности в законодательстве приводит к снижению эффективности ее регулирования со стороны государственных институтов [1].

В уголовном праве используется более широкая трактовка термина экономической деятельности. В соответствии со ст. 34 Конституции экономической деятельностью является свободное использование своих способностей и имущества каждым человеком любым способом, который не запрещен законом. При рассмотрении правовых вопросов, связанных с экономической деятельностью, необходимо обратиться к другим статьям Конституции, так как именно она является главным законом и ей должны соответствовать все остальные принимаемые законы. Ст. 8 Конституции указывает на свободу осуществления экономической деятельности. К особому виду экономической деятельности в соответствии со ст. 34 Конституции необходимо отнести предпринимательство, свобода экономической деятельности относится и к сфере предпринимательства [2].

О свободе экономической деятельности говорится в ст. 8 и 34 Конституции. Субъекты права конкретизируются в ст. 34 главного закона. Там приводится слово «каждый», следовательно, принцип свободы экономической деятельности распространяется на любого человека и гражданина, ведущего свою деятельность в пределах страны. Более того, по смыслу Конституции введено ограничение на способы осуществления экономической деятельности. Указывается, что каждый может использовать свои способности и имущество любым способом, который не запрещен законом. Под экономической деятельностью необходимо понимать категорию правовых режимов, связанных с ее осуществлением. Основным для использования является общий правовой режим,

для него характерно регулирование определенной группы отношений, конкретная отрасль и специфические задачи регулирования.

В исследовании Н. Поповой подчеркивается, что понятия экономической деятельности в законодательных актах не представлено, тем не менее оно содержится в классификаторе видов экономической деятельности ОК 029-2014. В соответствии с классификатором экономической деятельностью является процесс (сочетание действий), который приводит к получению определенного перечня продукции. Получение продукции происходит при объединении различных ресурсов в рамках производственного процесса, ориентированного на создание конкретных товаров и услуг. В классификаторе приводится и понятие «иная экономическая деятельность». Под ней подразумевается осуществление деятельности, которая прямо не ориентирована на получение прибыли, тем не менее такая деятельность связана с использованием способностей. Иной экономической деятельностью считается инвестирование накоплений, благотворительность и т.д. [3].

В соответствии с выводами в исследовании В. Андреева констатируется, что гражданское и иное законодательство регулирует именно экономическую деятельность, которую осуществляют граждане и юридические лица, а не отношения, связанные с имуществом и возникающие в результате ведения предпринимательской деятельности лицами. Позиция автора является верной с точки зрения о том, что правоотношение является началом для установления правового регулирования экономической деятельности.

В гл. 2 ГК РФ представляются нормы, связанные с возникновением гражданских прав и обязанностей, в учебниках по гражданскому праву часто встречается глава о гражданских правоотношениях, именно там в качестве элемента правоотношения рассматриваются права и обязанности участвующих в осуществлении экономической деятельности. Концепция В. Андреева при рассмотрении вопроса правового статуса юридических лиц сводится к тому, что юридические лица одновременно участвуют в гражданском обороте и одновременно признают элементы управления экономической деятельностью в виде представителей гражданско-правового сообщества. Примером этого является гражданско-правовое сообщество. Его представители в соответствии с корпоративным договором осуществляют функции и полномочия, которые оказывают прямое влияние на деятельность юридического лица [4].

Для экономической деятельности, по мнению многих авторов, характерно то, что она находится под влиянием рыночных условий экономики, в соответствии с конкретным направлением ориентирована на производство товаров и услуг, выполнение работ. В соответствии с такой точкой зрения экономическая деятельность является процессом воспроизводства, последующего распределения, потребления и обмена материальными и духовными благами. Даже с учетом существования гражданско-правовых институтов сегодня ведется работа по реализации государственной политики в области управления и регулирования экономической деятельности. Подтверждением этой теории является развитие рыночных отношений в российской экономике и активное участие государства

как регулятора экономической деятельности. Несмотря на развитие рыночных отношений и свободу экономической деятельности, для нее характерно сохранение классических методов и способов правового регулирования.

Источниками правового регулирования экономической деятельности сегодня признаются гражданское и предпринимательское право. Однако единой точки зрения по содержанию правового регулирования и формам права для осуществления регулирования экономической деятельности не существует [3].

Тем не менее можно выделить ряд предпринимательско-правовых отношений. Одним из таких видов являются отношения, которые и рождаются в результате ведения предпринимательства или другого вида экономической деятельности. Другим видом являются отношения, которые непосредственно связаны с регулированием сферы предпринимательства. Наконец, третьим видом являются отношения внутри хозяйствующих субъектов, которые регулируются нормами внутрипроизводственного и внутрикорпоративного права. Чтобы решить вопрос с источниками правового регулирования экономической деятельности, требуется сделать уточнение соответствующих норм права. С учетом многообразия видов экономической деятельности и отсутствия единого источника правового регулирования этой деятельности можно констатировать, что в целом экономическая деятельность регулируется конституционными актами и нормами гражданского права. При этом даже в рыночных условиях государственные институты наравне с гражданско-правовым сообществом принимают участие в регулировании экономической деятельности.

Литература

1. Долинская В.В. Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 3. – С. 3–15.

2. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан [и др.]; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, Инфра-М, 2017.

3. Пьянкова А.Ф. Цивилистическое понятие предпринимательской деятельности и смежные категории в российском законодательстве // VI Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избранные материалы / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2016.

4. Шаляев С.Н. О регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя при сдаче имущества в аренду // Налоговый вестник. – 2018. – № 10. – С. 3–6.

ОБУЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИКЕ В ЭПОХУ ИСКУСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В.Ю. Толстолуцкий
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, д.м.н., профессор
Россия, Нижегородская обл., Н. Новгород; e-mail: tolvlad@yandex.ru

Рассматриваются особенности современного этапа обучения криминалистике. Рассматривается связь обучения с практической деятельностью. Поскольку в криминалистическую деятельность внедряется искусственный интеллект, то и обучение должно быть перестроено под требования практики. При анализе научной литературы и учебников по криминалистике отмечается отсутствие дидактических средств формирования цифрового мышления будущего следователя. Для решения проблемы предлагается использование программы «ФОРВЕР». Раскрывается последовательность работы в программе в условиях пандемии.

Ключевые слова: криминалистическое образование; криминалистический полигон; цифровые технологии в образовании; раскрытие преступлений; программа «ФОРВЕР».

Развитие информационных технологий перевело понятия компьютерных наук (computer science) в категорию общенаучных понятий. В результате изменения системы общенаучных понятий в начале нашего века перед всеми частными науками встала задача перестройки своего понятийного аппарата. Из числа юридических дисциплин перестройка системы понятий в первую очередь коснулась криминалистики, которая с момента своего зарождения рассматривалась в качестве «ворот», через которые достижения научного технического прогресса проникают в право.

Выдающимся ученым-криминалистом Р.С. Белкиным был сформулирован один из законов развития науки криминалистики, названный им законом «Криминалистической трансформации достижений естественных и технических наук». На основании криминалистической трансформации достижений научно-технической революции середины прошлого века криминалистика весьма успешно развивалась, но лишь в рамках одного своего раздела – криминалистической техники.

Современные информационные технологии выводят на траекторию опережающего успешного развития два другие раздела криминалистики, а именно: криминалистическую тактику и методику расследования преступлений. Развитие двух отмеченных разделов криминалистики требует совершенствования их понятийного аппарата за счет криминалистической трансформации достижений компьютерных наук. Поскольку криминалистика – наука прикладная, то решение этой задачи не может остаться в рамках научных теорий. Полученные научные результаты должны внедряться в практику. Внедрение в практику научных исследований выступает отдельной проблемой, решение которой может осуществляться двумя путями.

Наиболее очевиден путь, представляющий собой передачу технологий, разработанных учеными-криминалистами, правоохранительным органам. В этом случае ожидается немедленное повышение эффективности практической деятельности. Поэтому обучение по овладению переданными технология-

ми стоит на втором плане. «Мелкие» усовершенствования внедряются быстро и с небольшим временным периодом обучения. Чем более серьезные, «крупные» изменения в деятельности правоохранительных органов требуют новые технологии, тем длительнее необходимый срок обучения по их освоению.

Представленная логика позволяет понять, что революционные технологии не могут быть внедрены таким путем, поскольку требуют не обучения, а переобучения. В связи с чем внедрение принципиально новых технологий заставляет поменять местами звенья указанной цепи: практическое использование и обучение технологиям. Некоторые компьютерные технологии, в частности – искусственный интеллект (далее – ИИ, или Artificial Intelligence – AI), настолько революционны, что их внедрение возможно лишь следующим путем: обучение поставлено на первый план и одновременно отсутствует требование немедленного повышения эффективности от их внедрения. Сформулированное положение является результатом попыток внедрения нами программных продуктов, в частности программы «ФОРВЕР», в практику СК РФ в период его образования. Перестроить мышление следователей и обеспечить реальное использование им программных продуктов можно лишь сняв требование немедленного повышения эффективности раскрываемости преступлений. Для современных условий организации работы следователей это положение практически не выполнимо.

В связи с этим «переобучение» будущего следователя надо начинать с момента получения криминалистической подготовки в высшей школе. Таким образом, мы переходим к цели данной статьи – особенности обучения студентов высших учебных заведений дисциплине «Криминалистика» в эпоху искусственного интеллекта. Понятие «искусственный интеллект» вступает в названии в двух значениях. Во-первых, это символ цифровизации. Во-вторых, указание на направление развития программного обеспечения в сторону самообучаемых компьютерных программ, обучение которых не может ограничиваться лишь компетенцией разработчиков, а требует обратной связи с пользователями этого ПО то есть следователей.

Гипотезой нашего изложения выступает положение о том, что подготовка грамотных пользователи ПО, в которое включен механизм AI, не может свестись к освоению специализированных криминалистических компьютерных программ, а требует овладения новыми научными понятиями криминалистической тактики и методики, которые представляют собой частный случай общенаучных понятий, выработанных в компьютерных науках.

К числу таких «цифровых» понятий, умений и навыков относятся, например, криминалистически значимые признаки, криминалистическая характеристика преступлений, создание кодификатора базы и наполнение электронной базы архивными уголовными делами (обеспечивающее накопление опыта расследований), алгоритмы обработки баз данных, понятие статистической (частотной) вероятности и методы ее расчета, понятия априорной и условной вероятности следственных и экспертных версий, тактика использования компью-

терных программ при осмотре места преступления, создание поискового портрета преступника и другие компетенции в криминалистической подготовке.

В криминалистической литературе представлены публикации по использованию ИИ для решения практических задач расследования. Так А.А. Бессонов рассмотрел применение алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистике и расследовании преступлений и отметил разработку, в Главным управлением криминалистики (Криминалистическом центре) СК РФ в 2020 г., создание и апробацию системы моделирования некоторых поисковых признаков серийных преступников, которая построена на алгоритмах глубокого обучения (AI). Программа реализует два алгоритма расследования: 1) «от вероятностного портрета преступника – к ещё не обнаруженным следам преступления»; 2) «от вероятностного портрета преступника – к конкретному подозреваемому» [2].

Поддерживая отмеченную работу следует обозначить два момента, которые существенно повлияют, укажем на основе своего опыта, на эффективность, забегая вперед, использования программного продукта, создаваемого в Криминалистическом цента СК РФ.

Во-первых, отметим проблему обучения интеллектуальной системы на больших данных. Наш опыт внедрения программы «ФОРВЕР» показал, что качество обучающей выборки существенно зависит от криминалистической подготовки следователей и способности их выделять существенные, информативные признаки в материалах расследованного им уголовного дела. Речь идет о том, что следователь должен хотя бы в общих чертах представлять алгоритмы работы AI и уметь формализовать имеющиеся у него сведения и их указывать в процессуальных документах, которые впоследующем выступят источником big date для обучения искусственного интеллекта и принятия последним решений.

Во-вторых, требуется изменение психологических установок следователей, которым предлагается использовать AI в конкретном расследовании. Наш опыт показывает, что обращение к компьютерной программе выдвижения версий практиками, к сожалению, осуществляется лишь тогда, когда они попадают в тупиковую следственную ситуацию: выдвинутые версии отработаны, а нового направления расследования нет. Тем самым программа, включающая AI, а в нашем случае принятие решений в программе «ФОРВЕР», на основе байесовской процедуры, которая рассчитана прежде всего на типовые следственные ситуации, используется лишь в ситуациях нетипового характера. Очевидно, что по этой причине эффективность компьютерной программы существенно снижается. Тот факт, что этот недостаток характерен для любой криминалистической рекомендации, не будет учитываться руководством при оценке эффективности работы программы при ее внедрении.

Анализ обоих указанных моментов приводит к выводу о том, что требуется внедрять в обучение будущих следователей, причем уже на уровне бакалавров, овладение азами разработки и использования компьютерных систем AI.

В криминалистическом понятийном аппарате должно произойти смещение центра тяжести с аналоговых схем мышления на цифровые. Наиболее

ярким примером в этом плане выступают два криминалистических понятия: механизм преступления (представляющий собой аналоговое описание преступления) и криминалистическая характеристика преступлений (далее КХП), представляющая собой цифровое описание преступления. КХП представлена перечнем признаков, часть из которых может в конкретном преступлении быть установлена, то есть принимать значение 1, а часть отсутствовать – принимать значение 0. Существенно упрощая ситуацию, можно сказать, что описание преступления посредством КХП аналогично двоичному слову, состоящему из бинарных значений наличия или отсутствия признаков, например, 10011.

Сложность перехода к цифровому мышлению можно продемонстрировать на исторических примерах. Выдающийся теоретик криминалистики профессор Р.С. Белкин, фактически создавший доминирующую на протяжении всего XX века научную парадигму отечественной криминалистики, отрицал научное значение КХП.

Одним из трех «китов» криминалистики автор считал «Образ» и писал по этому поводу: «Образ – это тоже след, но след в сознании человека, мысленный "отпечаток" события в памяти людей. … В философии под образом понимается высокоразвитая форма адекватного отображения целостного предмета или явления, выступающая в виде идеальной модели сущностных отношений оригинала. В этой идеальной модели воспроизведены – в обобщенном виде – характерные черты того или иного множества предметов» [1].

В приведенном высказывании следует обратить внимание на то, что обобщением «характерных черт» множества предметов выступает образ. Такой результат Р.С. Белкин получил путем криминалистической трансформации достижений философии. Сегодня проблема заключается в криминалистической трансформации достижений компьютерных наук с соответствующим другим результатом.

Использованный Р.С. Белкиным «философский» подход – аналоговый и прямо противоположен теоретико-множественной парадигме, лежащей в основании математики и современных компьютерных наук. В связи с этим становится объяснимым, что криминалистическая характеристика, представляя собой частный случай теоретико-множественного понятия, противоречит «образной» парадигме Р.С. Белкина. В факте отрицания Р.С. Белкиным КХП обнаруживается реакция доминирующей парадигмы на вновь возникающие понятия, а отрицание их научного значения представляет собой попытку сохранения собственного доминирования. Подтверждением нашей мысли о конкуренции аналоговой и цифровой парадигм на примере отрицания КХП может служить тот факт, что публикация Р.С. Белкина относится к 2001 году. Именно в начале XXI века цифровая революция обусловила смену аналоговой парадигмы в большинстве частных наук, и только отечественная криминалистика делала усилия по сохранению устаревающей, но доминирующей аналоговой парадигмы.

Для демонстрации фактического подавления конкурирующей точки зрения стоит напомнить, что после оценки в 2001 году Р.С. Белкиным понятия КХП как бесполезного для криминалистики «фантома», из многих учебников

криминалистики понятия КХП исчезло совсем. Ни в одном учебнике криминалистики или практикуме нет заданий, которые обеспечивали овладение навыками операций с этим понятием.

Судьба криминалистической характеристики преступления может считаться ярким примером сопротивления аналоговой парадигмы в отечественной криминалистике цифровым нововведениям. Из учебников исключены и другие понятия, не соответствующие доминирующей точке зрения. Таким образом, актуальной является задача по формированию новых дидактических средств, позволяющих будущему следователю освоить мышление, присущее цифровой эпохе.

Для перехода к цифровому криминалистическому мышлению нами предложено использовать в учебном процессе программу «ФОРВЕР». Программа выступает средством овладения цифровым мышлением, можно сказать на уровне объяснения «на пальцах», и позволяет усвоить механизм принятия решений на основе пересмотра априорных вероятностей версий по мере обнаружения криминалистически значимых признаков.

Прежде всего «ФОРВЕР» представляет собой электронную (цифровую) криминалистическую характеристику отдельного вида или группы преступлений, в частности убийств. Студентам дается задание на составление КХП других видов и групп преступлений, например, по кражам. В качестве исходного материала выдаются фабулы архивных уголовных дел. Анализ текста фабулы студентом проводится с целью выделения перечня признаков, которые имеют криминалистическое значение. На основании этих признаков на практическом занятии студентами в программе «ФОРВЕР» формируется соответствующая электронная база «архивных» дел. Последующая обработка этой базы самим студентом позволяет ему выдвинуть версии по субъекту преступления. На этом этапе студенту предоставляется информация о круге заподозренных, что позволяет студенту ввести их в программу, создать базу заподозренных, и рассчитать вероятность причастности каждого заподозренного к совершению данного преступления.

В условиях дистантного образования проведение семинарских занятий каждому из студентов «выдана» в личное использование программа «ФОРВЕР» обеспечивает усвоение важнейших криминалистических понятий, таких как криминалистическая характеристика преступлений, представление ее в виде кодификатора базы данных, создание архивной электронной базы, обработка имеющейся по учебному делу информации, формирование поискового портрета преступника, определение круга заподозренных и лица, имеющего наибольшую вероятность совершения «раскрываемого и расследуемого» преступления. Перечисленные навыки относятся к разделам криминалистической тактики и криминалистической методики.

В качестве исходных данных используются ряд средств, обеспечивающих дистантность обучения. Во-первых, это текстовые фабулы дела. Во-вторых, фотографии криминалистического полигона, доступность занятий на котором невозможна в силу коронавирусной пандемии. На криминалистическом полигоне

воссоздается обстановка совершения преступления и следовая картина. Обучаемый должен визуально изучить предлагаемые ему фотографии, после чего выделить криминалистически значимые признаки (рис. 1).

Рис. 1. Криминалистический полигон АФ ННГУ,
на котором реконструирована следовая картина преступления.
Обучаемый должен изучить предлагаемые ему фотографии, после чего выделить
криминалистически значимые признаки

Информативность осмотра обеспечивается обращением обучаемого к перечню признаков, указанных в программе «ФОРВЕР» (рис.2).

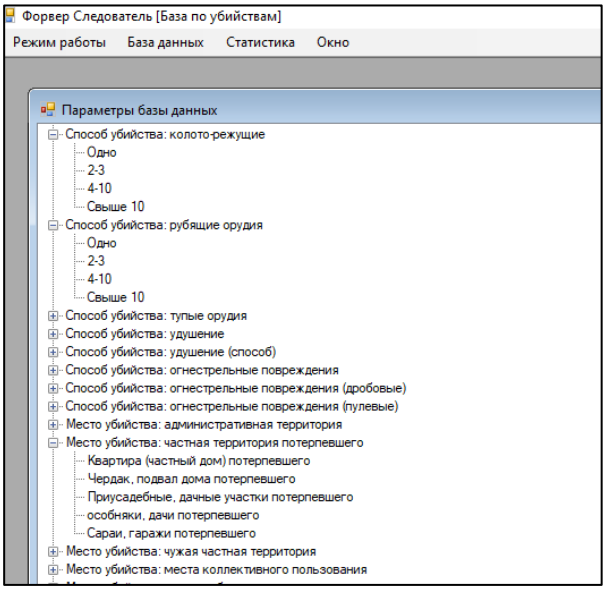

Рис. 2. Перечень криминалистически значимых признаков
программы «ФОРВЕР» в электронной базе по убийствам

На рисунке 2 представлены признаки программы «ФОРВЕР» из кодификатора базы данных по убийствам. Задача обучаемого сопоставить зрительную информацию, полученную при изучении рисунка 1 и перечень признаков, приведенный на рис.2. Задание позволяет усвоить способ повышения информа-

тивности осмотра места преступления за счет учета всех признаков кодификатора, включая характеристику места убийства (например, частная территория потерпевшего), способ убийства (например, нанесение колото-резанных ран в количестве 4–10), пол и возраст потерпевшего и другие криминалистически значимые признаки.

Типовые следственные версии, которые должны быть выдвинуты в этой следственной ситуации, позволяет сформировать программа «ФОРВЕР», поскольку они включены в виде признаков в кодификатор базы данных. На последующих этапах студенту предоставляется информацию о заподозренных, которая частично представлена в наглядно-образной форме – фотографии лиц, а частично в текстовом описании (например, отношение между потерпевшим и заподозренным).

Обучаемый должен выполнить задание по формализации признаков, вводу их в базу заподозренных и расчёту вероятности каждого к совершению преступления. Таим образом, работа с программой «ФОРВЕР» максимально удобна в период дистантного образования и в то же время обеспечивает формирование цифрового криминалистического мышления. Подготовленный таким образом студент способен в кратчайшие сроки овладеть создаваемыми в СК РФ программами на основе AI.

Таким образом, цифровизация криминалистики представляет собой смену исторического периода развития криминалистического знания на основе образного, то есть аналогового, мышления на современный период понятийного мышления, основанного на признаках. На протяжении XX века в криминалистике доминировало образное мышление, что выражалось, например, в приоритете ключевого для криминалистической методики понятия «механизм совершения преступления» над понятием цифрового характера – «криминалистическая характеристика преступлений», представляющего перечень признаков, часть из которых может в конкретном преступлении быть установлена (принимать значение 1), а часть отсутствовать (принимать значение 0).

Опыт использования в образовательном процесс компьютерной программы «ФОРВЕР» позволяет утверждать, что в условиях дистанционного образования представляемая обучаемым программа позволяет им овладеть знаниями и практическими навыками применения новых научных понятий криминалистической тактики и методики.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. – М.: Норма, 2001. –240 с.

2. Бессонов А.А. К вопросу о применении алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистике и расследовании преступлений // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научно-практических статей / под общ. ред. И.М. Комарова. – М., 2020. – С. 37–44.

3. Кузенкова Г.В., Толстолуцкий В.Ю. Дополнительная реальность как дополнительное средство криминалистической подготовки // Современные проблемы науки и образования. –2021. – № 3. – С. 1–13.

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ОРГАНИЗАЦИИ: ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Ю.А. Трошанина[1], А.А. Королев[2]
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород
[1]магистр; e-mail: jcorplawyer@yandex.ru
[2]магистр; e-mail: al.cor96@yandex.ru
Научный руководитель: Ю.С. Сперанская, к.юр.н., доцент

В статье рассматриваются особенности привлечения к субсидиарной ответственности в процедуре банкротства организаций. Цель исследования – изучение института субсидиарной ответственности и критериев привлечения контролирующих лиц компании к субсидиарной ответственности. Автор провел анализ судебной практики, которая показывает механизм работы данного института и доказательства, являющиеся основанием для привлечения к ответственности. В работе применялся формально-юридический метод. Таким образом, в Законе о банкротстве закреплены два основания для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, отличающихся друг от друга по составу и кругу лиц. Следует отметить, что желание защитить интересы кредиторов приводит к закреплению все большего количества норм, которые не уравновешены достаточными способами защиты добросовестных руководителей.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; банкротство организаций; контролирующие лица; судебная практика.

В действующей главе 3.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) закреплено два основания для привлечения к субсидиарной ответственности.

Ст. 61.11 Закона о банкротстве предусматривает ответственность за невозможность погашения требований кредиторов.

В случае привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности по данному основанию необходимо доказать статус ответчика как контролирующего лица, факт его недобросовестных действий (бездействия), которые привели к неплатежеспособности, вину контролирующего лица.

Второе основание для привлечения к субсидиарной ответственности указано в ст. 61.12 Закона о банкротстве, а именно ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о признании должника банкротом. В ст. 9 Закона о банкротстве указаны основания для возникновения такой обязанности, в том числе недостаточность имущества, невозможность удовлетворить требования кредиторов, наличие признаков неплатежеспособности, невыплата заработной платы более чем 3 месяца.

Несмотря на перечисленные выше основания, Верховный суд РФ указывает, что обязанность обратиться в суд наступает в случаях объективного банкротства, то есть неплатежеспособности, которая не будет в разумный срок преодолена.

В деле о банкротстве ООО «Спецрадиосервис» к субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве должника был привлечен его участник и директор. При этом суды сослались на наличие у должника долга по договору субподряда, который был взыскан решением суда.

В своих возражениях директор организации ссылался на то, что в спорный период общество осуществляло нормальную хозяйственную деятельность. Признаки неплатежеспособности появились позднее в связи с отказом крупных заказчиков от исполнения договоров и оплаты оказанных услуг, а задолженность образовалась в результате наличия спора о качестве выполненных по договору субподряда работ, а не в связи с недостаточностью денежных средств.

Передавая спор на новое рассмотрение, Верховный суд РФ в определении от 10.12.2020 №305-ЭС20-11412 [6] указал, что для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве установление момента подачи заявления о банкротстве должника имеет существенное значение, учитывая, что момент возникновения такой обязанности в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйственной деятельности без негативных последствий для должника и его кредиторов.

При этом неоплата конкретного долга отдельному кредитору само по себе не свидетельствует об объективном банкротстве, в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения руководителя в суд с заявлением о банкротстве.

Отдельного внимания заслуживает особый объем ответственности контролирующего лица по данному основанию. Хотя по общему правилу субсидиарная ответственность означает дополнительную ответственность третьего лица по всем обязательствам должника, в данном случае ее размер равен размеру обязательств должника, возникших после истечения срока, предусмотренного ст. 9 Закона о банкротстве для выполнения обязанности по обращению в суд с заявлением о признании банкротом в случае несостоятельности компании.

Самым затруднительным представляется определить момент возникновения обязанности по обращению в суд. Отсутствие точной даты возникновения обязанности по обращению в суд является достаточным основанием для отказа в удовлетворении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности [5]. На практике таким моментом может считаться дата подведения итогов финансово-хозяйственной деятельности в течение календарного года, дата формирования бухгалтерского баланса, дата вынесения судебного решения о взыскании долга, дата привлечения к налоговой ответственности, дата вынесения решения о взыскании налога либо решения о привлечении к налоговой ответственности и даже дата окончания налоговой проверки [1].

В том случае если за отправную точку берется момент утверждения бухгалтерской отчетности, то заявителю необходимо доказать, что из нее видно, что размер обязательств явно превышает размер активов. Обычно этот крите-

рий применяется при привлечении к ответственности собственников имущества унитарных предприятий, на которых лежит обязанность по наделению должника имуществом, необходимым для покрытия образовавшихся убытков [2]. При этом следует отметить, что в судебной практике существуют различные подходы к пониманию определения стоимости активов. Одни суды учитывают общую балансовую стоимость активов [4]. Другие учитывают стоимость основных средств [5].

При этом из нормы закона следует, что отсутствует необходимость доказывания невозможности удовлетворения всех требований кредиторов. Означает ли это, что даже если все требования кредиторов удовлетворены, то контролирующее должника лицо может быть привлечено к ответственности? По нашему мнению, нет, так как это противоречит самому смыслу понятия «субсидиарная ответственность».

Так, в деле «Инвестстройсервис» Арбитражный суд Западно-Сибирского округа [7] указал, что номинальное контролирующее должника лицо, раскрывшее перед судом информацию о фактическом руководителе должника, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности солидарно с последним.

Шуткевич С.М. являлась генеральным директором ООО «Инвестстройсервис». При этом в период с ноября 2013 года она ушла в неоплачиваемый отпуск и являлась лишь номинальным руководителем, тогда как фактически обязанности руководителя общества были возложены на Голобородько А.Н.

После признания ООО «Инвестстройсервис» несостоятельным конкурсный управляющий обратился в суд с иском о привлечении Шуткевич и Голобородько к субсидиарной ответственности по долгам должника солидарно. Основанием требования выступила непередача конкурсному управляющему бухгалтерской документации должника.

Суд первой инстанции требования удовлетворил: ответчики не предоставили доказательства принятия ею всех необходимых мер для исполнения обязанности по передаче бухгалтерской документации конкурсному управляющему.

Суд апелляционной инстанции оставил решение без изменений, а также прекратил производство по жалобе Голобородько, установив смерть последнего в период после подачи апелляционной жалобы.

В кассационной жалобе Шуткевич указывает, что она выполняла обязанности директора лишь номинально, а фактически обществом руководил Голобородько. Ввиду этого, а также своего способствования установлению фактически контролировавшего должника лица она подлежит освобождению от ответственности по п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве. Кроме того, кассатор указывает, что она неоднократно безуспешно пыталась лично передать документы конкурсному управляющему, после чего направила их на абонентский ящик.

Суд округа согласился с доводами кассационной жалобы. Действительно, хотя номинальный руководитель и не освобождается от привлечения к субсидиарной ответственности, размер его ответственности может быть уменьшен,

если он раскроет недоступную независимым участникам оборота информацию о фактическом руководителе должника (п. 6 ПП ВС РФ от 21.12.17 № 53).

Привлекая Шуткевич к субсидиарной ответственности, суды сделали вывод о её номинальном участии в обществе, но в то же время не дали оценки её действиям по раскрытию информации о лице, которое фактически осуществляло руководство должником и впоследствии было привлечено к субсидиарной ответственности.

Между тем, первоначально конкурсный управляющий добивался привлечения к ответственности только Шуткевич, однако в судебном заседании АС Тюменской области 25.02.19 ему стало известно о том, что фактическую деятельность по управлению должником осуществлял Голобородько. Из протокола этого судебного заседания следует, что в нём принимала участие Шуткевич.

Таким образом, несмотря на то, что законодатель стремится одновременно расширить и конкретизировать нормы в целях облегчения процесса привлечения к ответственности для кредиторов и арбитражного управляющего, в законе остаются пробелы, которые приводят к противоречивой судебной практике. Так же следует отметить, что желание защитить интересы кредиторов приводит к закреплению все большего количества «прокредиторских» норм, которые не уравновешены достаточными способами защиты добросовестных руководителей.

Литература

1. Извеков С.С. Субсидиарная ответственность как средство исполнения налоговой обязанности организации-банкрота // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – №8. – С.52–62.

2. Пустовалов Е.В. Ответственность собственника имущества унитарного предприятия в случае неисполнения обязанности по поддержанию положительного размера чистых активов // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №1. – С.69–76.

3. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.11.2014 по делу №А50-8053/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.07.2016 №Ф03-3079/2016 по делу №А59-589/2015// СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2018 № 05АП-9532/2017 по делу N А51-29520/2016// СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Верховного суда РФ от 10.12.2020 по делу №305-ЭС20-11412 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 24.02.2021 по делу №А70-17320/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВНЕ РАМОК ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ

Ю.А. Трошанина[1], Д.К. Хохлов[2]

[1]Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, магистр

Россия, Нижегородская обл., г. Н. Новгород; e-mail: jcorplawyer@yandex.ru

[2]Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, ст. преподаватель

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: pravoyouru@yandex.ru

В статье рассмотрены основания особенности привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности вне процедуры банкротства. Приведены примеры судебной практики.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; банкротство организаций; контролирующие лица; судебная практика.

Для достижения баланса прав и обязанностей кредиторов и должника необходима выработка эффективного механизма привлечения к субсидиарной ответственности. В Федеральном законе от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] (далее по тексту – «Закон о банкротстве») предусмотрены основания привлечения к субсидиарной ответственности в процедуре банкротства организаций.

При банкротстве юридического лица контролирующее должника лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности: за невозможность полного погашения требований кредиторов (п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве); за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника в арбитражный суд о собственном банкротстве (п. 1 ст. 61.12 Закона о банкротстве).

На практике возможно привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц вне рамок банкротного процесса. Если процент удовлетворения требований о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках процедур банкротства достаточно велик, то с привлечением контролирующих лиц к субсидиарной ответственности вне банкротства ситуация сложнее.

Согласно п. 1 ст. 61.19 Закона о банкротстве, если после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве лицу, которое имеет право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности и требования которого не были удовлетворены в полном объеме, станет известно о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, оно вправе обратиться в арбитражный суд с иском вне рамок дела о банкротстве [4].

Обратим внимание на то, что закон допускает предъявление заявления о субсидиарной ответственности вне дела о банкротстве по причине недостаточности имущества в случае завершения конкурса или прекращения производства по делу [6]. Уполномоченный орган, заявление которого было возвращено,

вправе обратиться с заявлением только на основании несоблюдения требования о подаче заявления о банкротстве. Это означает следующее: в иных случаях рассмотрение заявления вне банкротства не допускается, например, в случае если дело о банкротстве не возбуждалось по причине отсутствия соответствующего заявления, либо дело было прекращено по иным основаниям (не связанным с отсутствием средств для проведения процедур банкротства).

Итак, право на подачу заявления по причине недостаточности имущества вне рамок дела о банкротстве возникает:

- после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с недостаточностью денежных средств для финансирования судебных расходов;

- у лиц, имеющих непогашенные требования к должнику.

Право же на подачу заявления по причине несоблюдения требования о подаче заявления о банкротстве вне рамок дела о банкротстве возникает:

- после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с недостаточностью денежных средств для финансирования судебных расходов;

- после возврата заявления уполномоченного органа в связи с отсутствием финансирования (п. 5 ст. 61.19 Закона). Если был осуществлен возврат заявления уполномоченного органа, то никакие иные лица не вправе обращаться в суд с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности [5, п. 30];

- у лиц, имеющих непогашенные требования к должнику, при этом такие требования возникли после истечения установленного законом срока для подачи заявления, и до возбуждения дела о банкротстве должника (возврата заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом). Здесь необходимо учитывать, что суд будет рассматривать заявление (по прямому указанию закона дело подлежит прекращению) только в случае, если ранее в деле о банкротстве аналогичное заявление не рассматривалось (п. 3 ст. 61.19 Закона).

Также нужно помнить, что любой из кредиторов, если производство было прекращено из-за отсутствия средств на проведение процедур банкротства, вправе также обратиться вне дела о банкротстве с заявлением о взыскании убытков, причиненных должнику, но уже в пределах суммы требований такого кредитора [п. 4 ст. 61.20,].

ООО «ТИТАН – СЕРВИС» обратилось в Арбитражный суд города Москвы с исковым заявлением о привлечении генерального директора ООО «Руспростройсервис» Берга А.О. к субсидиарной ответственности. Дело о банкротстве в отношении ООО «Руспростройсервис» было ранее прекращено по основании, предусмотренному абз. 8 п.1 ст. 57 Закона о банкротстве из-за отсутствия финансирования.

Судами первой и апелляционной инстанции по делу № А40-230837/2018 [8] в удовлетворении заявления было отказано. Суды первой и апелляционной инстанции указали, что в данной ситуации ООО «ТИТАН – СЕРВИС» было не вправе обращаться с заявлением о привлечении руководителя должника к субсидиарной ответственности.

Арбитражный суд Московского округа не согласился с выводами нижестоящих судов и отправил дело на новое рассмотрение.

Суды первой и апелляционной инстанции посчитали, что подлежит применению положения п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту – «Закон об ООО»), а именно: «исключение общества из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом РФ для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае, если неисполнение обязательств общества обусловлено тем, что лица, указанные в п.п. 1–3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества».

Также судами первой и апелляционной инстанции было указано, «поскольку п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО установлены новые основания привлечения лица к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, ранее не предусмотренные законодательством Российской Федерации, суды посчитали, что положения п. 3.1 ст. 3 Закон об ООО могут быть применены лишь в отношении действия (бездействия), являющегося основанием для привлечения лица к субсидиарной ответственности, которое было совершено после введения данной нормы закона в действие, то есть после 30.07.2017». Каких-либо доказательств в подтверждение того, что невозможность погашения задолженности перед истцом возникла вследствие действий (бездействия) ответчика, не представлено.

Отправляя дело на новое рассмотрение, суд кассационной инстанции указал, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене, поскольку, устанавливая фактические обстоятельства, имеющие значение для дела, суды не в полной мере исследовали имеющиеся в деле доказательства, не дали оценку всем доводам истца, не учли положения статьи 61.11 Закона о банкротстве, по сути не рассмотрели заявленные истцом основания для привлечения к субсидиарной ответственности.

Возможно привлечение к субсидиарной ответственности контролирующего лица уже ликвидированного должника.

Так, согласно п. 3.1 ст.3 Закона об ООО, «исключение общества из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном Федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом РФ для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в п.п. 1–3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества».

Стоит сразу оговориться, что в данном случает речь идет о процедуре исключения юридического лица из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа, порядок которой определен в ст. 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 №129-ФЗ [3], так как это является ключевым моментом для целей последующего привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица.

При этом стоит иметь в виду, что основным условием для привлечения учредителя и руководителя к субсидиарной ответственности по долгам ликвидированного юридического лица является недобросовестность и неразумность их поведения.

Например, в гражданском деле, где ООО «Уралснаб» обратилось в суд с заявлением о привлечении Мугаллимова Д.А. к субсидиарной ответственности по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ ООО «Стройлюкс».

Решением суда первой инстанции исковые требования ООО «Уралснаб» удовлетворены. Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено в части размера взысканных убытков. Учитывая деликтный характер заявленных требований, апелляционный суд отказал в части взыскания с ответчика процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами. Мугаллимов Д.А. (ответчик по данному делу) не согласился с решениями судов первой и апелляционной инстанции и обратился с кассационной жалобой.

Суд первой инстанции, исходя из положений п. 3 ст. 64.2, ст. 399 Гражданского кодекса РФ, п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО требования истца удовлетворил в полном объеме.

Стоит напомнить, что «исключение общества из Единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном Федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом РФ для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в пунктах 1–3 статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества» [2, п. 3.1 ст. 3].

Суд кассационной инстанции по результатам рассмотрения кассационной жалобы посчитал, что судом апелляционной инстанции правильно установлены фактические обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора, им дана надлежащая правовая оценка, приведенные сторонами доводы и возражения исследованы в полном объеме с указанием в судебных актах мотивов, по которым они были приняты или отклонены, выводы суда соответствуют установленным фактическим обстоятельствам дела и представленным доказательствам, нормы права, регулирующие спорные правоотношения, применены правильно [7].

Позиция суда апелляционной инстанции состояла в том, что в соответствии с п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса РФ лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица, уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно.

Суд апелляционной инстанции также указал, что лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5, п. 12] установлено, что по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действия (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков [1, п. 2 ст. 15].

Таким образом, по своей юридической природе субсидиарная ответственность, являясь экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, представляет собой исключение из принципа ограниченной ответственности участников и правила о защите делового решения менеджеров. Привлечение к субсидиарной ответственности является исключительной мерой, к которой следует прибегать после исчерпания иных способов для пополнения конкурсной массы.

Исходя из анализа судебной практики, можно отметить, что действующее законодательство и правоприменительная практика дает куда больше возможностей для маневров в борьбе с недобросовестными должниками, нежели классическое банкротство.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – №32. – Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.02.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 16.02.1998. – №7. – Ст. 785.

3. Федеральный закон от 08.08.2001 №129-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.10.2020) // Собрание законодательства РФ. – 13.08.2001. – №33 (часть I). – Ст. 3431.

4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2021) // Собрание законодательства РФ. – 28.10.2002. – №43. – Ст. 4190.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 30.06.2015. – №140.

6. Наумова О. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц // Административное право. – 2019. – №1. – С. 39–55.

7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.07.2019 № Ф09-4555/19 по делу №А60-20369/2018. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/142efadc-45b1-4130-9038-d543cbae787f/b336e (дата обращения: 02.04.2021).

8. Решение Арбитражного суда города Москвы от 20.12.2019 по делу № А40-230837/2018. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d27a9bce-1040-46fc-ac2c-78a4db061e60/9db5a227-df8a-4038-a1ee-47c68de71dc4/A40-230837(дата обращения: 02.04.2021).

ПОЛНОМОЧИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(на примере Нижегородской области)

В.В. Фролова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород
студент; e-mail: frolovavarya722@gmail.com
Научный руководитель: С.А. Попова, к.юр.н., доцент

В данной научной статье рассматриваются вопросы, касающиеся нормативно-правовой базы по противодействию коррупции на федеральном и региональном уровнях, а также полномочия государственных органов по противодействию коррупции в Российской Федерации и в Нижегородской области. В работе применялся формально-юридический метод. Большое внимание автор уделил в работе анализу нормативно-правовым актам.

Ключевые слова: коррупция; законодательство; государственные органы; противодействие коррупции; антикоррупционная политика.

На сегодняшний день коррупция является настоящей проблемой современного общества. В Российской Федерации меры борьбы с коррекцией носят целенаправленный характер, в частности на сегодняшний день существует достаточно слаженная нормативная правовая база, разработанная для основы борьбы с коррупцией.

За последние несколько лет Правительством РФ была проведена значительная работа по выработке и внедрению механизмов, применяемых для борьбы с коррупцией в системе государственной службы. В первую очередь следует выделить административные меры профилактики коррупции:

– формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

– проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов;

– представление в установленном законом порядке квалификационных требований для граждан, претендующих на государственную должность, а также проверка представляемой ими информации;

– увольнение и (или) освобождение лица, занимающего государственную или муниципальную должность, в случае непредставления информации или представления заведомо неверной или неполной информации о доходах, расходах, имуществе и имущественных обязательствах;

– внедрение в практику работы органов государственной власти того, что при назначении чиновника на вышестоящую должность необходимо учитывать длительное, безупречное и эффективное выполнение своих служебных обязанностей;

– развитие института общественного и парламентского контроля над соблюдением законодательства РФ в области противодействия коррупции [15].

Одним из механизмов нейтрализации коррупции в государственных органах является внедрение и функционирование института конфликта интересов

на государственной службе. Однако указанный механизм, который был призван быть действительно действенным и искоренять коррупцию в органах государственной власти, имеет весьма серьезные проблемы в функционировании [1].

Существующая система законодательства РФ отличается довольно-таки сложной структурой. И важно отметить, что в структуре системы законодательства РФ входит достаточно большой блок нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы противодействия коррупции.

Среди федеральных законов в области противодействия коррупции можно выделить следующие федеральные законы: ФЗ «О противодействии коррупции» [2], ФЗ РФ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [3], ФЗ РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4], ФЗ РФ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [5] и др.

Среди указов Президента РФ, регламентирующих основы противодействия коррупции, можно назвать следующие указы: от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [6], от 06.06.2013 № 546 «О проверке достоверности сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, о расходах по каждой сделке по приобретению объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг и акций, представляемых кандидатами на выборах в органы государственной власти, выборах глав муниципальных районов и глав городских округов, а также политическими партиями в связи с внесением Президенту Российской Федерации предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» [7] и т.д.

К таким постановлениям Правительства относятся следующие постановления Правительства Российской Федерации: от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [8], от 22.07.2013 № 613 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, и работниками, замещающими должности в этих организациях, сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, проверке достоверности и полноты представляемых сведений и соблюдения работниками требований к служебному поведению» [9], от 13.03.2013 № 207 «Об утверждении Правил проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей федеральных государственных учреждений, и лицами, замещающими эти должности» [10], от 09.01.2014 № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями

лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации» [11] и т.д.

Важной группой нормативных правовых актов в области противодействия коррупции являются нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. Так, во всех указанных органах разработаны собственные регламенты, кодексы служебного поведения, планы по борьбе с коррупцией и т.д.

Отметим, что помимо Закона о противодействии коррупции в каждом субъекте РФ приняты и действуют специализированные законы, регламентирующие отдельные вопросы борьбы с коррупцией на уровне конкретного региона. Необходимо отметить, что в некоторых субъектах РФ законы о противодействии коррупции принимались ранее Закона о противодействии коррупции.

Нижегородская область заняла седьмое место в федеральном рейтинге «антикоррупционной открытости», то есть согласно публичному рейтингу наш регион вошел в семерку по количеству печальных, самых обсуждаемых тем РФ, где зафиксированы самые известные коррупционные скандалы [12].

Губернатор Нижегородской области Глеб Никитин постановлением правительства от 2 апреля 2020 г. № 258 внес изменения в антикоррупционную программу, утвержденную в марте 2019 г. (постановление от 29 марта 2019 г. № 167) [13].

Реализация программы, согласно документу, будет обеспечиваться антикоррупционной экспертизой нормативных актов, мониторингом территорий, наиболее удобных для нарушений, социологическими исследованиями и обучением госслужащих.

Депутаты областного парламента раскритиковали программу в первом чтении, назвав ее «формальным законом о хороших отчетах» и сомневаясь в эффективности реальной борьбы с коррупцией. Однако позже документ был утвержден.

Если раньше программа называлась «Противодействие коррупции в Нижегородской области» (на 2019–2021 годы), то теперь она переименована в «Предупреждение (предотвращение) коррупции в Нижегородской области».

Из программы исключен ряд показателей, которых необходимо достичь. Базовое значение установлено на 2018 год - 494 преступления. В новой версии программы количество нарушений в 2019 году должно уменьшиться на 10%, а затем появляются прочерки.

По количеству проявлений коррупции также исчезли абсолютные цифры за текущий и последующие годы. Напомним, что при первом выпуске в 2021 году их количество должно было сократиться до 322 (в 2018 году было 525).

На программу в бюджете предусмотрено 10,22 миллиона рублей, из них 1 миллион на 2019 год, 7 миллионов на 2020 год, на 2021 и 2022 год, еще 1 мил-

лион рублей. Изначально на 2019–2021 годы было предусмотрено всего 3 миллиона рублей.

Из средств 2020 года более 5 миллионов было направлено на выявление наиболее коррумпированных сфер и оценку эффективности антикоррупционных мер. Еще миллион рублей ушло на «популяризацию антикоррупционного поведения».

Правительство Нижегородской области подготовило проект поправки к Постановлению от 29 марта 2019 года № 167, которым утверждена трехлетняя антикоррупционная программа [15].

Таким образом, ежегодно принимаются новые законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные нормативные акты федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ, направленные против коррупции.

Автор считает, что необходимо принятие на всех уровнях публичной власти подзаконных нормативных правовых актов (постановлений, приказов и т.д.), а также актов разъяснительного и методологического характера (регламенты, методики, инструкции, разъяснения), направленных на усиление антикоррупционного контроля (государственного и общественного) в системе государственного и муниципального управления.

Литература

1. Венецкий М.М. Конфликт интересов // Законность. – 2020. – № 8. – С. 24–27.

2. ФЗ РФ от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 – С. 6228.

3. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Указ Президента РФ от 06.06.2013 № 546 «О проверке достоверности сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, о расходах по каждой сделке по приобретению объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг и акций, представляемых кандидатами на выборах в органы государственной власти, выборах глав муниципальных районов и глав городских округов, а также политическими партиями в связи с внесением Президенту Российской Федерации предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Правительства РФ от 22.07.2013 № 613 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, и работниками, замещающими должности в этих организациях, сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, проверке достоверности и полноты представляемых сведений и соблюдения работниками требований к служебному поведению» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Правительства РФ от 13.03.2013 № 207 «Об утверждении Правил проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей федеральных государственных учреждений, и лицами, замещающими эти должности» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Правительства РФ от 09.01.2014 № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. https://yandex.ru/turbo/pravdapfo.ru/s/articles/komanda-shanceva-izuchit-korrupciyu-za-byudzhetnye-dengi

13. Постановление Правительства Нижегородской области от 29.03.2019 №167 «Об утверждении государственной программы "Противодействие коррупции в Нижегородской области"» // СПС «КонсультантПлюс».

14. https://www.zercalo.org/news/21855-nizhegorodskoe-pravitelstvo-zamenilo-borbu-s-korruptsiej-profilaktikoj

15. Попова С.А. Криминология закона и законотворчество // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2016. – № 9 (9). – С. 23–24.

АДМИНИМТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВИЛ В СТРАНАХ ЕАЭС (Казахстан)

Г.А. Харитонов
АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭс», студент
Россия, г. Санкт-Петербург; e-mail: waiterdart@gmail.com
Научный руководитель: А.Е. Шилова, заместитель декана,
старший преподаватель

В статье рассмотрены вопросы привлечения к административной ответственности за нарушение таможенных правил в республике Казахстан.

Ключевые слова: таможенное законодательство; административная ответственность; граница; ЕАЭС.

Административная ответственность является сложной социально-правовой частью современной юридической действительности, в которой содержится острая потребность государства и общества в целом. В рамках данной работы следует рассмотреть институт административной ответственности в Республике Казахстан, а в частности административную ответственность в данной республике за нарушение таможенных правил. Необходимо отметить, что обретение независимости Казахстаном и формирование впоследствии обновленной правовой инфраструктуры, связанной с национальной безопасностью страны, обусловило создание приоритетных направлений, одним из которых стала таможенная сфера.

Административная ответственность – это наиболее распространенная форма юридической ответственности, которая носит универсальный характер, то есть устанавливается за достаточно обширный круг различных правонарушений, в число которых входят нарушения таможенных правил. Таможенные правонарушения всегда несут определенную общественную опасность. Их совершение создает угрозу экономической безопасности государства, а также возможную опасность причинения различного рода ущерба гражданам и всему обществу. Таким образом, изучение административной ответственности за нарушение таможенных правил в наши дни представляет большой интерес.

Республика Казахстан является членом Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), в который также входит Россия, Белоруссия, Армения и Киргизия. Эта международная организация представляет собой форму торгово-экономической интеграции государств-участников, которая была создана в целях кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик, а также создания наиболее благоприятных условий для повышения уровня жизни населения государств-членов.

В рамках ЕАЭС действует межгосударственное соглашение – Таможенный союз, которое предполагает отмену таможенных пошлин и подобных платежей во взаимной торговле между странами – участницами данной организации. Стоит отметить, что в ЕАЭС осуществляется общее таможенное регулиро-

вание для осуществления единого порядка при перемещении товаров через границу стран-участниц. Именно для реализации данной цели в 2018 году был принят Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС).

Согласно данному документу, таможенное регулирование в государствах – членах ЕАЭС осуществляется международными договорами, в числе которых, например, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств - членов таможенного союза, а также актами, составляющими право ЕАЭС. Для административных правоотношений, которые не урегулированы вышеперечисленными актами международного уровня, используется также законодательство государств – членов [1].

Таким образом, в Республике Казахстан административное регулирование осуществляется на основе не только вышеуказанных международных актов, но и с применением национального законодательства, в числе которого наибольшее значение имеют Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях и Кодекс Республики Казахстан «О таможенном регулировании в Республике Казахстан».

ТК ЕАЭС регулирует общие вопросы перевозки товаров через границы стран – участников ЕАЭС, в том числе раскрывает особенности порядка и условий перемещения различных категорий товаров (в том числе товаров для личного пользования, припасов, товаров, перевозимых с одной части таможенной территории Союза на другую часть через территории государств, не являющихся членами Союза и т.д.).

В законодательстве национального уровня – в Кодексе РК «О таможенном регулировании в Республике Казахстан» – содержатся общие положения о перемещении товаров через границу Союза (глава 3), таможенных платежах и налогах (глава 7), таможенных операциях и лицах, их совершающих (глава 14), таможенных процедурах (глава 21) и т.д.

Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КоАП РК) регулирует более узкие вопросы, касающиеся административной ответственности в таможенной сфере. Именно в этом акте содержатся основания привлечения к административной ответственности в Республике Казахстан, в том числе и за правонарушения в таможенной сфере, а также меры государственного принуждения.

Итак, таможенное регулирование осуществляется как на международном, так и на национальном уровне. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях стоит рассмотреть более подробно для раскрытия вопросов о видах правонарушений и налагаемых за их совершение наказаний.

Как мы уже писали, административные правонарушения в Республике Казахстан регулируются КоАП РК. Прежде всего, необходимо отметить, что данный документ определяет административное правонарушение как «противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездей-

ствие физического лица или противоправное действие, либо бездействие юридического лица, за которое настоящим Кодексом предусмотрена административная ответственность» [1].

КоАП РК различает административные правонарушения, посягающие на права личности, избирательные права, права несовершеннолетних, собственность, общественную безопасность и здоровье населения, общественный порядок и нравственность, установленный порядок управления и режим Государственной границы РК и т.д.

Что касается административного наказания за совершение противоправного деяния, правовед П.К. Маркарян в своей научной статье определяет его как одну из разновидностей государственного административного принуждения, т.е. как карательную санкцию [3]. В КоАП РК меры государственного принуждения определяются как «административное взыскание» [1].

Безусловно, к видам административных наказаний, применяемых в Казахстане к физическим лицам относятся приведенные в статье 40 КоАП РК административные взыскания: предупреждение, административный штраф, конфискация предмета, который является орудием либо предметом совершения административного правонарушения, лишение специального права или разрешения, приостановление его действия, исключение из реестра, приостановление или запрещение деятельности, административный арест, административное выдворение за пределы РК и т.д.

В этой же статье отмечается, что к юридическим лицам за совершение административных правонарушений могут применяться такие административные взыскания, как предупреждение, административный штраф, лишение разрешения либо приостановление его действия, исключение из реестра, принудительный снос незаконно возводимого или возведенного строения, приостановление или запрещение деятельности юридического лица и т.д.

Виды административной ответственности за нарушение таможенных правил содержится в нормах особенной части КоАП РК. Таким образом, к правонарушениям в сфере таможенного дела 29 глава вышеназванного кодекса, включающая в себя 37 статей, относит нарушения режима зоны таможенного контроля, неуведомление органа государственных доходов о прибытии товаров, неостановку транспортного средства, нарушение сроков подачи таможенной декларации, документов и сведений, незавершение в установленные сроки таможенной процедуры и т.д.

Самым распространенным административным взысканием, применяемым за правонарушение в таможенной сфере, является штраф, сумма которого исчисляется в месячных расчетных показателях. Однако также применяются предупреждение, конфискация предметов, которые являются орудием либо предметом совершения правонарушения, и исключение из реестра.

Несомненно, для понимания правовой природы административной ответственности следует исходить из того, что, являясь одновременно особым видом юридической ответственности, а также мерой государственного принуждения,

она выступает как сложное правоотношение, возникающее на основе совершенного противоправного проступка.

В Республике Казахстан, являющейся членом ЕАЭС, единственным определенным законодательным актом об административных правонарушениях можно назвать ранее рассматриваемый КоАП РК, в котором содержатся основания привлечения к административной ответственности, а также меры государственного принуждения.

Необходимо отметить, что административная ответственность в таможенной сфере обладает общими признаками юридической ответственности в целом, но также имеет отличительные признаки:

- является формой административного принуждения как специфического метода защиты действующего в стране правопорядка в области таможенного регулирования;
- юридическим фактом для ее применения являются противоправные действия, посягающие на порядок таможенного регулирования.

На сегодняшний день проблема ответственности именно в таможенном праве является достаточно широкой и многоаспектной. Однозначным основанием применения административной ответственности можно назвать нарушение различных таможенных правил.

Литература

1. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.08.2019 г.). – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399

2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – URL: http://www/consultant/ru/ LAW_215315/, свободный.

3. Маркарян П.К. Понятие административной ответственности в науке и законодательстве // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2010. – №4. – С.122–125.

ПРАВО ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

Н.А. Чередов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: koliano895@gmail.com
Научный руководитель: О.А. Верещагин, к.филос.н., доцент

В статье предлагается анализ общественных отношений, возникающих в связи с правом личности на неприкосновенность внешнего облика. Автор предлагает формально-правовую концептуализацию понятия «внешний вид», связывая его со всей совокупностью нематериальных благ, находящихся в распоряжении индивида. Особое внимание уделяется изучению гражданско-правовых способов защиты права личности на неприкосновенность внешности, в том числе через определение правовых механизмов возмещения морального вреда.

Ключевые слова: внешний облик; физическое лицо; субъективное право на неприкосновенность внешнего облика; нематериальные блага; гражданско-правовой способ защиты; признание права; возмещение убытков; моральный вред; компенсация морального вреда.

Правовой институт охраны изображения физических лиц является неотъемлемой частью тех правовых средств и механизмов, которые используются для защиты законных интересов граждан в их частной жизни. Как показывает существующая социальная практика, сужение границ приватного пространства в условиях интенсификации коммуникативных связей и взаимодействий [1] влечет за собой возрастание угроз личной безопасности граждан. Право на неприкосновенность внешнего облика подчас ставится под сомнение, особенно с активным внедрением и распространением таких технологий, как deepfake [9], которые позволяют манипулировать аудио- и видеоматериалами пользователей для совершения разного рода киберправонарушений и киберпреступлений.

Гражданское законодательство РФ, в том числе Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) [2], не содержит юридической конструкции «права на внешний облик человека», а также не упоминает указанное право в перечне других нематериальных благ. ГК РФ лишь оперирует понятием «право на изображение гражданина», которое является лишь частью внешнего облика гражданина.

Каким же характеристикам в действительности соответствует понятие «внешний облик»? Для того чтобы сформулировать это понятие, выделим некоторые признаки:

- внешний облик носит нематериальный характер. Внешний облик не имеет материального (имущественного) содержания, точно оценить его невозможно;

- личный характер. Внешний облик сугубо личностный, то есть неразрывно связан с личностью;

- индивидуальность. Внешний облик индивидуален, что делает его уникальным, непохожим на других;

- неотчуждаемость. Внешний облик не может быть отделен от личности его обладателя.

По мнению Мограбяна А.С., «внешний облик характеризует социальное состояние своего обладателя и составляют его неотъемлемое качество на протяжении периода его существования» [5, с.103]. Внешний облик, как и иные нематериальные блага, существует без ограничений своей продолжительности.

Таким образом, «внешний облик», являющийся атрибутом персонализации личности, представляет собой «неотделимое от физического лица и индивидуализирующее его личное нематериальное благо, направленное на обеспечение физической неприкосновенности человека, включающее в себя совокупность всех внешних признаков физического лица (цвет кожи, волос, разрез глаз, форма носа, телосложение, рост и др.), воспринимаемых окружающими как единое целое или как части целого, подверженных качественным изменениям на протяжении всего периода его существования» [5, с.104].

Основным нормативно-правовым актом, который косвенно регулирует отношения, касающиеся права физического лица на неприкосновенность внешнего вида, является ГК РФ. Согласно ст. 2 ГК РФ, гражданское законодательство регулирует, в частности, имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, а также защищает и охраняет неотчуждаемые свободы и права человека и нематериальные блага, одним из которых является внешний облик физического лица. В соответствии со ст. 128 ГК РФ нематериальные блага относятся к объектам гражданских прав.

Глава 8 ГК РФ полностью посвящена нормативному регулированию отношений по поводу форм обладания и средств защиты нематериальных благ индивида. Согласно статье 150 ГК РФ, «жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом…» [2].

В ст. 150 ГК РФ понятие «внешний облик» человека прямо не упоминается, но по своим характеристикам данная правовая категория очевидно входит в открытый перечень нематериальных благ.

Наиболее тесную связь конструкции «внешнего облика» с формами представления и изображения гражданина можно обнаружить в содержании ст. 152.1 ГК РФ «Охрана изображения гражданина», согласно которой «обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина» [2]. По утверждению Ильютович Д.А., указанная статья «направлена на защиту индивидуального облика человека как нематериального блага, под которым следует понимать неразрывную совокупность наружных признаков человека, воспринимаемых в виде целого или фрагментарного образа» [3, с.48].

Под изображением гражданина следует понимать его индивидуальный, внешний облик, включающий в себя не только лицо, которое принадлежит гражданину от рождения, но и внешний вид гражданина во всей совокупности его морфологических черт, «запечатленный в какой-либо объективной форме, в частности в произведении изобразительного искусства, на фотографии или в видеозаписи» [4].

Поскольку «право на внешний облик представляет собой неимущественное право, то формами его защиты являются формы защиты неимущественных прав, объектами которых являются нематериальные блага» [6, с.132] .

Нарушение неприкосновенности внешнего вида не связано с каким-либо прямым физическим, психическим или юридическим воздействием на человека как такового. Речь идет о неприкосновенности частной жизни гражданина путем незаконного воспроизведения внешнего вида и последующего рассмотрения материальных средств изобразительной информации без согласия лица, внешний вид которого отражается на соответствующем носителе, в связи с чем нарушается неприкосновенность частной жизни гражданина.

В соответствии со ст. 152.1 ГК суть права на неприкосновенность внешности заключается в том, что публикация и дальнейшее использование изображения гражданина допускаются только с его согласия (после смерти гражданина – с согласия его детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей).

К сожалению, в настоящее время до сих пор «не урегулирован порядок получения и содержания согласия гражданина на использование его изображения, и исходя из анализа положений статьи 152.1 ГК РФ и особенностей охраны нематериальных благ, следует, что согласие может быть дано лицом в устной либо письменной форме, а также посредством совершения каких-либо действий, явно свидетельствующих о воле лица на дальнейшее использование его изображения» [4].

Статья 152.1 ГК регулирует отношения, в которых участвуют обычные граждане во время повседневной жизни, гуляющие по улице, отдыхающие на пляже, обедающие в ресторане и т.д. Сцены из жизни, содержащие личную информацию о человеке, запечатленные в объектив, сделанные без его ведома и согласия, могут демонстрироваться только после получения согласия их участников, поскольку в противном случае будет нарушено право на неприкосновенность внешнего вида гражданина, которое является важным элементом его права на неприкосновенность частной жизни.

Использование изображения (фотографии, словесные портреты людей, видеозаписи) в интересах общественности и публики, без согласия гражданина доводятся до всеобщего сведения в случаях поиска людей, в частности, в ходе расследования уголовного дела и др., а также:

- если использование изображения гражданина осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах. Понятие «общественные интересы» (государственные или публичные) непосредственно в самом тексте закона не раскрывается. Как упоминалось выше, эти действия

выполняются специально с целью получения информации об изображенном лице. Чаще всего, объектом общественного интереса являются широко известные государственные и общественные деятели, играющие определенную роль в области политики, экономики, искусства и т.п., именуемые «публичными фигурами». Многие общественные деятели, изображения которых печатаются в «бульварной прессе», в повседневной жизни подвергаются преследованиям журналистов;

- согласно ст. 152.1 ГК РФ не требует согласия, если изображение гражданина было получено во время съемок, которые проводятся в местах, открытых для публики или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования;

- не требуется получения согласия, если гражданин позировал за плату.

Судебная защита является основной формой защиты гражданских прав, и именно через суд можно реализовать многие формы правовой защиты, предусмотренные ГК РФ.

Гражданин, право которого на неприкосновенность его внешнего облика было нарушено изготовлением, распространением с целью их последующего ввода в гражданский оборот (т.е. для продажи или иного отчуждения) тех или иных материальных носителей, содержащих его изображение (в сети Интернет, журналы, газеты, фотографии, реклама, книги, диски и т.д.), вправе требовать в судебном порядке изъятия изображения из обращения и уничтожения без какой-либо компенсации, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения (п. 3 ст. 152.1 ГК).

Кроме судебной защиты, существует самозащита права на неприкосновенность внешнего вида, т.е. физическое сокрытие лица от видео- и фотокамер.

Конституция РФ закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и репутации (ч. 1 ст. 23) и не допускает сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24).

КС РФ неоднократно отмечал, что «право на неприкосновенность частной жизни (ч.1 ст. 23 Конституции РФ), личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера» [8; 10].

В ст. 12 ГК РФ содержится исчерпывающий перечень способов защиты гражданских прав. Но для защиты права физического лица на неприкосновенность внешнего облика могут применяться следующие способы:

- признание права. Этот способ используется только в судебном порядке, при котором требование истца обращено к суду. Признание субъективности гражданского права неприкосновенности внешнего вида является необходимым условием применения других, предусмотренных ст. 12 ГК РФ о способах защиты;

- восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Он применяется в случаях, когда субъективное гражданское право, нарушенное преступлением, не прекращается и может быть восстановлено путем устранения последствий преступления. Что касается права на неприкосновенность внешнего вида, то этот способ защиты может выражаться, например, в публикации опровержения;

- пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Этот метод защиты может использоваться в сочетании с другими методами защиты, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, но все же носит самостоятельный характер. Часто функция этого метода защиты заключается в устранении препятствий для осуществления прав, созданных правонарушителем;

- возмещение убытков. Компенсация ущерба как способ защиты права на неприкосновенность внешнего вида и взыскание неустойки являются наиболее распространенными способами защиты нарушенных прав, включая внешний облик и могут использоваться как в области договорных, так и внедоговорных отношений, например, в случаях неудачных операций по изменению внешнего вида;

- компенсация морального вреда. Согласно действующему в Российской Федерации гражданскому законодательству, одним из условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Однако в с. 1100 ГК РФ предусмотрены случаи компенсации морального вреда, независимо от вины.

Как показывает анализ, право на неприкосновенность внешнего облика, становится особенно уязвимым и незащищенным в ситуации экспансии современных технологических средств в пространство публичных коммуникаций и коммерческих транзакций. В этой связи представляется чрезвычайно важной и необходимой разработка дополнительных правовых гарантий по охране как всей совокупности средств индивидуализации физических лиц, так и его персонального права на неприкосновенность «внешнего облика».

Литература

1. Верещагин О.А. Коммуникативная социогуманитарная парадигма и современные образовательные практики // Социология образования. – 2014. – № 10. – С. 87–97.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11 1994 г. №9 51-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f9498350007fc6def0300 6086be05e29c6f32397/ (дата обращения: 05.04.2021).

3. Ильютович Д.А. Юридическое содержание права гражданина на изображение // Правовая информатика. – 2015. – № 3. – С 47–52.

4. Маркин Д. Гражданин и право на изображение. – URL: https://www.kiaplaw.ru/press-centr/public/417.html (дата обращения: 05.04.2021).

5. Мограбян А.С. Внешний облик физичекого лица как объект субъективоного права на неприкосновенность // Вестник Волгогр. гос. ун-т:. Юриспруденция. – 2011. – № 9 (9). – С. 102–105 .

6. Мограбян А.С. Тенденции и перспективы развития гражданского законодательства в области внесудебной защиты права физического лица на внешний облик // Вестник ВолГУ. Сер.5. Юриспруденция. – 2012. – №2 (17). – С. 132–135.

7. Маркин Д. Гражданин и право на изображение. – URL: https://www.kiaplaw.ru/press-centr/public/417.html (дата обращения: 05.04.2021).
8. Определение КС РФ от 9 июня 2005 года № 248-О. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736/#dst0 (дата обращения: 06.04.2021).
9. Панасенко А. Технологии Deepfake как угроза информационной безопасности. – URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Deepfakes-as-a-information-security-threat (дата обращения: 05.04.2021).
10. Постановление КС РФ от 16 июня 2015 года № 15-П. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181188/ (дата обращения: 06.04.2021).

МЕТОДИКА ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

С.Я. Чувагина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
e-mail: chuvaginas@gmail.com
Научный руководитель: В.И. Шаров, д.юр.н. профессор

В настоящее время необходимо уделить особое внимание развитию методов и методик проверки подлинности цифровых изображений. В данной работе кратко представлены стадии исследования технической экспертизы цифровых изображений. Делается попытка систематизации имеющихся методов в данной области.

Ключевые слова: методы исследования; техническая экспертиза цифровых изображений; исследование.

С появлением новых способов подделки цифровых изображений возникает потребность и в разработке новых экспертных методов исследования. Признаки внесения изменений в изображения, изготовленных аналоговым способом, хорошо изучены [1, с. 98]. В то же время технологии подделки цифровых изображений с каждым годом совершенствуются, что влечет за собой и необходимость модификации экспертных методов и методик.

Важность разработки новых, а также совершенствования имеющихся методов и методик исследования определяется целым рядом проблем, связанным с отсутствием чётких алгоритмов установления наличия или отсутствия цифрового монтажа изображения и отсутствия методических рекомендаций исследования цифровых изображений в целом [2, с. 158], а также другими вопросами. Проблемы усугубляются и отсутствием у экспертов достаточных специальных знаний для установления признаков монтажа, видов и способов его внесения.

При этом первостепенным, ставящимся перед экспертом выступает вопрос, были ли внесены изменения в цифровое изображение?

На сегодня определились обстоятельства, существенно изменившие подходы к фототехнической экспертизе.

1. Существенно изменилась технология, физическая сущность процесса фотографирования.

2. Изменились технические и частично организационно-правовые свойства фотодокументов, что обусловлено объективными результатами развития цифровых технологий и научно-технического прогресса.

3. Расширился перечень сфер цифрового фотодокументирования (охраны, контроля дорожного движения, работы финансовых терминалов и т.д.), особенности которых требуют дополнительного развития судебно-экспертных методов.

4. Изменились технические возможности и ассортимент средств создания цифровых фотодокументов (фотоаппараты, видеорегистраторы, копиры, сканеры и др.).

5. Специальные знания расширены как базовыми знаниями по компьютерной технике и цифровому анализу графических файлов, так и специфическими знаниями о закономерностях формирования электронного и цифрового изображения на соответствующих носителях, их преобразование, передача и воспроизведение;

6. Расширение экспертной области знаний привело к увеличению областей, граничащих и пересекающихся с другими видами экспертиз, например, технической экспертизой документов, технической экспертизой видео, звукозаписи, автотехнической экспертизой, компьютерно-технической экспертизой [3, с.175].

Проанализировав указанные обстоятельства и современное состояние теории и практики фототехнической экспертизы, можно сделать вывод, что требуется модификация не только существующих методов исследования, но и разработки научных основ фототехнической экспертизы в целом.

Экспертное исследование основывается на общих методических положениях и состоит из подготовительной, аналитической, сравнительной и оценочной стадий.

На первой стадии происходит исследование объектов, представленных на экспертизу, изучение обстоятельств дела и постановления о назначении экспертизы. Экспертом тщательно рассматриваются вопросы, поставленные перед ним, определяется, входят ли они в его компетенцию. Если вопросы выходят за рамки профессиональной компетенции эксперта, тогда он не имеет полномочия осуществлять исследование. Огромную важность имеет определение пригодности объекта. Пригодными для исследования будут изображения: резкие, достаточно контрастные, имеющие достаточное разрешение. Проверяется правильность оформления представленных материалов дела. Происходит оценка полноты представленных материалов.

Вторая стадия включает в себя выбор методов исследования и программных средств. Эксперт производит идентификацию оригинала изображения, объектов и предметов, находящихся на нем. При этом исследование поступившего цифрового изображения заключается в изучении отдельных его элементов и выявлении признаков подделки.

Работа с цифровым изображением начинается с определения, какие были внесены изменения в содержание. К признакам изменения можно отнести следующие:

- изменение геометрических форм;
- неестественные тени или их отсутствие;
- изменение цвета или фактуры объекта, его частей;
- изменение освещения;
- разный характер шумов и ореолов вокруг контрастных объектов и т.д.

Исследование стоит начать с изучения визуальных признаков изображения. Использовать можно стандартное средство просмотра фотографий (например, приложение «Фотографии» в Windows 10). С помощью инструмента «Лу-

па» при увеличении просматриваются все детали изображения. После этого выбирается метод исследования.

Применяемые на практике методы можно условно разделить на следующие виды:

1. Методы, основанные на изучении пикселей изображения.

Чаще всего визуально довольно сложно обнаружить следы данного монтажа. Изображение может быть подделано путем добавления, удаления или замены некоторых областей в исходном изображении. Изображение может быть изменено следующим образом.

Копирование/перемещение области – некоторая часть изображения любого размера и формы копируется и вставляется в другую область того же изображения. Таким образом, наложением нового изображения можно скрыть какую-либо часть первоначальной области. Поскольку скопированная часть возникла из одного и того же изображения, ее основные свойства, такие как шум, цвет и текстура, не изменяются и делают процесс распознавания внесенного изображения затруднительным.

При оценке возможности монтажа изображение делится на пересекающиеся блоки по несколько пикселей, затем добавляются шумы, изображение сжимается и масштабируется. Пиксели сопоставляются друг с другом, выделяются не характерные для данной области признаки, по которым можно обнаружить вмешательство [5, с. 13].

Метод склейки изображений основан на том, что из одного изображения вырезается часть, которая используется для вставки на другое изображение. При склейке границы между областями могут быть визуально незаметны, однако оценка изображения возможна при сравнивании текстур изображения. Текстура – это функция, которая сегментирует изображение на области. Она дает информацию о пространственном расположении цветов или их интенсивностей в изображении. Текстуры изображения просматриваются в программах, таких как, например, «Texture Viewer» [4, с. 237].

Для выявления склейки изображение делится на ячейки, после чего оценивается цвет каждой. Если одна из ячеек отличается по цвету от других, то данная область была изменена.

Минусом данного метода является то, что перед экспертом остается трудная задача визуального изучения цветовой карты на предмет наличия признаков внесения изменения [3, с.989].

2. Методы, основанные на изучении формата изображений.

В программе «Double Quantization effect» проверяется изменение размера изображения (пережатие), особенности, свидетельствующие о многократном сохранении изображения. Результат представляется в виде гистограммы. Наличие больших значений пережатия свидетельствует о большом количестве сохранений и многочисленных изменениях в файле, что косвенно указывает на изменение изображения.

Алгоритм проверки качества изображения «Image Quality detection» показывает, на сколько упало качество, когда изображение было подвержено

многократному сохранению, что также говорит о возможном монтаже изображения.

В основе анализа «Block artifact grid detection» лежит деление изображения на ячейки (8×8 пикселей). Цвета каждой ячейки анализируются программой. Если ячейки, находящиеся рядом, имеют резкое изменение цветов, то это говорит о том, что в данную область вносились изменения. Данная программа подходит для нахождения «склейки» на изображении.

3. Методы, основанные на изучении света и тени.

Данные методы делятся на 2 вида. Первые основаны на исследовании освещения, вторые – на исследовании теней, имеющихся на изображении.

Оценка направления света производится в «Adobe Photoshop», пункт «Эффекты освещения». Тени связаны с направлением света в кадре, поэтому в первую очередь нужно найти источник освещения. После этого изучают положение и взаиморасположение теней, если часть из них не соответствует направлению света, то они наложены на исходное изображение. Также необходимо обратить внимание на объекты, тени которых отсутствуют.

4. Методы, основанные на изучении геометрии изображений.

С помощью алгоритмов, встроенных в программы анализа изображений, производятся различные виды измерений, такие как 3D-измерение высоты объектов на изображении, измерение вертикальной или произвольной плоскости относительно опорной плоскости [6, с. 918]. Производится измерение объекта в окружающем пространстве и его положения относительно камеры.

5. Самостоятельной задачей на этой стадии является восстановление оригинала изображения.

Третья стадия заключительная и представляет собой формулирование выводов. По результатам проведенного исследования делается вывод о наличии или отсутствии внесения изменений. В зависимости от того, обнаружены ли изменения или нет, вывод по вопросу «были ли внесены изменения?» может быть сформулирован следующим образом: «На цифровом изображении, представленном на исследование, следов внесения изменений не обнаружено» или «на цифровом изображении, представленном на исследование, обнаружены следы внесения изменений».

Необходимо подчеркнуть, что современное состояние экспертизы цифровых изображений подверглось качественным изменениям в связи с появлением целого ряда цифровых объектов, полученных с использованием цифровых фототехнологий. Поэтому разработка и совершенствование методов и методик в данной области является важной и актуальной задачей.

Литература

1. Анчабадзе Н.А., Мирошников А.С. Современное состояние практики исследования цифровых фотографических изображений с признаками цифровой ретуши и монтажа при проведении судебно-портретной экспертизы // Судебная экспертиза. – 2018. – № 2 (54). – С. 98.

2. Ефименко А.В. Современные возможности улучшения качества электронных изображений с целью последующего проведения портретных экспертиз и исследований // V Всероссийская научно-практическая конференция «Технико-криминалистическое обеспечение

раскрытия и расследования преступлений»: сборник материалов деловой программы XIX Международной выставки обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2015». – М.: ВДНХ, 2015. – С.158.

3. Кахнич В.Я. Актуальність та розвиток судової фототехнічної експертизи. Теорія та практика судово-експертної діяльності. – 2019. – С. 175.

3. Barnard K., Martin L., Coath A., and Funt B. A comparison of computational color constancy algorithms – Part II: Experiments With ImageData. IEEE Trans. Image Process., vol. 11, no. 9, Sep. 2002, P. 989.

4. Sklansky J. Image Segmentation and Feature Extraction. Systems, Man and Cybernetics, IEEE Transactions on, vol.8, no.4, April 1978. P.237.

5. Toqeer Mahmood, Tabassam Nawaz, Aun Irtaza, Rehan Ashraf, Mohsin Shah, Muhammad Tariq Mahmood. Copy-Move Forgery Detection Technique for Forensic Analysis in Digital Images. Mathematical Problems in Engineering, vol. 2016, Article ID 8713202. P.13.

6. Warfield S., Zou K., Wells W. Simultaneous truth and performance level estimation (STAPLE): an algorithm for the validation of image segmentation. IEEE Trans. Med. Imaging 23(7), 2004. P. 918.

Научное издание
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
Сборник статей участников
Всероссийской научно-практической конференции (16–17 апреля 2021 г.)

Технический редактор и корректор Н.В. Жучкова
Верстка и вывод оригинал-макета З.Ю. Скочигоровой

Подписано в печать 13.10.2021. Формат 60х84/16
Усл. печ. листов 11,04. Тираж 300 экз. Заказ №56/21

Издательство Арзамасского филиала ННГУ
607220, г. Арзамас Нижегородской обл., ул. К. Маркса, 36

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000 г. Н. Новгород, ул., Б. Покровская, 37